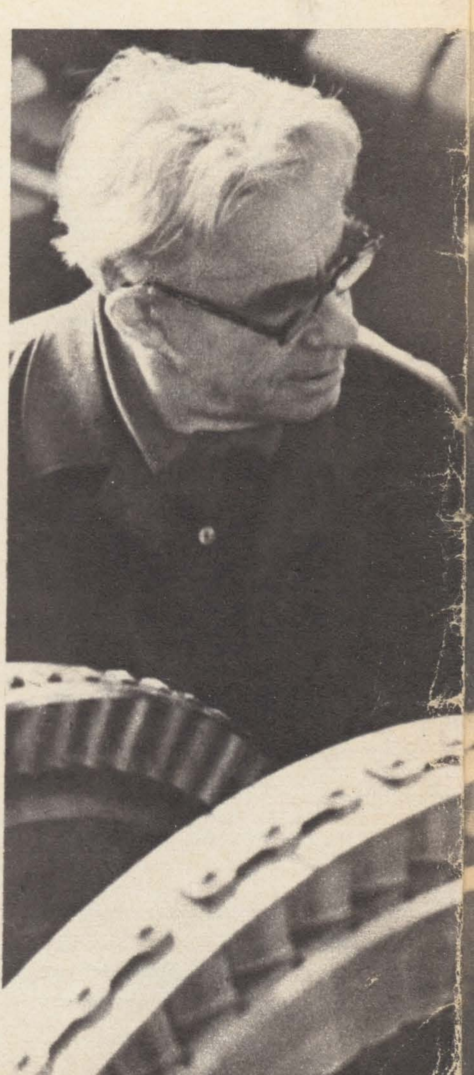

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 12 МАРТ 1980

АПР

В этой камере балансируют роторы паровых турбин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

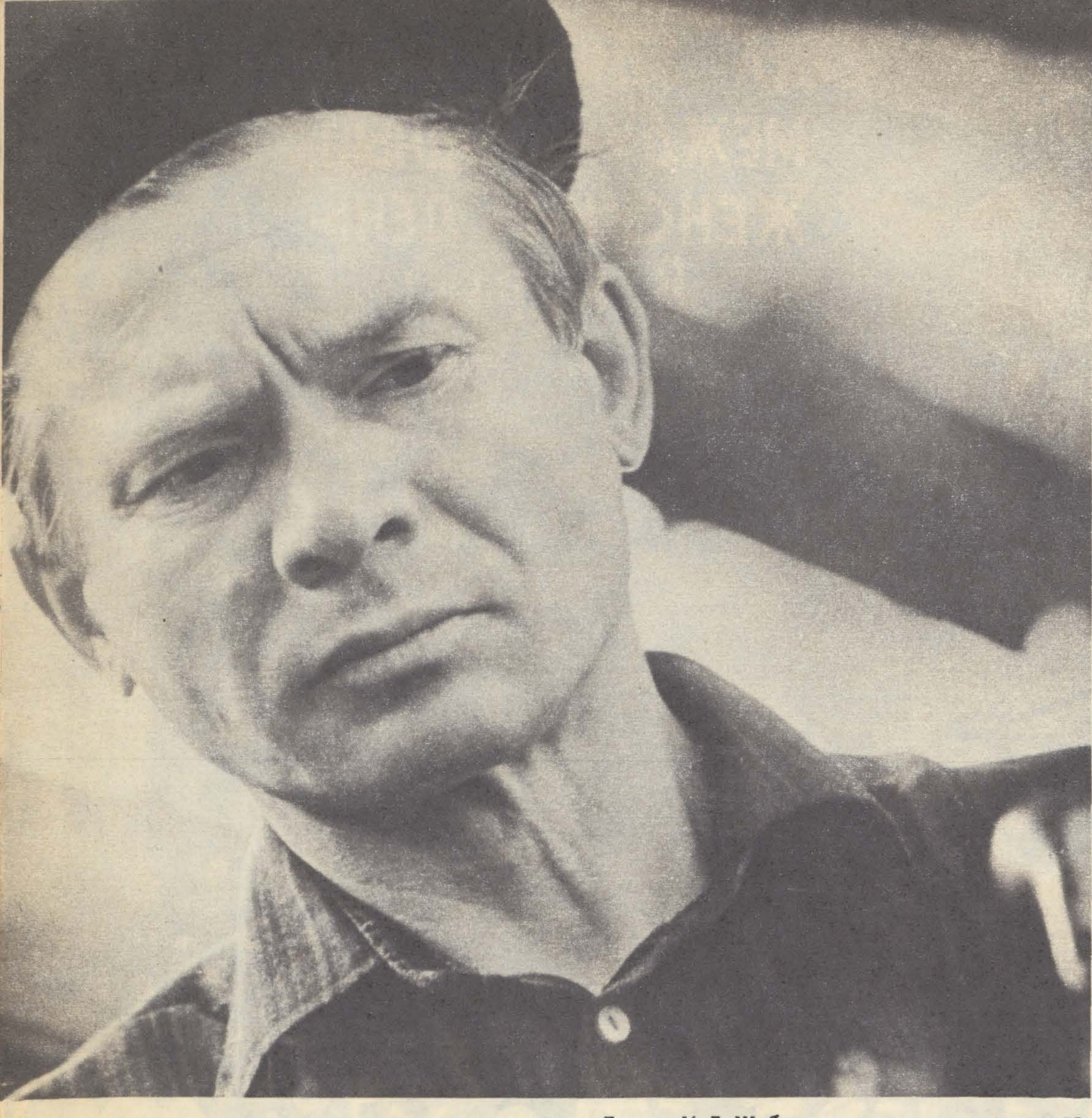
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 12 (2749)

15 МАРТА 1980

Фото Г. КОПОСОВА

Токарь И. Г. Шибанов — член парткома завода.

ЕЛЬСКИЙ РАПОРТ

Д. П. Бузин — конструктор, лауреат Ленинской премии, А. В. Урьев — начальник испытательной станции, и П. Е. Тхор — конструктор. лауреат Ленинской премии.

АДРЕСА ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

Вы возвращаетесь вечером домой и порой даже не замечаете, что в комнате тепло, что стоит только щелкнуть выключателем, как зажигается свет. На кухне поворачиваете рукоятку газовой плиты, подносите спичку, и над горелкой вспыхивает голубой огонек—кипяти, вари, жарь! Это вы тоже воспринимаете как должное. А потом под струей горячей воды моете посуду. Быстро и удобно.

А как же все-таки и тепло, и свет, и газ, и горячая вода попадают в вашу квартиру? Желание узнать это приведет вас на ТЭЦ, где работают паровые теплофикационные турбины, на газоперекачивающие станции с компрессорами, перегоняющие голубое топливо по газопроводам от места его добычи к вам в кухню. На турбинах вы можете заметить эмблему производственного объединения «Турбомоторный завод» имени К. Е. Ворошилова.

Машины с маркой этого предприятия ценятся не только у нас, но и за рубежом — более чем в тридцати странах используют паровые и газовые турбины, двигатели и силовые агрегаты, добротно сработанные умелыми руками уральских турбомотоpостроителей. В объединении все делается для того, чтобы продукцию выпускать только высокого качества. В цехах новое оборудование, станки с программным управлением, самая современная технология. Большинство рабочих — отличные специалисты, мастера своего дела. Коммунист Иван Григорьевич Шибанов — передовик производства, рационализатор. В цехе топливной аппаратуры он трудится почти тридцать лет. За успехи в прошлой пятилетке Иван Григорьевич награжден орденом Ленина. Десятая пятилетка стала для него новой ступенькой к вершинам мастерства. План четырех лет он закончил за три и сейчас соревнуется за то, чтобы в дни празднования 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина рапортовать о завершении своей личной пятилетки. И. Г. Шибанов — лауреат Государственной премии СССР.

Все детали стекаются на сборочный стенд, где слесари-сборщики монтируют из них паровую турбину. Здесь дело не обходится без Петра Степановича Кадникова. Тридцать пять лет назад, когда он пришел в механосборочный цех и начал работать стропалем, специальность эта была далеко не престижной, он числился разнорабочим. Сейчас название ее осталось прежним, а значение выросло неизмеримо. Пожалуй, нет на заводе ни одной турбины, в сборке которой Петр Степанович не принимал бы участия.

Но вот турбина собрана, испытана, и отдельные ее части упакованы в ящики. Чтобы отправить машину заказчику, завод грузит ее почти на сто платформ. На ТЭЦ турбину вновь собирают в общую энергосистему.

И в квартиры горожан текут электроэнергия и горячая вода.

А. ВАЙНБЕРГ,
редактор заводской газеты «Знамя»

Свердловск.

Москва. 7 марта 1980 года. Торжественное собрание в Большом театре Союза ССР.

Фото А. Гостева

ЧЕСТВУЕТ РОДИНА

В 70-й раз отмечался ныне Международный женский день, ставший днем единства и солидарности трудящихся женщин всех континентов. В нашей стране это один из самых светлых и радостных праздников.

7 марта в Большом театре Союза ССР собрались представители партийных, советских и общественных организаций Москвы, передовики и новаторы производства, деятели науки и культуры, воины Советской Армии, ветераны войны и труда. Здесь состоялось торжественное собрание, посвященное Международному женскому дню.

Продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищей В. В. Гришина, А. П. Кириленко, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, М. С. Горбачева, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина.

Единодушно избирается почетный президиум собрания в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Собрание открыла секретарь МГК КПСС Р. Ф. Дементьева. От имени советских женщин она выразила чувства глубокой благодарности Центральному Комитету партии за высокую оценку роли советских женщин в коммунистическом строительстве, за ту большую заботу, которую Центральный Комитет КПСС, его Политбюро во главе с товарищем Леонидом Ильичом Брежневым проявляют о благе и счастье советского народа, о женщинах нашей страны, о мире на всей земле.

В приветственном письме Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР участники собрания единодушно заверили, что женщины, все трудящиеся Москвы умножат свои усилия в борьбе за претворение в жизнь решений XXV съезда КПСС, заданий пятилетки.

Во время вручения награды. Фото А. Гостева

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбал вручил 7 марта в Кремле члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину высшую награду Монгольской Народной Республики — орден Сухэ-Батора и медаль «Золотая звезда».

Звание Героя Монгольской Народной Республики присвоено А. Н. Косыгину за большой вклад в развитие и укрепление братской дружбы и всестороннего сотрудничества между СССР и МНР, в дело всеобщего мира и в связи с 75-летием со дня рождения.

Ю. Цеденбал тепло поздравил А. Н. Косыгина и пожелал ему доброго здоровья и новых больших успехов в его ответственной деятельности на благо мира и социализма.

А. Н. Косыгин сердечно поблагодарил Центральный Комитет Монгольской народно-революционной партии, Президиум Великого Народного хурала, правительство МНР за высокую награду и сказал, что рассматривает ее как символ нерушимой дружбы между советским и монгольским народами, как признание выдающейся роли Коммунистической партии Советского Союза в развитии и укреплении советско-монгольских отношений, которые никогда и ничем не омрачались.

При вручении награды присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, заместители Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, Н. К. Байбаков, В. Э. Дымшиц, К. Ф. Катушев, Т. Я. Киселев, М. А. Лесечко, Н. В. Мартынов, Г. И. Марчук, И. Т. Новиков, З. Н. Нуриев, Л. В. Смирнов, управляющий делами Совета Министров СССР М. С. Смиртюков, а также посол МНР в СССР Д. Готов.

ЛЕНИНСКАЯ ГРАМОТА—ЛУЧШИМ

О. ПЕТРИЧЕНКО

12 мая 1917 года. После выступления перед путиловцами В. И. Ленин произнес речь на митинге, созванном Петроградским комитетом РСДРП(б) на железобетонной площадке Адмиралтейского судостроительного завода. Около двадцати тысяч человек слышали в тот день на Галерном острове Ильича. Его четкая большевистская позиция выражала кровные интересы рабочих. В музее Ленинградского Адмиралтейского объединения бережно хранятся воспоминания очевидцев, из которых видно,

Им вручена почетная Ленинская грамота. Слева направо: токарь Н. С. Горбатюк, слесарь П. Б. Бобров, токарь Н. К. Иванов, столяр П. А. Палкин, отделочник А. С. Глазунов и токарь В. С. Филиппов.

Фото Ю. Щенникова

Продолжение см. на стр. 6.

МОЙ АДРЕС — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

18 марта исполняется 32-я годовщина Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ.

Филип Яшаров, Калин Господинов, Стефан Николов и Кирил Колев строят Лебединский горно-обогатительный комбинат. Фото О. СИЗОВА (ТАСС)

«Мой адрес — Советский Союз». Слова из популярной песни может отнести к себе любой из болгарских строителей, работающих сегодня в СССР.

— Год рождения — 1969-й. Профессия — строитель-универсал. Место работы — от Ужгорода до Тюмени и от Архангельска до Бухары. Так выглядят «анкетные данные» отряда болгарских рабочих. С нашим участием сооружено около 120 промышленных объектов,— рассказал корреспонденту «Огонька» Б. Лабутину руководитель Дирекции строительства НРБ в СССР, заместитель министра строительства Народной Республики Болгарии, Герой Социалистического Труда НРБ Николай ВИДЕНОВ. — Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат, газоперерабатывающий завод в Оренбурге, газопровод СССР — НРБ, горно-обогатительный комбинат и фабрики по производству железного концентрата в Губкине и Железногорске, цементный завод в Старом Осколе... Миллион квадратных метров жилья, четырнадцать школ, более двадцати детских садов и яслей, больницы, дома культуры.

На основе межправительственных соглашений Болгария предоставляет строительные материалы и специалистов, а взамен дополнительно получает газ, нефть, руду, целлюлозу,

US

ВИНОВАТ!!! ОТКАЗЫВАЮСЬ ОТ СВОЕГО ПРОТЕСТА ПРОТИВ ИЗРАИЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ОККУПИРОВАННЫХ АРАБСКИХ ЗЕМЛЯХ.

НА ВООРУЖЕН ИЗРАИЛЮ

КУКРЫНИКСЫ-80

СЛОН И МОСЬКА

(Не по И. А. Крылову.)

На моську дедовских времен
Не обращал вниманья он,
А нынешний, хвостом виляя,
Боится моськиного лая.

Дм. ДЕМИН

Рисунок **КУКРЫНИКСОВ**

древесину. Насколько это важно для болгарской экономики, можно судить, скажем, по тому, что у нас нет своих месторождений газа. Подписана генеральная схема специализации и кооперирования между СССР и НРБ до 1990 года. Немало совместных объектов предстоит завершить уже в нынешнем году. Я только что вернулся из Губкина, в марте там досрочно вводится в эксплуатацию новая очередь Лебединского горно-обогатительного комбината. Болгарские строители посвящают это достижение 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

У советских друзей мои соотечественники многому научились и сами стали зачинателями нового. За три года болгарские рабочие в СССР подали 885 рационализаторских предложений, эффект — два с половиной миллиона рублей.

Советский образ жизни — это для нас школа трудового и интернационального воспитания. С гордостью скажу, что болгары одними из первых прибыли в Газли после землетрясения 1976 года. Есть и такая статистика: за десять лет сыграно две с лишним тысячи «интернациональных» свадеб. Это понятно, ведь средний возраст наших рабочих здесь — 30 лет. На стройках дружбы должна трудиться молодежь, ей нести эстафету интернационализма в будущем. Право поехать в СССР получают у нас лучшие. Кандидатов утверждают комиссии при окружных комитетах БКП. 165 представителей болгарского отряда награждены советскими орденами и медалями, а 350 человек удостоены звания «Ударник пятилетки».

Нередко приходится слышать различные западные «радиоголоса»: якобы положение болгарских рабочих в Советском Союзе не отличается от судьбы «гастарбайтеров» в капиталистических странах. Авторам подобной лжи не понять суть новых, утвержденных социализмом отношений между людьми. «Лишних» рук нет в Болгарии, мои соотечественники едут в СССР не в поисках работы, а выполняя решения партии и правительства. Они пользуются здесь теми же правами, что и советские коллеги: отпуска, дома отдыха, медицинское обслуживание. 1700 рабочих из НРБ учатся заочно в советских вузах и других учебных заведениях. Часто на совместных стройках бригада советская, а бригадир болгарин, и наоборот. Сообща проводятся совещания, собрания — наши и ваши строители вместе участвуют в управлении производством.

Первый раз я встретился с советскими людьми в незабываемом сентябре 1944-го. Мне шел двадцать второй год. Я сидел в тюрьме в Сливене за подпольную деятельность в Рабочем молодежном союзе. Освободили ваши красноармейцы. Не знал я тогда, что эта встреча так счастливо продолжится сегодня. Наша работа здесь — конкретное воплощение курса БКП и КПСС на дальнейшее сближение братских народов, судьбы которых соединил социализм.

Наш взгляд

ЗИМБАБВЕ — НОВАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Евгений **ГРИГОРЬЕВ**

Каждый очередной листок календаря приближает день (ориентировочно в конце марта), когда будет официально провозглашено создание 50-го независимого государства Африки — Зимбабве. Это стало возможно в результате состоявшихся там всеобщих выборов, которые ознаменовались большой победой патриотических сил.

Долог и нелегок был путь к этому рубежу. Колониализм особенно упорно цеплялся за свой южнородезийский оплот. Монополии США, Англии и других стран Запада привлекают в этой стране залежи хрома, железа, никеля, олова, меди, золота, и они делали все, чтобы сохранить свои позиции и прибыли, извлекаемые из труда и пота народа Зимбабве. Вооруженная до зубов армия карателей пыталась подавить освободительную борьбу в Родезии военной силой.

На протяжении последних пятнадцати лет предпринимались и неоднократные попытки достичь той же цели с помощью политических хитросплетений. Расисты провозгласили создание своего государства, полагая, что смогут силой обеспечить свое господство в стране, где из 6,7 миллиона населения 6,4 — африканцы. Затем пытались осуществить план так называемого «внутреннего урегулирования». Его суть сводилась к камуфляжу фасада расистского режима с помощью черных марионеток вроде епископа Музоревы. Но рухнула и эта конструкция. И вот в конце минувшего года на лондонской конференции было достигнуто мирное соглашение по Родезии. Была согласована новая конституция, лишающая расистов ряда привилегий, но в то же время оставляющая за белым меньшинством 20 процентов мандатов в стоместном парламенте. Договоренность предусматривала прекращение огня, временное восстановление власти английского губернатора и проведение всеобщих выборов.

И вот теперь эти двухступенчатые выборы — отдельно для белых и для коренного населения страны — позади. Они проводились в непростых условиях для патриотических сил. Его лидеры получили возможность вернуться на родину лишь за полтора месяца до голосования. Партии Патриотического фронта подвергались дискриминации, угрозам. И местные расисты и их империалистические покровители делали ставку на сохранение марионеточного премьера Музоревы. Но народ Зимбабве решил иначе. Он вышвырнул расистского ставленника и его «правящую» партию на свалку. Все, что им удалось получить,— это лишь три места в новом парламенте. Рухнули надежды расистов Смита и их покровителей. «Результаты выборов, вероятно, не те, которые ожидали»,— горюет лондонская «Дейли телеграф».

Волей народа Зимбабве на политическую авансцену страны вышли партии Патриотического фронта — Африканский национальный союз Зимбабве (ЗАНУ), возглавляемый Робертом Мугабе, и Союз африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) во главе с Джошуа Нкомо. Они получили соответственно 57 и 20 мандатов — более трех четвертей всех парламентских мест. Выборы отразили высокий авторитет Патриотического фронта, огромное доверие масс к нему.

В приветствии руководителям Патриотического фронта Зимбабве товарищ Л. И. Брежнев отметил: «Убедительная победа патриотов Зимбабве является закономерным итогом многолетней героической борьбы, которую народ Зимбабве вел под руководством Патриотического фронта за ликвидацию расистских порядков, за свободу и независимость своей родины. Она перечеркнула попытки расистов и империалистов навязать народу марионеточный режим, открыла новую страницу в истории Зимбабве. Созданы необходимые предпосылки для построения подлинно независимого, суверенного Зимбабве».

Создание первого правительства независимого государства поручено президенту ЗАНУ Р. Мугабе. В Солсбери объявлено, что новое правительство будет правительством Патриотического фронта. В то же время в него намечается включить представителей всех расовых групп. Обрисовывая основные черты правительственной программы, Р. Мугабе высказался за укрепление национального единства, обеспечение всем гражданам основных свобод, искоренение расового неравенства. Программа предусматривает проведение различных преобразований с учетом реально существующего в стране положения. Одну из острых социальных проблем отражает такой факт, о котором сообщает из Солсбери агентство Рейтер: «Перераспределение земли — ключевой вопрос для африканцев, которые давно уже возмущены тем, что более 80 процентов обрабатываемых площадей принадлежат лишь 4,5 тысячи белых фермеров». Президент ЗАНУ заявил, что планируется национализировать неиспользованные земли для распределения среди безземельных крестьян. Срочный характер носит задача создания национальной армии вместо существующих военных формирований сторон, среди которых имеются карательные части расистов и белых наемников. Короче, на пути в будущее у нового Зимбабве немало трудностей и проблем, оставляемых режимом расистов и колонизаторов.

Империалистические покровители и союзники расистов вынуждены признать приговор народа Зимбабве. Но уже сейчас заметно, что его недруги не оставят своих происков, склонны подвергнуть новое независимое государство давлению изнутри и извне. Западная пропаганда пытается сеять семена раздора среди победившего народа, запугивать белое меньшинство новой властью. Нельзя сбрасывать со счетов, что расисты все еще обладают ключевыми позициями в армии, полицейском аппарате, в экономике и других важных сферах. Их союзником в качестве возможной внешней силы агрессии выступает режим соседней ЮАР. Понятно, что будущее народа Зимбабве, его дальнейшее успешное продвижение по пути строительства новой жизни во многом будут зависеть от единства и сплоченности патриотических сил, их способности дать отпор проискам сил империалистов и расистов.

Фото А. Гостева

ГОРДОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСКУССТВА

Двухсотлетию со дня рождения Алексея Гавриловича Венецианова, замечательного русского художника, одного из основоположников русской реалистической живописи, был посвящен торжественный вечер, состоявшийся 6 марта в Большом театре Союза ССР.

Здесь собрались представители общественности столицы, деятели культуры и науки, рабочие московских предприятий.

На вечере присутствовали товарищи В. В. Гришин, А. П. Кириленко, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин.

Вечер открыл председатель правления Союза художников СССР Н. А. Пономарев. Он подчеркнул, что бессмертные произведения Венецианова вобрали в себя все лучшее, чем по праву гордится отечественная культура. Эстетические идеалы советского изобразительного искусства, искусства социалистического реализма убедительно подтверждают органичную связь современной отечественной художественной культуры с лучшими национальными гуманистическими традициями, одним из основоположников которых был Венецианов.

Слово о Венецианове произнес председатель правления Союза художников РСФСР С. П. Ткачев.

О том, как свято чтут память своего земляка жители древней тверской земли, говорил первый секретарь Калининского обкома КПСС П. А. Леонов. О традициях творчества Венецианова, на которых воспитаны многие поколения мастеров изобразительного искусства, сообщил на вечере председатель правления Союза художников Украинской ССР В. З. Бородай.

Торжественный вечер в Большом театре стал выражением любви и уважения к великому русскому художнику, восславившему трудовой народ, любимую Отчизну.

ЛЕНИНСКАЯ ГРАМОТА — ЛУЧШИМ

Начало см. на стр. 3.

как многим судостроителям эта встреча помогла определиться в сложнейшей обстановке тех дней, привела их в ряды партии большевиков.

Корабелы-адмиралтейцы всегда были в авангарде революционной борьбы. Интересно, что именно их руками был построен легендарный бронепалубный крейсер первого ранга «Аврора». Об этом сегодня напоминает мемориальная доска, установленная на одном из заводских стапелей.

История... Ею гордится нынешнее поколение адмиралтейцев. Когда в августе 1977 года атомный ледокол «Арктика», осуществив давнюю мечту мореходов, достиг Северного полюса, одно из первых поздравлений пришло в объединение. И хотя строили «Арктику» на соседнем Балтийском заводе, этот знак внимания был вполне заслужен адмиралтейцами. Именно они несколькими годами раньше вписали самую первую страницу в летопись атомного ледокольного флота. Флаг, поднятый на атомоходе «Ленин», был как бы стартовым флагом для нового поколения полярников. Опыт первенца атомного флота, кадры, воспитанные в историческом походе, предопределили будущие высокоширотные экспедиции «Арктики» и «Сибири», позволили обеспечить почти круглогодичную эксплуатацию Северного морского пути.

Мне посчастливилось побывать на этих кораблях. И среди членов экипажей я встретил немало людей, чья жизнь так или иначе была связана со старейшей ленинградской судоверфью, отметившей недавно свое 275-летие. Во время испытаний «Сибири» в мой блокнот впервые попала фамилия заслуженного адмиралтейца Виктора Сергеевича Филиппова. Нет, сам он никогда не бывал за Полярным кругом, но память о нем сохранил один из его учеников, ставший матросом «Сибири». Виктор Сергеевич — станочник, и считает себя человеком сугубо сухопутным. Но и с морем судьба обручила его накрепко. А за участие в создании атомохода «Ленин» и других судов он получил орден Трудового Красного Знамени. Недавно исполнилось тридцать пять лет работы В. С. Филиппова на судостроительном заводе. Накануне первый секретарь Октябрьского РК КПСС В. А. Романов вручил ему в числе передовиков, досрочно завершивших задание пятилетки, почетную Ленинскую грамоту, учрежденную постановлением ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

— Для меня и моих товарищей,— сказал Виктор Сергеевич,— большая честь получить награду, носящую имя вождя революции. Это свидетельство того, что адмиралтейцы достойно продолжают дело, завещанное Ильичем. Ленин учил отмечать юбилеи не словами, а ударной работой. Обязуюсь до конца года завершить производственную программу следующего, 1981 года.

Лучшие из лучших собрались в этот день в парткоме объединения. Судосборщик Н. В. Фидриков, станочник Н. К. Иванов, токарь Н. П. Степанова... Их имена хорошо знают адмиралтейцы. Но не просто высокие цифры сверхплановых показателей принесли им эту известность. Творческое отношение к работе, забота о молодежи — все это искренне привлекает людей. У правофланговых немало последователей. Закономерно и то, что среди опытных мастеров, собравшихся в зале, был комсомолец Александр Ильин. По возрасту он годится Филиппову в сыновья. Александр — медник, он комсорг 21-го цеха, в течение двух лет становился победителем общезаводского социалистического соревнования. Сейчас трудится в счет ноября 1981 года.

— Девиз ленинградцев,— сказал Александр,— звучит победно: «От высокого качества работы каждого — к высокой эффективности труда коллектива!» Тридцать наших комсомольско-молодежных бригад решили завершить плановые задания десятой пятилетки ко дню рождения Ленина — к 22 апреля.

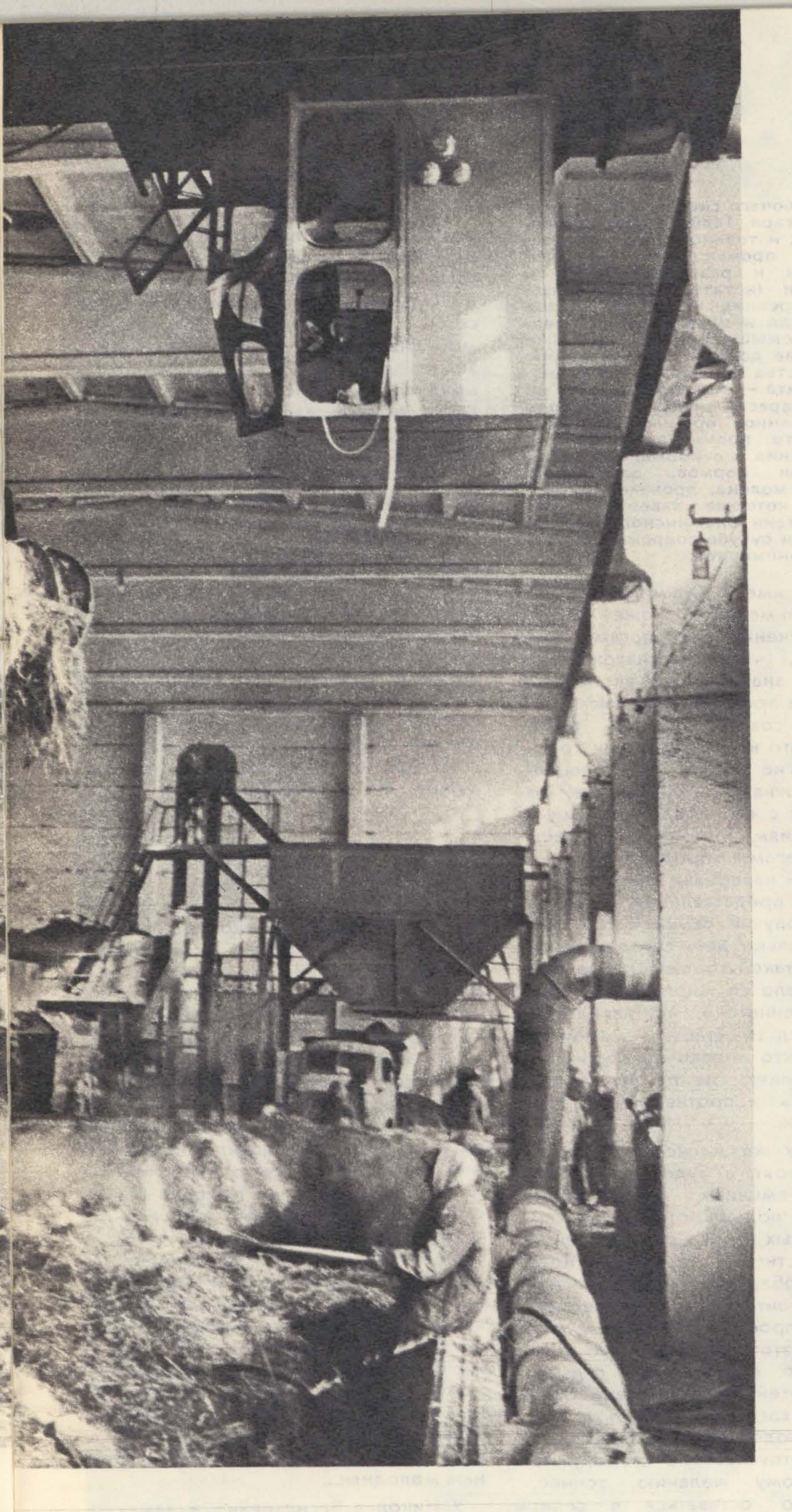
Адмиралтейцы — создатели научно-исследовательского ледокола «Отто Шмидт», а также других современных судов. Их ударный труд — рабочий ответ на ленинский юбилей.

Свой кормозавод в колхозе — благо.

АЛЕК

Комсомолка Татьяна Кириленко — бухгалтер цеха доращивания.

КСЕЕВСКАЯ СЛОБОДА

Николай БЫКОВ, фото Бориса КУЗЬМИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

За пробудившимся течением Тихой Сосны, на самой окраине районного городка Алексеевки, Белгородской области, отстроена типовая усадьба ордена Трудового Красного Знамени колхоза имени Ольминского. Колхоз широко известен как крупное специализированное предприятие по производству говядины, как один из удачных примеров концентрации сельскохозяйственного производства на промышленной основе. Каждодневные заботы колхозников, специалистов и правления колхоза, которое вот уже девять лет возглавляет депутат Верховного Совета РСФСР Н. В. Дорошенко, дают немало поводов для размышлений и в конце концов понимания тех процессов жизни, которые характерны для сегодняшнего этапа развития нашего сельского хозяйства. В эти дни исполнилось пятнадцатилетие мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС — нового этапа на пути претворения в жизнь аграрной политики КПСС. Приметами марта нынешнего 1980 года стали определенные, вполне реальные достижения развивающейся сельской экономики и столь же реальные новые задачи, возросшие запросы деревни, проблемы дальнейшего развития сельского хозяйства в одиннадцатом пятилетии.

Депутат Верховного Совета РСФСР Николай Васильевич Дорошенко.

I

СЕМНАДЦАТЬ перекатов доисторического морского дна лежат на пути от областного центра к дальнему райгородку Алексеевке. Слепяще белел поздний и так много обещающий снег. А летом, рассказывали попутчики, вот так же, как сугробы, белеют меловые обнажения и карьеры, давшие название молодой области.

В Белгородской области давно неравнодушны к разным новшествам в деле совершенствования организации сельского труда. Еще в 1964 году попробовали, например, наладить дело откорма в условиях концентрации скота в отдельных колхозах — таких для начала создали тогда девять. Решение подсказал здравый смысл: область исторически занималась сахароварением, имела до двух миллионов тонн жома, очень питательного отхода сахарной промышленности. Обычно жом развозили за двадцать, а то и за тридцать километров по многочисленным фермам, всегда практически по бездорожью... А нельзя ли?.. Оказалось, можно — можно не развозить каждодневно жом по сотням адресов, а скот поставить на откорм поближе, рядом с заводами. Сказано — сделано. Появились первые откормочные хозяйства, в которые собирали молодняк и выбракованных коров со всей округи, исторически тяготевшей к данному сахарному заводу. Маломощные колхозы избавились от многих забот. На откормочных площадках колхозов, принявших эти заботы на себя, в короткие сроки построили новые помещения, а трудоемкие процессы кормления скота и уборки навоза механизировали. Телятниц и скотников стали величать операторами.

Даже такая доморощенная индустриализация позволила получать на тонне жома до десяти килограммов говядины и семь рублей чистой прибыли. Теперь в спецколхозах содержали в среднем по десять тысяч голов. Таким образом, производительность труда животноводов в области немедленно и естественно возросла почти вдвое. Но то все история, а вот в минувшей пятилетке Белгородская область продала почти тридцать тысяч тонн говядины сверх плана. Впервые. И совсем свежий пример: даже в прошлом году белгородцы, несмотря на засушливое лето и раннюю бескормицу, продали свыше ста тридцати тысяч тонн мяса. Это, конечно же, меньше, чем в более благоприятном 1978 году, но не было ни падежа, ни сокрушающих экономику убытков, так что речь — о возможностях специализации хозяйств на промышленной основе, которая помогла устоять даже в бедный кормами год...

II

И ВОТ с последнего переката показалась Алексеевка, знаменитая не только в области, но и в отечественной нашей истории. Сын местного крепостного крестьянина А. В. Никитенко стал академиком русской словесности. Здесь родина Н. В. Станкевича, известного философа-просветителя. И родина (с малолетства воспитывался и жил) революционного публициста-ленинца М. С. Ольминского. Здесь оборотистый, сметливый крестьянин Д. С. Бокарев открыл промышленный способ давить масло из семян тогда еще огородной культуры подсолнечника, чем способствовал зарождению и становлению перерабатывающей промышленности в черноземной России. Так что Алексеевскую слободу с ее заводишками можно теперь рассматривать как прообраз нынешних аграрно-промышленных объединений. Вот как глубоки корни пережившего экономическое обновление и специализацию алексеевского колхоза имени Ольминского, головного предприятия по откорму крупного рогатого скота на промышленной основе.

— Академия передового опыта,— так сказал об этом колхозе первый секретарь Алексеевского горкома партии Л. В. Енин.

Упоминание о давно прошедшем Алексеевки оправдано тем, что вся ее история типична для южной России, она как бы издавна получила благотворное ускорение в направлении как экономического, так и социального поиска. Про Алексеевскую слободу Владимир Ильич Ленин писал в книге «Развитие капитализма в России»: «В одной слободе Алексеевке... насчитывается более 40 маслобоек...» Как отразилось это богатство крестьянской буржуазии на массе крестьянства,— видно из того, что в 1890 г. в слободе Алексеевке из 2273 приписных семей (с 13 386 душ об. пола) 1761 не имели рабочего скота, 1699 не имели инвентаря, 1480 не обрабатывали земли, и только 33 семьи не занимались промыслами». Так что тенденция к развитию сельской индустрии (кстати, за счет разорения деревни), к тесной увязке жизни поля и цеха перерабатывающей промышленности, а также стремление довести концентрацию производства до выпуска конечного продукта — все это не ново, но тем и интересен экскурс в не столь уж отдаленное прошлое. Из него видно, что промышленные цехи доращивания и откорма, цехи приготовления кормов, заменителя цельного молока, дрожжей и биодобавок, которые завел у себя колхоз имени Ольминского,— явление хотя и сугубо современное, однако закономерное.

Колхоз имени Ольминского достоин внимания, а может быть, даже изучения социологами еще и потому, что местонахождение его (но, значит, и вся экономика и главные производственные интересы) не совсем обычно. Мало сказать, что колхоз этот при городе,— многие колхозники, специалисты и живут в райгородке, по соседству с его предприятиями и учреждениями, пользуются известными благами городского бытия. И каждый наверняка сверяет собственные представления о жизни и благополучии семьи с тем, что могут реально дать сегодня человеку вот такой город и такое при городе село со многими чертами промышленного производства. Город был и остается магнитом для тех, кто вправе искать и постоянно ищет, где лучше. Такова реальность и противоречие живой жизни.

Взять ту же Алексеевку. Здесь много строят, а будет еще больше современных предприятий, все выше поднимаются тут и там этажи новых кварталов. Население скоро достигнет ста тысяч. Колхозники, обладающие техническими и строительными профессиями, да и просто навыками, не могут всего этого не видеть, не примерять к собственной судьбе, судьбе детей. Колхоз имени Ольминского хотя и принимает за год десятки людей на работу, но не меньше отпускает на сторону по собственному желанию, точнее, нежеланию оставаться в селе. Город—по-прежнему сильный магнит, несмотря на то, что в том же колхозе Ольминского для мастера, для специалиста теперь есть и интересная работа на новом кормозаводе и в других цехах, есть разнообразная новая техника, есть высокая оплата труда, современный режим рабочего дня и прочие социально-культурные блага, да и город — через речку. И все же, и все же...

Опровергая мое впечатление об особенной географии колхоза имени Ольминского, кто-то в разговоре многозначительно заметил: «Теперь вся сельская Россия сплошь пригородная». Справедливо имелось в виду то, что резко сократились за последние годы расстояния между любым селом и городом либо районного, либо даже областного масштаба: всюду или почти всюду есть дороги и автобусные маршруты, стало намного больше, чем бывало, машин в колхозах, в том числе и личных. Доехать до города, пообщаться с горожанами, постоять на базаре или побывать в магазинах с промышленными товарами, в общем-то, перестало быть проблемой.

Проблема в другом: колхозное дело должно это сближение, это тесное соседство пережить — без ущерба для производства зерна, молока, овощей, фруктов или того же мяса, как в колхозе имени Ольминского. Времена, когда селян уговаривали, удерживали, мобилизовывали, миновали. Но и землю нельзя осиротить. Экономика того не простит, да и многомиллионные капвложения, которых наконец-то дождалось и получило наше сельское хозяйство, должны именно теперь порадовать отдачей. Вот такая сложилась ситуация в хозяйстве, живущем и развивающемся плечом к плечу с перспективным городом. Кто кого? — так ставить вопрос неумно, тут напрашивается объединение общественных, пока межведомственных интересов в рамках еще большей кооперации — вплоть до создания единого районного хозяйства с замкнутым циклом производства всех видов сельской и промышленной продукции. Но это — в будущем.

III

ДНЕМ УЖЕ КАЗАЛОСЬ, что весна подошла к самой околице, вот-вот забарабанит капель, снега набухнут водой... Но звездными вечерами держались старые холода, снег одевался в крепкий панцирь, готовился к солнечной осаде. Такой всегда он, март-марток... Оставалось вечерами одно — разговоры «за жизнь».

— Живем под созвездием Тельца! — образно объяснил назначение хозяйства и свою озабоченность ходом зимовки Николай Васильевич Дорошенко, председатель колхоза имени Ольминского. Он имел в виду, конечно, концентрацию животноводства и откорм, производство говядины.— У нас вся экономика от привесов зависит, а привесы по такой зиме, сами понимаете... Скота на откорме почти пятнадцать тысяч. От того, как мы сработаем, от наших прибылей зависит и благополучие тех колхозов, которые поставляют нам молодняк...

У Николая Васильевича, я заметил, всегда под рукой не блокнот, и не старомодные счеты, и даже не позвякивающий арифмометр, а игрушечная на вид, симпатичная коробочка карманного компьютера. Вот и сейчас председатель проиграл некую задачку на легоньких, бесшумных клавишах-кнопочках и потом долго смотрел на вспыхнувшее микротабло с результатом... Думаю, что ответ машинки он знал и до ввода исходных данных.

— Такой, понимаете ли, алгоритм получается.— Председатель посмотрел в окно, залитое солнцем.— Золотой нынче у нас телец. Конечно, бескормицы как таковой нет. Однако солому из Оренбуржья возили. Километро-тонны!.. А концентрация скота, естественно, предполагает и достаток концентрированных кормов. Теперь главное — при отсутствии нужного количества концентратов хоть как-то удержать уровень питательности наличных кормов. Вот тут и подумаешь...

Я уже знал из предыдущих разговоров, что определить специализацию и наладить новое для колхоза дело откорма на промышленной основе помогали объединенные научные силы и Белгорода, и Воронежа, и Московской ветери-

Лауреат колхозной премии имени Ольминского, оператор Екатерина Ивановна Трифонова.

А. Голубецкий. Род. 1942. ПОРТРЕТ БРИГАДИРА ДОКЕРОВ ОМСКОГО РЕЧНОГО ПОРТА В. М. ВАСИЛЮКА.

Всесоюзная художественная выставка «Голубые дороги Родины».

Ю. Походаев. Род. 1927. ДИКСОН.

Всесоюзная художественная выставка «Голубые дороги Родины».

нарной академии. Колхозникам не без помощи областных организаций и прямых, зачастую личных связей с представителями различных отраслей индустрии удалось в принципе реорганизовать животноводство, построить по типовому проекту цехи доращивания молодняка и откорма таких впечатляющих масштабов, что впору кино снимать. Всем миром строили кормозавод. Да с такими пролетами, что пришлось его оснастить мостовым краном, чего, признаться, в колхозах еще не встречал. Всем миром внедряли и осваивали прогрессивную технологию приготовления различных видов кормов, а также доращивания телят и откорма скотины. Территория кормозавода и цеха откорма прекрасно организована специалистами-архитекторами, побывали в колхозе и дизайнеры и художники-оформители. Бетон, стекло, кафель, клумбы, тут же профилакторий с сауной, недалеко — новая столовая. В мир «живого конвейера», производящего говядину, можно попасть лишь через проходную, а в проходной — вахтер, требующий выполнения инструкций санэпидемстанции и ветеринарной службы. Все приметы предприятия. Даже пейзаж вполне индустриальный. Но и хлопот у колхозников, у всех специалистов прибавилось. Такое производство потребовало и особой профессиональной культуры. Обновление технологии в животноводстве отодвинуло былого «мужика», неквалифицированного работника на задний план, обнажило нужду в специалистах, профессионалах, людях, способных учиться новому делу, выдвинуло тех, кто не чужд технического мышления и самой техники, передовой, оснастившей бетонные ангароподобные корпуса цехов. И тут уж психология на передний край выступила. Потому что у мужика один подход, один навык и масштаб мышления, а у причастившихся к новой технологии живого конвейера — совсем другой. Тут царит теперь график на все этапы жизни организма: на случку, выпойку, на перевод в следующую возрастную группу — и так до забоя. Колхоз имени Ольминского должен был пережить и эту психологическую перестройку. Пережил. Шаг в индустриальное будущее, сделанный на центральной усадьбе, в виду всего города, не избавляет от забот о тех тринадцати деревнях, которые и составляют колхоз, которые продолжают жить своей жизнью.

Все эти сложности понимает сердцем Николай Васильевич Дорошенко. В нем счастливо уживаются прогрессист, деловой человек и сын деревни, помнящий свое родство, соблюдающий интересы так называемых неперспективных деревень.

Всему правлению колхоза самое время подумать о тех завтрашних колхозниках, что сейчас в школу пока бегают да на Тихой Сосне галдят, вылавливая из холодного течения непотопляемые осколки солнышка. И правление не дремлет. Уже сегодня готовит для милых крикунов рабочие места, и жилье, и зрелища, и такую атмосферу бытия, чтобы они, возмужав, безбедно и радостно сосуществовали с новой Алексеевкой. Николай Васильевич полон решимости терпеливо лелеять души тех, кто еще привязан к жизни в селе.

— Былого мужика, в смысле крестьянина, нет, о нем забыть пора. Трактористы, механики, шоферы, электрики — их много, но они никакие не мужики. Умер костоправ и осиротил деревню, нет его, и некому скотине помочь. Это не шутка, потому что молодой ветеринар — служащий, по домам даже при нужде ходить не станет...

Николай Васильевич уверен, что еще не поздно убедить известных в колхозе мастеров своего дела, чтобы взяли на себя честь и заботы наставничества. Дело душевное, а для молодой жизни самое первое. «Где ваши ученики? — спрашивает мудрый и требовательный председатель.— Поставьте на ноги пять человек — каждый мастер, да чтобы они были, как вы».

Ради тех, кто в деревнях колхоза остался, правление расстаралось многими благами. Прекрасно одеты хор и танцевальная группа. Открыли профилакторий. Теперь наладились еще и собственный санаторий строить. А пока колхозный профком никаких путевок не жалеет для нуждающихся в лечении, отдыхе или для тех, в ком проснулась охота к перемене мест,— к путешествиям и туризму.

Учреждены персональные колхозные пенсии. В жизнь вошла такая новинка, как присвоение особо отличившимся в труде звания лауреата колхозной премии имени Ольминского, которого, кстати, может быть удостоен и не только колхозник.

Ребятам, кто в армии, родной колхоз выплачивает, пока служба идет, десять процентов от среднего их заработка и кладет те деньги каждому на книжку. Вернутся — безбедно начнут гражданскую жизнь, пока осмотрятся, где лучше.

Популярны в колхозе ставшие традиционными праздники, например, только что отзвенели бубенцами разнаряженных троек проводы зимы с обязательными блинами, старинными песнопениями; а летом гуляют всем миром на зажинках, ну, и последний день уборки урожая тоже шумно отмечается. Летось пировали в Редкодубе — есть такая милая «пасека», светлая балочка в степи, там рядышком и речка детства Тихая Сосна. Такое сплачивает...

— Колхоз хорош уж тем, что тут демократия, шила в мешке не утаишь,— рассуждал Николай Васильевич.— Ум хорошо, а два лучше; мир, общество, гласность таят удивительные возможности, неисчерпаемые резервы творчества в самых разных проявлениях индивидуальности на общее благо.

Говорил Дорошенко так серьезно, что я понял: это его сокровенное!

Не случайно Николай Васильевич к удовольствию всех самостоятельно мыслящих подчиненных ввел в практику защиту мероприятий. Звучит наукообразно, а смысл точный. Любой специалист, даже малый колхозный начальник призван защитить прилюдно программу развития своей отрасли или своего предложения. Допустим, реальна угроза снижения привесов, жди миллионные убытки. Назначена защита срочных мер по приготовлению кормов с повышенной питательностью. Правление обсудило одно предложение, второе... Вскоре после принятых специалистами мер поедаемость грубых кормов (есть такое понятие) повысилась вдвое. Была защищена поточно-цеховая система на молочном комплексе. Теперь коровы разведены по разным цехам: отдельно сухостойные, отдельно те, которых раздаивают, а еще есть цехи родильный и продуктивный. Восторжествовало разделение труда, и женщинам сразу стало легче работать. Сам председатель тоже готов защищать собственный стратегический маневр, призванный вывести скот без потерь из трудной зимовки: Николай Васильевич предлагает сейчас же, еще до таяния снега, как никогда, щедро подкормить озимую рожь, подтолкнуть ее к бурному росту. И тогда шестьсот гектаров прущей в трубку зеленки помогут продержаться до июня...

IV

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ из нового поколения председателей, он сейчас в самой поре. Председателем агронома Дорошенко впервые избрали пятнадцать лет назад—в памятном марте 1965 года. Хотя тогда ему было двадцать восемь лет, а доверили. Время такое. Пятнадцать лет после исторического мартовского Пленума ЦК КПСС — решающие годы на пути подлинной интенсификации всех работ на селе. А персонально для Николая Васильевича — годы становления его личности как колхозного вожака наиболее продуктивного типа. Любимое слово Дорошенко — анализ. Он из тех, кто способен со всех точек зрения — в том числе и с научной и с житейской — обосновать хозяйственный маневр любой сложности. Этому его научил хозрасчет, прижившийся на селе после марта 1965 года. Умные руководители с ходу воспользовались новыми веяниями, стали перенимать друг у друга хватку хозяйственной инициативы, поскольку руки в известной мере были отныне развязаны. К племени деятельных, инициативных, исповедующих старую формулу «под лежачий камень вода не течет» принадлежит и Николай Васильевич. Он с электронной машинкой не играет, а дружит.

— В колхозе полторы тысячи гектаров кукурузы — так? Из них шестьсот — на зерно, таков план. А сеять надо, сколько скот требует. Где же выход?..

Вспыхнуло табло в ухватистой ладони председателя.

— Понимаю, хозрасчет тем и хорош, что предполагает...

— Хозяйственный расчет предполагает, как минимум, хозяина! Единственного в границах определенного землепользования. Но до сих пор хозяйству — даже такому специализированному, как наше,— определяют сверху не единый план-заказ, не одну цифру конечного результата, но две, а то и три — и все они обязательны. Причем все три растут по порочному принципу — «от достигнутого уровня». Хотя известно, что в сельском хозяйстве не все еще зависит от земли и земледельца. До сих пор при наличии правления колхоза и его специалистов, в том числе экономиста, облплан «верстает» хозяйству структуру площадей: ему страсть как важно «выйти на цифру» по каждой культуре в отдельности. Планирующие органы ведут себя, как хозяева колхозных гектаров, хотя ответственности, кроме нервотрепки по своему ведомству, за конечный результат не несут. Осенью о структуре посевных площадей никто не вспоминает. Только поэтому неравнодушный к делу председатель из года в год ведет «двойную бухгалтерию», одно — в отчетность, другое держит в уме. Точнее — в поле, засеянном так, как того велят земля и нужды хозяйства. И так во многом на практике колхоз имеет дело с указаниями, советами, прямыми приказаниями сеять то-то, выплачивать за труд столько-то, скот резать тогда-то, кормить тем-то, продавать столько-то. — Конечно, сейчас не то, что было пятнадцать лет назад, молодые специалисты прошли такую школу жизни, что их так просто не возьмешь. Да и немало ясных партийных документов, умных решений всегда под рукой. Нет, голова артели теперь не один на один с районом. Его волей или неволей, но слушают, и даже очень внимательно. Взять того же Дорошенко, у него чувство собственного достоинства и партийной ответственности сильно развито, это заметно сразу.

За время, что председательствует здесь, в Алексеевке, Николай Васильевич, колхоз увеличил производство мяса в полтора раза. А за пятнадцать лет — почти втрое. Одна за другой загорались цифры ручной ЭВМ: они сигналили о поступательном движении вперед за годы после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Животноводство наконец-то стало рентабельным. В колхозе в несколько раз больше техники и автомашин. Энерговооруженность возросла в пять раз. Каждый работающий производит теперь продукции в два с половиной раза больше, чем в 1965 году. На гектар пашни дохода получают здесь в три с половиной раза больше, чем пятнадцать лет назад...

Цифры погасли только тогда, когда Николай Васильевич погрузился в сферу нематериального. Он снова заговорил о насущном. Особенно его волнует слабая культура производства, не отвечающая ни специализации, ни требованиям новых технологий и машин. В деревне с этим нелегко. Однако Николай Васильевич хитро улыбнулся: «Тут надо уметь взять верную интуицию!» Что он имел в виду? Очевидно, то неуловимое чувство делового человека, знающего, когда и где поднажать, чтобы дело было сделано как можно лучше. Прибыльно. Шестое чувство хозяина. Надо было построить по деревням современные столовые — построили три. «Интуиция» подсказала, что нужна новая восьмилетка в Меняйлове,— построили. Да еще вместе с интернатом, да парк там же разбили. А в Пёсках реконструировали старенькую ферму, провели туда дорогу, и люди там остались жить. Такая остросоциальная интуиция не у одного здешнего председателя. Ею обладают весьма деятельные его единомышленники: секретарь парткома Егор Сергеевич Глазко, Андрей Захарович Чертов — заместитель председателя, главный экономист Николай Яковлевич Агеев, главный инженер Николай Иванович Мильнев, технолог кормозавода Байрам Курбанович Рамазанов. Ну и, конечно, лауреаты колхозной премии имени Ольминского, верные помощники во всех начинаниях доярка Александра Петровна Краснокутская, операторы (а проще сказать, телятницы) Дарья Михайловна Замлелая и Екатерина Ивановна Трифонова, бригадир Федор Иванович Чигирин... Их много, единомышленников и сотрудников в нелегком деле — вести пригородное хозяйство безубыточно.

«ЕСТЬ УПОЕНИЕ В БОЮ»... Есть нечто такое в характере Дорошенко, что выдвинуло его в колхозные лидеры,— так проявилась историческая закономерность. Не уставший он еще, Николай Васильевич. Для каждого имеет терпение найти верные слова, и чаще — душевные. Силен он пока и физически, что существенно при его должности, требующей полной отдачи в течение всех «двадцати пяти часов», какие есть в деревенских сутках. Силен, а потому и непоседлив и предприимчив, и не надоело ему, видно, строить новое, перестраивать на современный лад старое. Есть упоение будничным, всегда конкретным на селе делом. Как есть живительное упоение в быстром беге чистых вод Тихой Сосны, раздвигающей тесные, в наледях берега.

ГОРЖУСЬ ОТЦОМ

Мой отец, Лымарь Павел Саввич, ушел на фронт в 1941 году. Ульяновское танковое училище, бои на Курской дуге, освобождение Белоруссии. Погиб в Польше. До войны учился в Харьковском учительском институте на филологическом факультете, занимался в театральной студии драматического театра имени Шевченко, выступал на профессиональной сцене.

В нашей семье хранится много папиных писем.

Чувство гордости, что у меня был такой отец — мужественный офицер, тонкий поэт, красивый в полном смысле этого слова Человек,— не покинет меня никогда.

Я читала отрывки из писем своим сыновьям и ученикам (пятнадцать лет преподаю литературу) и видела, как слова, написанные 35 лет назад, волновали их...

Посылаю вам отрывки из писем и несколько стихов, написанных отцом в разное время.

С. ЛЫМАРЬ.

г. Набережные Челны.

* * *

9 июня 1944 года

Днем и ночью в лесах. Приходится спать 3—4 часа в сутки.

Начинается битва таких масштабов, что ты себе не можешь представить. 1944-й — победный год!

* * *

13 августа 1944 года

Теперь, находясь на чужой территории, мы не имеем других помыслов, как скорее разбить врага, возвратиться на родную землю. Мы на чужой территории. Но мы не армия грабителей, насильников, подобная гитлеровской.

Мир увидел армию, которая борется, где бы то ни было, против мародерства, насилия, за счастье народов, за их независимость.

Точно установить сроки окончания войны нельзя, но в раскате пушечного грома — финал.

Я часто думаю о будущем: прихожу с работы, отдых. Солнце на закате, вечер догорает, а вокруг зеленая весна. Мы одеваемся и идем туда, где музыка, где народ. Впереди нас бежит наш Николай или Светланка.

Мы весело втроем смеемся. Вдруг он ручками потирает глазки — большой человек хочет спать. Мы сдаем его на попечение бабушки, а сами или книги читаем, или в кино сходим, или в театр (как я люблю театр!).

Время это не за горами. Все реально. Все зависит от срока окончания войны.

* * *

27 августа 1944 года

Приеду после войны (наверное, весной, когда растает снег)... Все время в голове вертится один стих, который я вторю на каждом шагу. Вот самые дорогие строчки:

...Этот бой последний,
долгожданный,
Скоро грянет с четырех
сторон...
Скоро... Скоро вечером
туманным
Ты придешь с цветами на
перрон.

И, волнуясь, глянешь ты
на Запад,—
Вот он, поезд, что идет
с войны!
Я, наверно, тоже буду плакать,
Не стыдясь вечерней тишины...

Маме написал большущее письмо. Пиши ей. Учти, что такую бабушку, как наша мама, сейчас почти не найдешь. Будет она внучку сказки читать, рассказывать, и Коля или Светланка, сидя у нее на коленях, любуясь бабушкиной бородавкой или внимательно слушая сказку, уснет. В доме тишина. Я как сейчас вижу ее ласковую, спокойную, как говорит она: «Тише, Коля спит!»

Выходными днями будем вечером ходить куда-то за село или в сад.

* * *

3 октября 1944 года

С таким нетерпением ожидаю «его», готовлюсь к «нему», даже стараюсь читать что-нибудь детское: рассказы, сказки и т. д.

А малыши сказки любят! Разве не чудо, посадить сына на колени у пылающей печурки и рассказывать ему до тех пор, пока он уснет, пока ты не уложишь его в кроватку. И мечтать у его изголовья о его будущем! А зимой катать его на салазках, закутав в одеяло.

Ты прости за «мечтающее» письмо!

* * *

12 октября 1944 года

В прошедшую ночь приснился «он». Но почему-то девочка. С волосами цвета золота, с карими глазками и с такими, как у нас с тобой, бровями (ведь мы с тобою немного похожи!). Да такая хорошенькая-хорошенькая!

Моя будущая жизнь (после войны) принадлежит литературе, языку, школе.

Душа моя чиста, я никогда в жизни от трудного не отказывался, я свой путь в войне буду держать до конца, так, как подобает советскому человеку.

* * *

15 октября 1944 года

Скорее бы возвратиться домой! Сколько я буду рассказывать, вспоминать над колыбелью сына...

Сегодня к нам снова приезжал духовой оркестр и назло немцам играет такие вещи!..

* * *

17 октября 1944 года

Я часто думаю о своей маме. Очень хорошая она у нас. Настоящая мать сыновей-офицеров. Разве можно такую мать, мать-труженицу, хозяйку, любящую до глубины души сыновей, сравнить с кем-нибудь?

Я маму свою люблю до слез. Как мать, как друга, как человека.

Вчера смотрел фильм «Суд идет». Картина о суде над немцами в Харькове, в родном городе.

Руки сжимались от гнева... Увидел оскверненными места детства, юности...

* * *

26 октября 1944 года

Прими горячие поздравления с великим праздником — днем 27-й годовщины Октябрьской революции. Будем надеяться, что 28-ю годовщину встретим вместе.

В день праздника будет в этом году по-особому звучать величественный Гимн Советского Союза...

Сейчас мне светит в окошко (вернее, в стекло землянки) ясное солнышко.

Временная всеобщая разлука подходит к концу. Рано утром или вечером лунным я возвращаюсь домой. Встретит веселым лаем наш друг Шарик, выйдет мама открывать калитку, проснется Николай, подымется в доме шум. Дней 10—12 отдыха, а потом работа, совместное счастье. То, чего и надо.

И выйдем на улицу в Октябрьский праздник своей семьей. Хоть бы скорее!

Последний бой будет в этом — 1944 году! Написал Николаю стих, думаю печатать в газете. К Новому году вышлю тебе.

* * *

23 ноября 1944 года

Час Победы близок. И если мне предстоит вернуться домой раньше, то мое возвращение будет вполне законным перед совестью, перед людьми, перед Родиной.

Я далеко от тебя. И слово Родина здесь имеет особый смысл. Все родное на Родине.

Да! Много узнает наш сын из рассказов. И мы, склонясь к его изголовью, будем выбирать, обсуждать его будущее. Я хочу, чтоб ни одним словом не упрекнул он ни отца, ни мать.

Вчера приснился сон. Будто я просыпаюсь дома. Ты вносишь глаженый костюм, рубаху, суешь надушенный платок в карман. Будто у меня усы... Вместе собираемся на свадьбу дочери...

Как жалко, что это лишь сон.

* * *

25 ноября 1944 года

В жизни никогда не унывай! Я лично считаю себя счастливым человеком... Хорошая мать у меня, умный брат, любимая жена, будет у меня сын. Разве это не радость, не счастье?

Ведь ты мать моего сына. Как тут не писать стихами!

* * *

26 ноября 1944 года

Недавно во время ночного дежурства раздобыл хорошую историческую повесть «Черная стрела» Стивенсона. Довольно завлекательная повесть. Советую тебе побольше читать.

Читай русские сказки, Л. Толстого, Чехова. Надо больше знать наше русское, родное. Ты знаешь, когда читаешь хорошую книгу, написанную русским, невольно охватывает гордость за свое Отечество.

* * *

6 декабря 1944 года

Скорее бы взять на руки нашего Николайчика, положить в его ручки интересную игрушку, убаюкать его...

Скорее бы отдать должное самому любимому человеку — товарищу, другу, жене.

* * *

16 декабря 1944 года

Сейчас война. Каждый своим делом должен внести определенную лепту в исход победы.

Готовится последний решительный удар на окруженного в собственном логове зверя. Это не 41-й и не 42-й год. **Это 1944-й!**

Миллионы людей ждут возвращения своих родных, близких. Конечно, многие во имя этой победы покоятся в земле, и многие не дождутся близких, миллионы семей.

Но какова-то радость будет — общая, какова будет жизнь!

* * *

20 декабря 1944 года

Как бы хотелось, чтоб ты это письмо получила на новогодний праздник. По поводу праздника пишу тебе небольшое стихотворе-

1944 год. Бои в Прибалтике. Фото М. Савина

ние: «В день 1 января жене для дочери».

Пусть Светлана простит своего отца, что в день 1 января я не с вами, не дарю ей никакого новогоднего подарка, не могу обнять ее, нашу доченьку.

Но передай ей мое обещание, что в следующий Новый год я упущенное восполню. Мы для нашей доченьки устроим красивую елочку. Ты представляешь, как она будет рада. Веселый детский смех наполнит нашу комнату.

Я представляю нашу доченьку с длинными белыми волосами и обязательно с фартуком и с куклой в руках.

* * *

21 декабря 1944 года

Я отдам все, что в моих силах, чтоб Светлячок гордилась своим отцом.

Все стихи, которые я тебе посылаю (будь это хоть одно четверостишие), переписывай в одно место и свято храни.

СВЕТЛАНЕ.

Ты ждешь меня, родная
крошка,
Пройдут недели, месяцы, и я
В ночь или утром постучу в
окошко,
Обилье ласки в сердце не тая.
И тут, от радости всплакнувшую
немножко,
Тебя увижу, доченька моя.

Увижу глаз живые черносливы,
Цветок улыбки в лепестках
зубов,
И я, не в меру радостный,
счастливый,
Прижму к себе, и будет не до
слов.
Так жди меня, и я приеду
скоро,
Мой Светлячок родной, моя
любовь.

ОТ МОСКВЫ ДО ПРАГИ

Мы с мужем, бывшие радисты 6-го гвардейского кавалерийского корпуса, прочитав ваше приглашение принять участие в Летописи Великой Отечественной войны, не могли не откликнуться. Конечно, время сделало свое дело: многое не сохранила память, к тому же дневников тогда мы не вели никаких. Но на долгом пути по военным дорогам от Москвы до Праги немало было незабываемых событий.

Что такое фашизм, я уже представляла себе в октябре 1941 года, когда оказалась под Москвой. Часто враги летали бомбить Москву, но еще чаще они не могли сбросить свой смертоносный груз. И тогда беспорядочно, без цели бомбили подступы к столице. Иногда доставалось и нам. Но истинное лицо фашизма я увидела позже, когда мы перешли в наступление. Никогда не забудутся сожженные города и села Смоленщины, Белоруссии, замученные и повешенные на телеграфных столбах советские патриоты. Ограбленные до нитки, опухшие от голода дети и старики...

Во время боев в Подмосковье в декабре 1941 года я уже работала самостоятельно. В этом большая заслуга моего учителя Адонкина Александра. Он, кажется, москвич. Во время подготовки к наступлению он был неутомим, предельно требователен, даже жесткий. И мне действительно «по-суворовски» страшно тяжело было в учении. Сколько я наплакалась от этого первоклассного радиста и как я была благодарна ему позже за науку! Мы дежурили на радиостанции с ним вместе. И он всегда меня — дублера — сажал за пульт, а сам (с наушниками) занимался своими делами. Мне казалось, что он и не прислушивается к эфиру, но стоило только появиться нашему корреспонденту, как Адонкин настороженно вслушивался в точки и тире, требуя от меня внимательной и аккуратной записи. Он мог десятки пятизначных групп цифрового или смешанного текста держать в памяти. Мне он постоянно говорил, что от оперативной работы радиста зависит судьба тысяч советских воинов. Не знаю, жив ли он? Я его вспоминаю всегда с большой теплотой. Старшина Адонкин научил меня не только работать, но и подавлять в себе страх, быть спокойной в любой обстановке, не паниковать. Эти качества особенно мне пригодились в 6-м гвардейском кавалерийском корпусе, который не раз ходил в прорывы фронта по тылам фашистов, действовал на ударных участках.

Мы, радисты, не часто воевали с винтовками в руках. Нашим оружием была отлично налаженная связь. В радиоэскадроне у нас было много мастеров своего дела. По два-три боевых ордена и несколько медалей имели радисты Гладун Василий, Степанюк, Рекунович Георгий, Федоров Василий, Хохрин Николай (его фотографию я недавно выслала в г. Лобню в школьный музей пионерской дружины имени С. В. Соколова — нашего командира корпуса). Хорошие были товарищи. Все трудности преодолевали общими силами, часто с юмором. И мне помнится, что душой нашего коллектива был гвардии капитан Хрычиков.

Одной из трудных и героических страниц летописи нашего корпуса была Дебреценская операция осенью 1944 года.

Штаб корпуса и радиоэскадрон находились в Хайдусобосло, когда часть разгромленных в Закарпатской Украине фашистских дивизий двинулась в район Дебрецена на соединение с местными силами врага. Корпус вел неравную борьбу. Дивизии и полки сражались в окружении. Штаб корпуса был отрезан от своих частей. Я помню, трое суток не отходила от радиостанции, а мои товарищи были в окопах, отражали яростные атаки фашистов. Казалось, штаб корпуса вот-вот падет. Но развернутое гвардейское знамя корпуса воодушевило советских воинов на невиданный героизм. Благодаря радиосвязи было организовано четкое взаимодействие отрезанных друг от друга частей. Они, разгромив врага, соединились и полностью очистили от фашистов Дебрецен, Ныиредьхазу и другие города восточной Венгрии.

День Победы мы встретили под Прагой. В ночь на 9 Мая я дежурила на рации и после 12 часов ночи приняла большую радиограмму. Судя по грифу, это был особо важный документ, его надлежало вручить немедленно. Димка Широков, наш дублер, побежал в шифротдел. Часа в 3 ночи на радиостанцию пришел капитан из оперативного отдела, спросил, кто принял радиограмму. Я посмотрела на него и подумала: может быть, допустила ошибку? Но глаза капитана (не помню его фамилии) сияли, и он, обняв меня, сказал: «Капитулировала фашистская Германия!» Сразу все пришло в движение, посыпались салюты из всех видов оружия, начали подбрасывать в воздух, качать друг друга, плакали от радости, обнимались.

Здесь, в Чехословакии, я увидела, как ненавистен был фашизм народу этой страны. В Новом Книне (под Прагой) мы остановились в доме Вацлава Аморта. Он коммунист, его сын Мирек был секретарем ячейки Коммунистического союза молодежи. Во время войны отец и сын партизанили. Фашистам удалось схватить Мирека. Амортам сказали, что он расстрелян. Пани Амортова тяжело переживала это и, казалось, всю свою материнскую любовь хотела отдать нам, таким же молодым, как и ее сын.

И вот через несколько дней в дом к Амортовым привезли избитого, истощенного, бледного человека. Это был Мирек. Его спасли партизаны, буквально вырвав из рук фашистов. Благодаря заботам наших военных врачей Мирек поправился. Вместе с отцом они отрыли клад: произведения В. И. Ленина, краткий курс истории нашей партии, другую политическую литературу на русском и чешском языках. Отец и сын, а также их товарищи, которые постоянно были в доме, не раз говорили, что будут бороться против фашизма вместе с советским народом.

М. РЕКУНОВИЧ

г. Устилуг,
Волынская обл.

Владимир **МИРНЕВ**

■

Мы сидели на завалинке с дядей Петей и глядели на двор. Рядом сидела наша мать — его сестра и, опустив голову, водила былинкой по куче глины. Дядя Петя работал кузнецом и каждый вечер, идя из колхозной мастерской, заворачивал к нам.

Исподволь наползали сумерки. Сизовела солома. Тополь, в ветвях которого уже притаилась ночь, глухо шумел, тянулся вверх ветками, словно хотел приподняться на цыпочки и заглянуть за дом.

Было необыкновенно кругом.

Мне казалось, что, когда пришел дядя Петя, стало очень тихо, хотя ветер шевелил соломинки возле сарая, а за проехавшей машиной клубилась пыль.

Дядя смотрел на нас, потом снова на дорогу, на тополь и восторгался:

— Уф, как хорошо!

Затем он отобрал у мамы былинку и, водя ею по глине, начал рассказывать. Он всегда рассказывал интересное:

— Такая была пора, как сейчас — осень и тепло. Сидели на картофельном поле у деревни Малые Громки. Тихо. И вдруг — трах рядом. Взрыв! И как я уцелел? — Он усмехался. — Совсем рядом, в метре, не боле, а ведь уцелел — вот! Двух ребят — рядом были — убило, а на мне ни царапинки.

Я глядел на него внимательно, а Лорка краснела, косилась на меня и начинала смеяться. Ей казалось смешным то, о чем рассказывал дядя.

— Ничего,— продолжал он,—обошлось. Вот, поди ж, как бывает. Трахнуло под боком и не задело... Многое чего такое было. Я сам минометчик, знаю, что это такое.

Дядя Петя встал. Поднялась и мама.

— А не рано? — спросил дядя Петя, продолжая какой-то давний их разговор.

— Чего рано? — спросила мама и тут же вспомнила что-то.— Нет, не рано. Разве это рано?

— Пропасть может.— Дядя Петя подошел к тополю, ударил кулаком по дереву и припал к нему ухом.— Костя, поди сюда!

Я подбежал и припал к стволу.

— Гудит? — спросил он.

Стемнело. Где-то далеко за деревней, над лесами, возникли белые столбы света. Вдруг столбы заметались по небу, задрожав, потянулись к деревне... Мама наблюдала за столбами света, а когда они исчезли, заговорила, называя брата по имени-отчеству:

— Нет, Петр Петрович, не рано. В погребе цельный день иней, там и буду хранить. Надо резать бычка.

— Это нетрудно,— сказал дядя, ударяя фуражкой по коленам, точно выбивая из нее пыль.—Зарезать... Уж чего легче. Токо гляди сама. Хорошенько подумай, а то пропадет мясо. Прогнозы по радио разные: то хорошая погода, то плохая.

— Не бойся, Петр Петрович, не пропадет: не сегодня-завтра снег выпадет.

Дядя неторопко направился по двору к колодцу и, нагнувшись над ним, крикнул:

— Костя, подь сюда. Живехонько!

Я подбежал. Из колодца мы брали воду только на полив: вода в нем была горькая и пахла плесенью.

— Видишь звездочку? — спросил он.— Вон, слева в углу? Сорвалась с неба и прямо в колодец угодила.

Я смотрел в колодец, но звезды не видел. Только качнулось в том левом углу какое-то рыжее пятно, качнулось и растаяло.

— Ах, и звездочка! — покачал он головой.— Ты, брат, такой больше не увидишь. Это такая звезденция была! Ну вылитый тюльпан. Прямо сверкала вся. Я думаю, это звездная принцесса. У нее сорок рук-лучей, а глаза голубые, как у Ларисы. Она, конечно, убежала от принца.

— А почему ее нет? — спросил я.— Смотрю, а ее нет. Где она?

— А вот ночью, когда небо ясное, погляди в колодец, не то увидишь. Мельтешит от звезд. У них тут сабантуй!

— Не учи ребенка, плюхнется еще туда,— сказала мама.— Пусть лучше о школе подумает. Еле второй класс закончил. И Лорка вон туда же метит, в колодец. Марш отсюда!

Она отвела нас от колодца, а я подумал о том, что дядя Петя во всем видит необычное, загадочное. То покажет на курицу и скажет:

— Ого, как выступает! А похожа-то, похожа на боярыню! Ну, красавица! Ах же ты! Ну и ты!

Петух у него похож на короля, а овца на турецкого султана. Звезды у него принцессы. Однажды мама уехала в район узнать насчет алиментов от отца и вернулась поздно, уже ночью. С нами остался дядя Петя. Вечером мы сидели на завалинке, дядя Петя глядел, глядел на небо и вдруг заговорил со звездой, называя ее Алиготеллой. Он спрашивал у нее о чем-то. Лорка слушала-слушала и разревелась: она еще ни разу не слышала, чтобы с ней говорили так ласково. И тогда дядя Петя сказал:

— Вон та желтенькая звездочка — Ларисина. Она сама желтенькая, как цыпленок, но глаза у нее такие же голубые, как у Ларисы. Она очень любит Ларису. Когда Лора спит, звездочка садится рядом с ней и рассказывает сны. Поэтому и сны Лора видит такие хорошие. Я узнал у звездочки, какие она сегодня сны расскажет.

Лорка рассмеялась от счастья и расцеловала дядю Петю.

Он всем дал красивые имена: гусыню нашу прозвал Каравеллой, а бычка — Воскресеньем. При нем и мама становилась какой-то очень красивой и доброй. Раньше она с отцом все время ругалась, а потом, когда отец уехал жить в район, стала ругать нас. И дядя теперь приходил все чаще и чаще. При нем она замолкала, делалась добрее.

После того как мама отвела меня от колодца, он все еще всматривался в него, а через некоторое время снова позвал:

— Есть, Костя! Подь сюда!

Я подбежал, и Лорка тоже. Нагнувшись над срубом, мы глядели в колодец. В нем было темно, страшно. Звезды долго не было. Но через некоторое время появилось круглое пятнышко, качнулось и, задрожав, исчезло. А потом снова выплыло, и тогда мы увидели: звезда! И какая большая. От нее во все стороны шли лучи, будто она горела.

— Ой! — воскликнула Лорка.— Звезда! Мамочка, звезда, огро-омная!

Мама тоже заглянула в колодец, но звезда, качнувшись, растаяла.

— Не закрывай, Тоня! — крикнул дядя Петя. Но звезда больше не появилась. По небу неслись облака, неслись, обгоняя друг друга. Они и унесли с собой звезду. Дядя Петя постоял еще немного у колодца, поглядел на небо и, ни слова не говоря, направился к калитке, пообещав завтра зарезать бычка.

В эту ночь мы с Лоркой не спали. Мама уснула, а мы лежали в постели и говорили о том, что не будет у нас завтра бычка Воскресенье. И нам стало жаль его. Вместе с ним исчезнет что-то очень важное, очень дорогое. Что? Мы не знали, но Лорка плакала.

К утру на землю пал иней. Лежал он в огороде, и на железной крыше нашего дома, и на хворосте, и на ботве — кругом.

Когда солнце пригрело, на огороде обозначились черные мокрые полосы, исходящие паром. Полосы были длинные, казалось, будто кто-то большой прошел, оставляя после себя эти дымящиеся следы. Пар дымился, утончаясь кверху, и по нему скользили яркие пятна бликов. Лорка сразу же прозвала блики принцами. Вышло у нее совсем как у дяди Пети. Она и хотела этого. Она уже давно, как и дядя Петя, стала находить во всем необычное, красивое.

Бычка в стадо мама не пустила, сама встала поздно и долго смотрелась в зеркало, разглаживая морщины. Выглядела она усталой, будто всю ночь работала. Она ходила по избе в одной ночной сорочке, босиком и о чем-то думала. Затем велела Лорке и мне чистить картошку.

К обеду Лорка хотела вскипятить чай, но мама накричала на нее, сказав, что мы дом спалим, и велела идти гулять.

Мы ушли в сарай. В повети ходили куры; высоко задирая ноги, важно шагал петух. Он кокотал и косился красным от солнца глазом на Лорку.

— Принц,— сказала ему Лорка и, сев на корточки, стала дразнить его соломинкой.

— Ко-ко-ко,— отвечал петух, обходя ее и приспустив одно крыло. «Ко-ко» у него выходило, как «но-но». Он будто предостерегал Лорку от неприятностей, повторяя: «Ко-ко! Ко-го-го! Кого!»

Казалось, еще немного, и он заговорит на нашем языке. Петух вдруг всхлопнул крыльями, привстал на цыпочки, выпятил грудь и закукарекал. Лорка смотрела с восторгом на шевелящийся у него в клюве язычок и сказала:

— Он такой красивый, потому что у него есть красивые перья, а у меня их нет.

Когда открыли сарай, где ночевал бычок, петух прошагал туда первым, а затем уже мы. Лорка протянула бычку корку хлеба, и он стал ходить за ней и лизать ей руки. А я гладил Воскресенье по его бурой спине, по белосерому животу, на котором встречались какие-то шишки. Мы долго ходили с ним по сараю и не заметили дядю Петю, который, остановившись у открытых дверей, смотрел на нас.

Вскоре в сарай пришла мама. Дядя Петя нахмурился и сказал, что она плохо выглядит.

— Так, брат, нельзя,— сказал он, поглаживая выбритые щеки,— ты плохо спишь, а сама виновата. Не сошлась характером со своим суженым, но не умирать же от этого. Ты еще молодая. Все еще впереди у тебя. И мать перед детьми должна быть как на празднике, а ты хандришь.

В окно прокрались лучи солнца и легли красноватыми пятнами на солому. Все стало пятнистым и розовым. И воздух, и стены, и мы. Все замерло. Мы с Лоркой ждали чего-то и верили, что оно может случиться. Мы стояли и молчали, стояли и глядели на красноватые пятна.

— Вот что, пора,— сказала мама.— Уже пора. Стоим тут столько.

— Н-н-да,— согласился дядя Петя.— По-пустому стоять не стоит. Надо всегда что-нибудь обязательно делать.

— Уж недалеко вечер,— сказала мама, направляясь к выходу.— Не успеем. Я сейчас

РАССКАЗ

ЯГОДЫ В

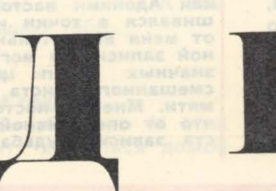

Рисунок
П. ПИНКИСЕВИЧА

захвачу тазик и все нужное. Давай, Петр Петрович, сноровистей.

— Ну да. Такое, брат, дело,— произнес задумчиво дядя, похлопывая бычка по спине, и вышел. За ним направились и мы. Он, не оглядываясь на нас, прошагал за мамой в дом. Мама дала ему два ножа, звеневших, когда он ударял один о другой. Острые ножи. Мама не разрешала мне к ним даже притрагиваться.

Солнце уже опустилось низко и спряталось за облака; вспорхнул слабенький ветерок. Дядя Петя появился на пороге, грустно насвистывая какой-то мотив, постукивая нож о нож — вот так, будто не замечая ни Лорки, ни меня. А вот и мама — с тазиком, ведром и веревкой. Дядя Петя, прищурившись на солнце, вновь завел разговор:

— Не рано ли? Говорят, семь раз отмерь, один раз отрежь.— Отложил ножи, закурил и пустил дым сквозь усы.— Подождать бы с ем. У меня чего-то не настроение. День такой, нельзя торопиться...

— Петр Петрович, хватит тянуть,— ответила серьезно мама.— Там пойдут скоро дела другие, снег вот-вот выпадет.

— Та-ак,— протянул дядя Петя, раздумывая, поглядывая на нас.— Так это так. Сколько нитка ни тянись, а конец будет. Но гляди, как бы самим не объегориться. Пропасть мясо может!

Дядя Петя нахмурился, как будто желая еще что-то сказать, расстегнул-застегнул ворот гимнастерки. Мама начала оправдываться:

— Петр Петрович, Петя, их двое, детей-то, а я одна. Растут лоботрясы.

— Ух ты! Радоваться надо, Тоня, а ты, брат! Радоваться надо. Они брат и сестра. Они будут такие, как мы с тобой. Разве плохо? Тебе повезло в жизни, раз двое ребятенков. А ты — «лоботрясы».

В словах дяди Пети не было ничего нового; он маме говорил об этом чуть ли не каждый день, и мне казалось, что они об этом говорят непрерывно.

Мама молча вывела из сарая бычка. Лорка забежала в дом, легла на печку и заплакала. Я остановился у окна и стал смотреть: мама подогнула бычку одну ногу, потом другую, и он лег, все еще пытаясь лизнуть ее руку. Дядя Петя связал ему ноги веревкой, походил возле него, опустился на колено, крякнул и взялся за голову бычка. Мама стояла с тазиком, наблюдала, как дядя приготавливается. Воскресенье вытянул шею. Черные с коричневым его большие глаза широко открывались и закрывались. Он ничего не понимал, смотрел то на дядю, то на маму, как бы спрашивая, что будет дальше, а я все ждал, когда он взглянет в мою сторону.

Дядя Петя приготовился, молча смотрел на бычка, словно чего-то ожидал, потом снял фуражку, расстегнул-застегнул ворот гимнастерки и глубоко вздохнул:

— Фу! Как жарко. Лежит спокохонько. Был у меня однажды такой случай. Одному моему другу, Тимохе Коникову, бомбой оторвало обе ноги. Я подбежал, смотрю на его, плачу. А он лежит бледный, на лице ни кровиночки, но спокойный, тихий. Лежит и не догадывается, видать, что у его ног нету. Обеих! Петя, говорит, дай попить, у меня, говорит, жар. Сколько сил у человека! Сколько б, однако, он сделал добра, дай ему пожить. Принес я воды. «Спасибо, Петя, выручил, дай закурить». Сказал это и тут же умер.

— Давай я попридержу,— попросила мама.

— Не надо, посиди-ка лучше, без тебя все сделаю.

— Да я уж насиделась.

— Поделай чего другое,— сказал дядя Петя, берясь снова за голову Воскресенья. Он подпер голову бычка коленом, оглянулся на маму, взял нож, провел ножом в воздухе и опустил на шею. И в это самое время дядя Петя неожиданно отскочил в сторону. Мама замахала руками и, оглядываясь, побежала за избу. Ходивший тут же петух то ли от страха, то ли еще от чего взмахнул крыльями, но, так и не закукарекав, пустился наутек. Бычок встал на ноги. Подле его ног валялась порванная веревка.

К окну подошла Лорка, привлеченная моими радостными криками, и, увидев живого бычка, заулыбалась.

— Ага,— сказала она, вытирая кулачком глаза.— Ага! Вот им!

Дядя Петя постоял с секунду, оглянулся. Бычок шагнул к дяде, а дядя юркнул за угол. Воскресенье подумал немного и побежал за дядей.

Лорка поглядела на меня и пожала плечами. Мне хотелось погладить ее, потрогать на ее щеках ямочки, успокоить. Мы кинулись к другому окну. Я уже представлял, как дядя прыгает через плетень, а бычок мстительно бежит за ним, дядя на улицу — бычок за ним. Но когда мы подбежали к окну, то увидели, что дядя Петя сидел на завалинке, а рядом стоял бычок. Неподалеку, у сарая, стояла мама, у нее было сердитое лицо, и она что-то выговаривала дяде Пете.

Мы с Лоркой выбежали во двор, и она сразу сунула Воскресенью корку хлеба, стала гладить его.

Дядя Петя молча, сумрачно поглядывал на небо.

Я уставился на дядю Петю. Мне казалось, он знает какую-то великую тайну. Он усиленно курил и молча поглядывал на небо. Дым просачивался сквозь его усы, путался в волосах и уплывал вверх, а лицо его было удивительно спокойное. Он долго молчал, ни слова не говорил, а только курил, гладил Лорку и думал.

Вскоре мама направилась в дом, затем вышла и села рядом.

— Ты не сердись,— сказал дядя Петя.— Ты уж, брат, извини меня и не сердись. Знаешь, я сейчас не мог резать. Я потом когда-нибудь. Сейчас, поверь, нельзя. Они б мне не простили, ребятенки.

— Ну да,— ответила сердито мама и покачала головой.— Это дурная примета, когда такое получается, а ты — «не сердись». Ну да! Хорошенькое дельце: «не сердись».

— Тонюша, что к спеху, то к смеху, а я тебе помогу мясом, вот же тебе мое слово. Слава богу, год-то хороший нынче.

— Ну да! Жди! Возьму! Раз начали, надо кончать. А то, Петр Петрович, смешно получается...

Дядя Петя встал и походил возле завалинки. Никогда я не видел, чтобы он волновался так, как сейчас.

— А ты кто? Не моя сестра, может? — Он остановился напротив мамы.— Или пришей кобыле хвост? Молчишь. Я говорю: не к спеху. Ему ведь год нынче. Пусть поживет, на следующий — на тебе мясо! Но я тебе скажу: на первое место мясо не ставь! Их вот ставь,— показал он на нас.— Ясное тебе дело или нет?

— Сена кто наготовит, они? — спросила мама сердито, но уже и примирительно.

Дядя Петя присел на завалинку и усмехнулся, покачал головой и закурил. Ему было неприятно, что мама не согласилась с ним, видно было, что ему хотелось высказаться до конца.

— Года нет ему. Что с него станет? Какое там мясо? Никакой пользы, ни жиру, ни товару. Послушай, Тонь, я к добру говорю, не пустозвоню, дорого яичко к христову дню. Говорю тебе, слушай.

Но мама фыркнула и ушла в дом. Дядя Петя помолчал, обдумывая что-то, и вновь закурил.

— Все мы с одного поля ягодки,— сказал он, переживая разговор с мамой.— Правда, Лора? Мать ваша гордая. Ей говорю, не годится отказываться от помощи родного брата, а сам думаю: откуда у нее такая гордость? Такой гордыни, как у нее, на сто людей хватит! И хорошо это, когда человек гордый.

Лорка молчала; ей стало неприятно, что мама вот так фыркнула и ушла, сердясь на дядю Петю за то, что он сделал хорошее.

— Все мы принцы,—продолжал размышлять дядя Петя.— Мы, и птицы, и все, а тут на тебе — режь. Я наставил нож, чуть нажал, а он вишь как прыгнул! То-то и оно! Жить хочет. А ты режь. Режь, и все,— досадно сплюнул он.— За жизнь, брат, нужно вести сражение. Вот в чем смысл. Бычок, видали, как сиганул! Как бугай здоровенный! На вид маленький, неказистый бычок-то, а сиганул-то, сиганул!.. Как сиганул!

Дядя Петя засмеялся, засмеялась и Лорка. Она повернулась ко мне, давая понять, что ей очень смешно. А мне думалось: в том, что сказал дядя Петя, ничего смешного нет. В этот момент мне показалось: я понял, как можно разгадать тайну, которой владеет дядя Петя. От этого я чувствовал себя намного старше Лорки, старше самого себя. Я понял дядю Петю, думалось: у меня должно быть, как у него, и тогда я стану настоящим взрослым человеком. Я все должен делать, как дядя, и это поможет мне раскрыть тайну, которой владеет он.

ПОЛЕ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ШЕД

Савелий Ямщиков, исследователь древнерусского искусства, много лет проработал в Петрозаводске и Кижах, занимаясь изучением художественных сокровищ, созданных талантливыми мастерами русского Севера. В книге «Радость открытия» рассказывается о нелегком, но бесконечно увлекательном труде реставраторов, о поиске и спасении наиболее ценных живописных памятников, о людях, с которыми автору приходилось встречаться, работая в Карелии, о неповторимой красоте заонежских мест. Мы публикуем сегодня отрывки из этой книги.

Савелий ЯМЩИКОВ

Г. Жаренков (слева) и С. Ямщиков восстанавливают живопись древней Карелии.

Кижи... Теперь это название известно каждому, и редко встретишь человека, не слышавшего об этом знаменитом онежском острове. Но совсем недавно были другие времена.

...Маленький пароходик уходил из Петрозаводска на Медвежью Гору поздним вечером. Накрапывал холодный осенний дождь. Он сыпал пятый день подряд. «Неужели и сегодня пароход не пойдет?» — задавал я себе в сотый раз один и тот же вопрос. Надоело ждать. Истекала командировочная неделя, но я, кроме Петрозаводска, нигде еще не побывал. А планы строил большие. Во главе маршрута — Кижи. Очень хотелось их увидеть и поскорее. Сам не знал тогда почему, только хотелось. Словно чувствовал, что надолго, может, на целую жизнь, привяжусь сердцем к озерному краю.

Проклинал я в эти пять дней все. И дождь, и серое небо, и скучные стены гостиничного номера, и надоевшую городскую суету. Больше всего злился на речников, которые не могли небольшое расстояние отважиться переплыть в дождливую и чуть ветреную погоду. Раскаялся и взял свои проклятия назад, как только мы вышли в открытое, черное озеро. Наш кораблик бросало так, что пришлось забыть о земной смелости и поверить исключительно в речников — постоянных тружеников Онежского озера. Пять часов показались вечностью. Все мои предыдущие морские «подвиги» были лишь забавным приключением по сравнению с шестью баллами Онего и палубой «Днепробуга». Какая прелестная прогулка на современных «Кометах» и «Метеорах» от Петрозаводска до Кижей! И все-таки было что-то романтическое в трудной ночи первого путешествия.

Гулко ударился пароход железным боком в деревянный настил дебаркадера. Заскрипели доски, полетела швартовая веревка, раздались сонные голоса встречающих и отъезжающих. Пароход дал длинный гудок, и я остался один на один с ночью, холодной и незнакомой. До рассвета было несколько часов, и я все их мысленно пересчитал, ожидая, когда настанет семь, чтобы отправиться в Кижи. Под утро я заснул, а когда проснулся, серый дождливый день, точь-в-точь петрозаводский, висел за окном каюты дебаркадера. От Васильева до Кижей рукой подать, но дождь и туман так завладели горизонтом, что соборов не было видно.

«Вон там, за погостом. Иди по этому холму и аккурат попадешь»,— напутствовал меня старичок капитан, хозяйничавший на пристани. Но мне посчастливилось увидеть, увидеть, прежде чем «попасть». Пройдя чуть больше километра, я очутился на погосте и стал рассматривать деревянные кресты, надеясь найти среди них знаменитые, северные поклонные. В это время подул сильный ветер. Тучи разорвало. Солнце, словно выпущенное на свободу, озарило воздух фантастическим светом. Заструились, заиграли длинные лучи, засверкали последние капельки дождя, я посмотрел вперед и замер. Прямо передо мной виднелась гирлянда куполов кижских соборов, а над ними от края до края высоко в небе повисла яркая, звучная радуга.

Солнце простояло в небе все пятнадцать сентябрьских дней, которые я провел в Кижах. Мне и в мечтах не представлялось такое чудесное место, как небольшой зеленый остров посреди бескрайних водных просторов. Но главное, что здесь я познакомился с иконами, написанными заонежскими художниками.

До приезда в Карелию мне довелось работать в богатейших музеях Новгорода и Суздаля. Нами руководили потомственные мастера — представители старой школы реставрации. Мы чувствовали себя неуверенно, когда учителя на глазах совершали чудеса. Казалось, невозможно постичь премудрости реставрации. Учителя помогали разбираться в трудных задачах. Чаще делом, реже словами. Учили обращаться с инструментом, показывали, как пользоваться растворителем. А главное — учили понимать и любить подлинную красоту древнерусского искусства. Увлекательные уроки высоко ценились учениками, потому что позволяли проникнуть в святая святых любимой профессии.

Первые иконы, происходящие из часовен и храмов Карелии, я увидел в Кижах. Их было очень много в темном подклете дома Ошевнева. Огромные, достигающие двухметровой высоты доски; царские ворота вычурной резьбы; десятки маленьких иконок, поставленных на полки, как фолианты в старинной библиотеке,— все это богатство манило к себе древней таинственностью. Хотелось сразу найти здесь шедевры, сделать на них пробные расчистки и открыть что-то новое, доселе неизвестное. Мы вынимали из стеллажей одну доску за другой, выносили каждую икону на яркий солнечный свет, рассматривали тщательно, стараясь угадать ценность древней живописи. Робкие предположения, смутные догадки, осторожные, неаргументированные выводы. Мы спорили, горячились, а доски молчали. Молчали, словно не желая открывать вековые тайны неопытным людям. Опыта, к сожалению, недоставало.

Разбор «кижской» коллекции стал подлинной школой изучения северных писем. Когда затихли страсти первооткрытия и мы перестали считать себя искателями сокровищ, началась кропотливая работа. С раннего утра, чтобы не упустить ни одного светлого часа в коротком северном дне, отправлялись мы в дом Ошевнева. Лихорадочный осмотр «на выбор» сменился тщательным изучением и обсуждением всех семисот единиц хранения. Споры продолжались, но они велись не ради желания поспорить, а в поисках истинной атрибуции той или иной иконы. Теперь я знаю, что в описи кижского древлехранилища мы сделали немало ошибок. Больше, чем сделали бы сейчас. Но главного мы достигли. Нам стали дороги творения местных, обонежских мастеров, в наших руках появился ключ к распознанию характерных признаков и черт северной живописи.

* * *

Следующую командировку в Карелию я ждал с нетерпением. Зимний период работы в московской мастерской требовал полной отдачи сил. Слишком много икон, присланных из различных музеев России, нуждалось в реставрации. Свободное время выдавалось только по вечерам или в редкие выходные дни. Все эти часы уходили на изучение истории древнерусского искусства, а особенно тех разделов, которые касались творчества северных живописцев. Маститые специалисты говорили об искусстве русского Севера походя, относясь к местным памятникам в лучшем случае с точки зрения влияния столичных школ на развитие провинциальных художественных мастерских. У меня же перед глазами стояли пусть немногочисленные, но поражающие нетленной красотой иконы, увиденные осенью в Кижах. Реставраторы раскрыли отдельные северные реликвии сразу после войны, и в течение нескольких лет они хранились среди остальных экспонатов дома Ошевнева. Разве можно считать чисто провинциальным проявлением живописное дарование автора иконы «Власий», работавшего в XV веке? Замечательные произведения иконописи — редкие по мастерству изображения «Покрова» и «Успения» — также принадлежат кисти местных художников. Но какое прекрасное понимание важнейших основ средневековой художественной культуры демонстрируют безымянные создатели! Внешние моменты — свидетельства провинциального происхождения шедевров северного искусства — отступают на второй план перед глубокой внутренней наполненностью и значительностью

ЕВРОВ

образного языка местных живописцев. Северные иконы неповторимы, как неповторимы памятники иконописи Пскова, Суздаля, Новгорода и других древнерусских городов. Меня они покорили сразу. Чистотой духовного смысла. Умением говорить о прекрасном просто и одновременно возвышенно. Задушевностью и личностью, какая встречается только в искусстве Севера. Я понимал, насколько отличаются «кижские» иконы от унинумов мирового значения. Да мне и в голову не приходило сопоставлять отреставрированные сокровища из дома Ошевнева с древнейшими живописными реликвиями XII—XIII веков, фантастическими творениями Феофана Грека, с виртуозными созданиями псковских мастеров или изысканными образами прославленного Дионисия. Памятники северной иконописи привлекают иными качествами: большой человечностью, доступностью и искренностью художественного повествования, незамысловатостью. Однажды увиденные, они навсегда остаются в памяти. Вот почему меня так тянуло снова поехать в Карелию и заняться раскрытием неизвестных произведений древней северной живописи.

Петрозаводский музей изобразительных искусств не может сравниться по дате основания ни с одним из крупных музейных хранилищ России. Он открыт в 1960 году и, наверное, является самым молодым в списке музеев республики. Но молодость не помеха, когда сотрудники горят желанием превратить свою галерею в крупный центр по сбору и изучению памятников местного искусства. Сегодня музей в Петрозаводске известен не только узкому кругу специалистов, но и всем, кто стремится познать историю отечественной культуры. В его запасниках сосредоточено около двух тысяч произведений северной живописи. А начиналась инвентарная книга музея всего-навсего с нескольких иконных досок, переданных вместе с другим имуществом петрозаводскими краеведами. Богатство древнерусского отдела Петрозаводского музея — заслуга многих людей, принимавших участие в пополнении и организации его фондов. Но главную роль сыграли реставраторы, искусствоведы и просто энтузиасты, участники многочисленных экспедиций по обследованию обонежских земель.

Сбор памятников древнего искусства — одна из самых захватывающих областей современной экспедиционной работы. Стоит обнаружить хотя бы один значительный образец творчества старых мастеров, и результат поездки налицо. Этот результат — открытие более или менее важной вехи в истории культуры Отечества. А что может служить лучшим вознаграждением участникам экспедиции?

Поиск памятников древнерусской живописи сложен и кропотлив. Нужно беззаветно любить старину и ценить профессию музейного работника, чтобы преодолевать трудности, выпадающие на долю экспедиций, которые обследуют различные уголки России, отыскивая следы бесценных сокровищ изобразительного искусства.

...Поначалу все складывалось хорошо. Каждый день ранним утром мы выезжали по маршруту, составленному еще в Москве. Названия деревень и поселков полностью совпадали с данными старой военной карты. Машина наша пробегала в день ровно столько километров, сколько требовалось, чтобы уложиться в экспедиционные сроки. Нас не расстраивала даже безрезультатность первых дней поездки. Мы только начинали экспедицию, и запас оптимизма позволял поддерживать хорошее настроение среди участников.

Невзгоды подкрались незаметно. Мы заблудились. Вроде дорога к нужному пункту была досконально высчитана нами по карте, да и местные жители подтвердили правильность выбранного пути. Но прошел час, другой, третий. Машина не сбавляла скорости, а ожидаемой деревни не было видно и на далеком горизонте. Поворачивать назад поздно — спидометр показывал, что пройдено уже около ста километров. Слишком большой крюк придется делать. Мы решили свернуть в сторону и выехать к реке. Решение оказалось роковым. Через десять минут наш «вездеход» прочно, всеми четырьмя колесами засел в пересохшем, на первый взгляд безопасном ручейке. Помощи ниоткуда ждать не приходилось. Кругом расстелены ковры полевых цветов, палит беспощадное солнце, в воздухе повисло лесное, нетронутое безмолвие. Мы «наслаждались» пейзажем целых два дня, пока наконец не вытащили машину силой собственных рук, ног, плеч, а прежде всего благодаря мастерству водителя.

К берегу реки подъехала экспедиция поздней ночью. Вокруг была кромешная тьма. Ни одна звезда не могла пробиться сквозь черную завесу облаков. Единственное разумное решение — ночевать прямо здесь, среди высоких прибрежных зарослей. Усталые после двух дней адской работы, люди упали на свежескошенную траву и заснули мгновенно. Мы даже не знали, где находимся и куда нас занесла экспедиционная судьба.

С палубы причалившего пароходика милосердные пассажиры объяснили нам ошибки в выборе маршрута и подробно описали дорогу до конечного пункта — трудную дорогу, отнюдь не похожую на километры первых дней экспедиции. Жара становилась все нещаднее и нещаднее. Днем огромные оводы, а вечером комары превращали нашу жизнь в невыносимое мучение. Дождя ждали, как избавления от всех страданий. Он приходил, омывал изможденных солнцем и пылью людей, успокаивал нервы, но одновременно делал непроходимыми и без того разбитые проселочные дороги. Через каждый километр остановка. Лопата и топор надолго вытеснили из обихода карандаши, циркуль и карту. Мы рубили сучья деревьев, сооружали целые метры лежневки, тащили машину буквально на себе. Я не знаю, что нам помогало тогда преодолевать невероятные препятствия: упрямство или необъяснимое везение. Не будь люди подвластны единой и неотступной мысли сделать открытие, найти, несмотря на трудности, забытые памятники древней живописи, они бы сдались.

Деревня вольготно раскинулась на мягких, зеленых холмах. Никому из ее жителей и в голову не приходило, что группа художников-реставраторов и искусствоведов затрачивает нечеловеческие усилия, пробиваясь сюда, на край земли. Вроде никакими особыми достопримечательностями не отметила судьба далекую деревню. Добротные дома, прочно рубленные дедами. Небольшая лесопилка, начальная школа, магазин... «Что еще? Церковь? Ну, да она когда закрыта-то? За несколько лет до начала войны. Окна даже досками забили, а по урожаю зерно в нее ссыпаем. Красивая, говоришь, она. Это правда. Потому и оберегаем. Старики делали давно — лет двести, а может, и поболе тому. Дерево доброе положили. Глянь, какие бревна, что твой дом. Бревна тяжелые, да и мастера нелегкие были. Старшой, сказывают, пятнадцать пуд сам весил. За сто верст артелью в баню кажну субботу париться шли. Специальну баню принимали, силу накапливали. Вот и сочинили эдакую красоту. Иконы, говоришь? Есть и иконы внутри. Как были, стоят. Мы не пущаем баловать — тоже, чай, прадеды нарисовали».

Скрипит, поет на все лады тяжелая, не скоро открывающаяся дверь. Внутри теплый полумрак, пахнет зерном, солнечные зайчики играют на полированной поверхности стен. Иконостас действительно не тронут безжалостной рукой. Даже ветхие, истлевшие ткани лежат на своих местах. Время словно остановилось здесь, как останавливаются часы. Живопись, современная постройке церкви. Храм воздвигнут, согласно письменным источникам, в самом начале XVIII века. Значит, особенно древних икон нам тут не найти. Конечно, целый иконостас XVIII века — неплохое начало поисков. Не так уж много сохранилось до наших дней полных комплектов внутреннего убранства церквей. Вдруг!

Один из участников экспедиции подзывает нас к окну. В руках у него средних размеров доска, стоявшая на алтарной преграде. Черная пленка олифы потрескалась, и сквозь узкие щели просвечивают яркие алые пятна. Это, вероятно, настоящая киноварь. А киноварную краску употребляли в древности нечасто. Только хорошим живописцам выдавался для работы дорогостоящий материал. Мы выносим доску на улицу и при дневном свете осматриваем находку более внимательно. Слишком много имеется специфических признаков, позволяющих реставраторам надеяться на высокие художественные качества авторской живописи, которая пока закрыта поздними записями и олифой. Придется ждать до Москвы, прежде чем подтвердятся наши догадки. Однако настроение и теперь уже радостное, невзгоды тяжелого пути позабыты. Завтра — дальше, к неизведанным местам, к новым поискам.

В нашей работе было маловато внешних эффектов. Поиск древнерусской живописи приносит ощутимые результаты и становится значительным только после музейного изучения и реставрационной обработки находок. Цель экспедиции — найти памятники и доставить их в музей, чтобы люди потом могли наслаждаться творениями древних мастеров.

А сколько таких эпизодов могли описать участники многочисленных экспедиций по Карелии!

Отряды искателей зимой и летом буквально прочесывали северный край, не оставляя без внимания ни одну архитектурную постройку. На учет брались все произведения старого искусства, обнаруженные специалистами. На месте находок составляли учетные карточки, в которых каждый вновь открытый памятник получал исчерпывающие паспортные данные. В учетную карточку заносилось старое и новое название деревни, время постройки церкви, а нередко и точная дата написания отдельных икон или целого иконостаса. Благодаря подобной классификации в древнерусском собрании Петрозаводского музея сразу удалось выделить наиболее ценные группы памятников, связанных с различными пунктами, где работали артели живописцев. Особое внимание своими художественными достоинствами привлекали живописные образцы, вывезенные из деревни Пяльма Пудожского района. Все иконы этого селения относились к раннему периоду древнерусского искусства и датированы XV—XVI веками. Часовня Ильи Пророка в деревне Пяльма оказалась настоящей кладохранительницей. Любая доска, попавшая на стол реставратора из пялемской часовни, заставляла вспоминать лучшие творения средневекового искусства. Пялемские находки знаменуют высший этап становления творчества местных художников. Иконы, происходящие из Пяльмы, служили отличным руководством по изобразительному искусству для северных художников и даже могли оказывать влияние на творчество столичных живописцев.

В маленькой комнатке Петрозаводского музея стены украшены древними иконами. Они висят плотными рядами, занимая все пространство — от пола до потолка. Несколько вещей расчищено. Это экспонаты «кижской коллекции». Какой контраст между переливающимися звонкими цветами уже раскрытой авторской живописи и непрозрачной вуалью на поверхности потемневших досок, которых не касалась рука реставратора! От обилия предстоящей работы разбегаются глаза. Хочется сделать все сразу. Поскорее увидеть подлинный лик древнего искусства. Поставить компрессы на лучшие образцы, удалить вековые наслоения, заставить заново «биться сердце» нетленной живописи. Но профессиональное благоразумие и законы ремесла берут верх над первым порывом, заставляют действовать разумно. Так, чтобы не допустить ошибок и не погубить случайно малейшую частицу красочного слоя. Ошибку исправить невозможно, как невозможно заново создать творение древнего художника.

На «Деисусном чине» из Колгострова нет поздних записей и прописей. Старая олифа потемнела незначительно. Внимательно присмотревшись, можно разобрать линии рисунка и контуры фигур. Небольшой, пробный компресс, поставленный на неответственном участке иконной доски, снят через несколько минут. Олифа размягчилась до такой степени, что достаточно легкого прикосновения ватного тампона для удаления ее с живописной поверхности. Скальпель в данном случае не потребуется... Нужны только максимальное внимание, точный расчет времени экспозиции компресса и аккуратность.

Рабочий день давно кончился, но я даже не заметил, как за музейными окнами повисла вечерняя мгла. Расчистка колгостровской иконы оказалась увлекательным, захватывающим делом. Фигура за фигурой, изображенные живописцем, сбрасывали столетний покров. Снимая реставрационные компрессы, я испытывал радостное ощущение человека, впервые после долгого перерыва созерцающего оригинальную живопись северного художника. Потом икону увидят многие. Оценят и полюбят искусство неизвестного творца. А сейчас мы наедине — полураскрытое древнее творение и реставратор, кому доверена его дальнейшая судьба. Ради таких мгновений стоит жить, испытывать трудности, преодолевать невзгоды и не обращать внимания на житейские мелочи. Радость открытия искупает все и позволяет многое прощать. Она делает прекрасным мир, объясняет первопричину и закономерность самых различных явлений жизни.

ВЕЛИЧИЕ И ПРОСТОТА

Л. КУНЕЦКАЯ,
научный сотрудник музея

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Австралийский рабочий-поэт У. Д. Браун, побывав в Ульяновске, на родине Владимира Ильича Ленина, писал: «Есть в России такие места, по которым с волненьем проходят и священными их неспроста называют в народе».

Одним из таких священных мест является всемирно известный ныне музей «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». Двадцать пять лет тому назад, к 85-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, он был открыт в здании, где и сейчас работает Советское правительство. За это время его посетило более миллиона человек — трудящиеся нашей страны и представители 115 государств мира.

С Москвой, с Кремлем связаны пять самых напряженных лет ленинской жизни. Отсюда Ленин руководил обороной страны, восстановлением ее народного хозяйства, определял пути развития науки, культуры, искусства, здесь определялась внешняя политика молодого Советского государства. Ни на один день не прекращалась тут теоретическая деятельность Владимира Ильича. В Кремле он написал такие выдающиеся работы, как «Очередные задачи Советской власти» (март — апрель 1918), «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (октябрь — ноябрь 1918), «О государстве» (июль 1919), «Великий почин» (июнь 1919), «О диктатуре пролетариата» (сентябрь— октябрь 1919), «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (апрель — май 1920), «О продовольственном налоге» (апрель 1921) и другие.

Сюда, к Ленину, за помощью и советом ежедневно шли люди — рабочие и крестьяне, партийные и советские руководители, ученые и артисты, военачальники и писатели. Часто в дверях его кабинета встречались русский крестьянин в лаптях и зипуне с иностранным дипломатом во фраке, старый товарищ Владимира Ильича еще по первым марксистским кружкам и философ из Индии или бизнесмен из Америки.

Прошли годы, но люди по-прежнему идут сюда, в Кремль, к Ленину. Все осталось так, как в те годы, когда здесь жил и работал Владимир Ильич. Обстановка рабочего кабинета и квартиры Ленина не изменилась.

Ее нетрудно описать. Письменный стол и стол для посетителей, к которому придвинуты четыре мягких кресла. У стола — этажерки-вертушки с самой необходимой литературой: материалы партийных съездов и конференций, конгрессов Коминтерна, Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства, справочники, словари. Почти все простенки заняты книжными шкафами (на их полках более двух тысяч книг) или географическими картами. Здесь все напоминает о первых годах жизни молодой Советской республики. И легко представляешь склонившегося над столом Ленина — его рабочий день растягивался до 16—18 часов...

Удобный и строгий кабинет государственного деятеля, ученого. Одна из дверей ведет в зал, где проходили заседания Совета Народных Комиссаров, Совета Труда и Обороны, Политбюро ЦК партии. В этом зале звучали пламенные речи Ленина. Заседания под его руководством — образец организованности, четкости и слаженности в работе. Вместе с тем на них царила товарищеская, непринужденная атмосфера.

В этом зале Советское правительство продолжало работать до 1958 года. Тут поныне сохраняется кресло, на котором сидел Ленин.

Большой интерес посетителей музея привлекает личная библиотека Владимира Ильича — 10 тысяч томов,— размещенная в комнате рядом с квартирой. Специалист почти любой отрасли знаний может найти в этой библиотеке нужную ему литературу. Книги показывают широту и разносторонность интересов Ленина — философия, социология, политэкономия, статистика, военные вопросы, государство и право, искусство, история и т. д. И притом на нескольких иностранных языках— немецком, английском, французском: Ленин владел ими в совершенстве. Кроме того, он знал латынь, древнегреческий, польский, чешский, итальянский, шведский языки. Владимир Ильич предпочитал художественную и политическую литературу читать на языке оригинала.

Целый шкаф занимают книги, подаренные различными авторами, коллективами — и нашей страны и зарубежными. На титульных листах — автографы. Вот один из них: английский писатель, большой друг Советской страны, Бернард Шоу прислал Владимиру Ильичу свою книгу «Назад к Мафусаилу» с такой надписью: «...Ленину, единственному европейскому правителю, который обладает талантом, характером и знаниями, соответствующими его ответственному положению. От Бернарда Шоу. 16-го июня 1921 г.».

...Квартира В. И. Ленина. Просто обставленные комнаты, ничего лишнего, никакой роскоши, но есть все необходимое для труда и отдыха. Вот в этой комнате Владимир Ильич работал, отдыхал. Здесь в декабре 1922 — марте 1923 годов, будучи уже тяжело больным, он продиктовал свои последние письма и статьи, известные как политическое завещание Ленина. Письменный стол, книжный шкаф, кушетка, кровать, покрытая старым пледом. Этот плед — последний подарок горячо любимой матери, она купила его для Владимира Ильича во время их последнего свидания в Стокгольме в 1910 году. До конца жизни Ленин будет возить этот плед с собой. Привлекает внимание листок календаря: 19 октября 1923 года. 18—19 октября Ленин провел в Кремле, приехав из Горок, где лечился. Это было его последнее посещение Москвы.

Рядом с комнатой Владимира Ильича комната его жены, друга, верного и преданного товарища — Надежды Константиновны Крупской. И здесь все просто и удобно. Книги, фотографии: Н. К. Крупская с матерью, Елизаветой Васильевной (снимок сделан в 1898 году, когда Надежда Константиновна готовилась к сибирской ссылке), несколько фотопортретов В. И. Ленина. На письменном столе лежит портфель. Рабочие подарили его Владимиру Ильичу, но Ленин не пользовался портфелем, отдал жене, и Надежда Константиновна ходила с ним двадцать лет. В шкафу — труды Надежды Константиновны по вопросам народного образования, коммунистического воспитания. Ее воспоминания о Ленине — мужественная, прекрасная книга, лучший памятник Владимиру Ильичу.

Крупская жила в этой квартире до последних дней. 23 февраля 1939 года она уехала отдохнуть в Подмосковье, не хотела торжественно отмечать свое 70-летие. А 27 февраля она умерла.

В самой большой комнате жила младшая сестра Владимира Ильича — Мария Ильинична Ульянова. Профессиональная революционерка, прошедшая через тюрьмы, ссылки, пламя классовых боев, после революции Мария Ильинична на долгие годы работала ответственным секретарем газеты «Правда», затем возглавляла бюро жалоб Комиссии советского контроля. Ее знали и любили на фабриках, заводах, в совхозах, колхозах, школах. Она часто ездила по стране; выступала, помогала советом, отыскивала литературные таланты. Ей дарят свои произведения молодые авторы — Николай Островский, Михаил Кольцов, Галина Серебрякова, Александр Безыменский и другие. Она была их другом и помощником... В комнате много вышивок, подушки, салфетки, коврики — подарки от школьников. Над письменным столом — прекрасный портрет матери и фотопортрет старшей сестры А. И. Ульяновой-Елизаровой. Тут же — пишущая машинка.

Нежная привязанность друг к другу объединяла семью Ульяновых. Они дорожили каждой минутой, которую могли провести вместе, и старались не нарушать традиции — к обеду и ужину собирались все вместе. Приходил из кабинета Владимир Ильич и, если не заставал жену и сестру, звонил им на работу, просил приехать. Чаще всего ели на кухне. Скромной трапезе соответствовала обстановка — стол из струганых досок, венские стулья, разрозненные тарелки и чашки. Никто в семье не обращал на это внимания, не придавал быту большого значения. Если приходили друзья, то их принимали в маленькой уютной столовой. Угощение — более чем скромное: кусок хлеба и банка варенья. Зато какие велись оживленные беседы, как задорно звучал смех Владимира Ильича! В семье любили и ценили шутку. Во время встреч с друзьями пели революционные и русские народные песни, вспоминали прошлое, мечтали о будущем.

Владимир Ильич любил Москву, Кремль. Иногда в свободную минуту он прогуливался возле Большого Кремлевского дворца. Отсюда, с высокого холма, открывался чудесный вид на Замоскворечье. В 1923 году над крышей здания, где жил Ленин, была сооружена веранда. Ее обставили дачной мебелью. Когда Владимир Ильич чувствовал себя плохо и не мог гулять, он поднимался на веранду, куда сквозь отрытые окна доносился городской шум, перезвон кремлевских курантов. Хорошо были видны улицы города, крыши домов. Отсюда Владимир Ильич любовался Москвой.

...«Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» — всего несколько комнат, но здесь легко представить себе Ленина живым, понять его характер, подвиг жизни, почувствовать атмосферу, в которой он жил и работал». Это одна из многих записей посетителей музея. В них — мысли и чувства людей планеты. Немецкий язык соседствует с бенгальским, датский — с турецким, французский — с японским...

Докеры Франции и королева Бельгии, лесорубы Финляндии и президент Австрии; правительственные делегации сменяются профсоюзными, за журналистами следуют дипломаты. Но подавляющее большинство посетителей музея — это советские люди и коммунисты со всех континентов. Они клянутся продолжать дело Ленина.

В этом здании в Кремле жил и работал В. И. Ленин с марта 1918 года по май 1923 года.
Группа экскурсантов в музее «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Письменный стол В. И. Ленина.
Рядом с рабочим кабинетом В. И. Ленина находится зал, где происходили заседания Политбюро ЦК партии, Совнаркома, Совета Труда и Обороны.
Верхний кремлевский коммутатор расположен в комнате, примыкающей к кабинету В. И. Ленина.

КУРИТЬ
ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

О ВЕЧНОМ ПОЮ ЧЕЛОВЕКЕ

Из поэмы о В. И. ЛЕНИНЕ

Вацлав ГОНС

●

Земля качалась на весах Фемиды.
Все было как до сотворенья мира.
До нас. До не родившихся на свет.
Еще окрест дымилась и алела
Кровавая чреда ужасных битв.
О десять миллионов убиенных!
Десятикратно десять миллионов
Страдающих! Но молоху войны
Все было голодно,—
И тут на сцену
Истории
Нежданно вышел
ОН.

В ту осень
В середине октября
Он тайно появился в Петрограде.
На кепке — иглы хвои:
Пробирался
Сквозь сумрачные финские леса.

Мир тихо утопал в болоте мертвом
Окопов. Мир устал от ожиданья,
Но вдруг взревело:
«Зимний взят!»

НАД
ХРИПЕНЬЕМ ВЗБЕСИВШИХСЯ ЗВЕЗДНЫХ
ДРАКОНОВ,
НАД
ЯЗЫЧЕСКОЙ КРОВЬЮ ЗАБЫТЫХ БОГОВ,
НАД
ВЕКАМИ СТРАДАНИЙ, ПРОКЛЯТИЙ И СТОНОВ
ТЫ —
ЦВЕТУЩЕЕ ДРЕВО ГРЯДУЩИХ ВЕКОВ.
ТЫ —
НА ТЬМУ ОБРЕЧЕННЫМ ЖИВИТЕЛЬНЫЙ СВЕТ
В ТОЙ ПЕЩЕРЕ БЕЗВЕРЬЯ, ГДЕ ВЫХОДА НЕТ.

●

Низкий мой поклон ветрам
Над дорогами планеты,
Где, как радуга, воздеты
Наши грезы к облакам.

Звезд приветствую поток,
Их влекущее сиянье,
Их предвечное молчанье —
Как воды живой глоток.

Созерцать бы век с тобой
Эту бездну без предела,
Но труба поход запела —
Принимаем трудный бой.

В жерновах смерчей и гроз
Не смололи наши души,
Позади — равнины стужи,
Реки высохшие слез.

До конца испить с тобой
Все страдания и беды.
Впереди — лучи победы
В битве с темною ордой!

О ВЕЧНОМ ПОЮ ЧЕЛОВЕКЕ —
НЫНЕ, ПРИСНО, ВОВЕКИ.
РАССИЯЛАСЬ НАД ПЛАНЕТОЙ
СИНЬ, СИНЬ, СИНЬ.
СТАРЫЙ МИР ВО ИМЯ СВЕТА
СГИНЬ, СГИНЬ, СГИНЬ! —

ГРЕМИТ ВУЛКАНОМ В ПАМЯТЬ ИЛЬИЧА
ЗЕМЛЯ ЛЮДЕЙ!

Тюрьма и тьма,
Обитель зол и бед —
Все позади.
Мы обретаем свет!

Товарищ,
Ты еще людей покличь:
Ведь скоро будет
Выступать Ильич!

Конец пути
В пустыню, в никуда
С иудами
Без чести и стыда.

Лишь с теми, кто
От века нищ и наг,
Мы в новый мир
Пойдем — за шагом шаг!

Где были мгла и холод
Искони,
Электростанций
Расцветут огни.

Везде, где прозябал
Во тьме народ,—
Звезд негасимых
Свет живой взойдет.

Вперед, сыны отечества,
Вперед —
Туда, где каждый
Счастье обретет!

●

(Рассказ ветерана партии)

Тогда-то я впервые и увидел,
Каким он был оратором. Он весь
Преобразился.
Энергия, с какою
Он рассуждал, захватывала. Взгляд
Весь обращенный к слушателям. Жесты —
Скупые, энергичные. Слова —
Неспешные, но сомкнутые страстью
И волею...
На следующий день
К себе домой — не помню только повод —
Нас приглашает скульптор Аронсон,
С которым я тогда был в дружбе.
Мастер,
Увидев Ильича, пришел в восторг
И сразу попросил согласья сделать
Его портрет, хотя б на медальон.
Он, кстати, обратил мое вниманье
На сходство Ленина с Сократом.
Но,
Мне думается, больше чем с Сократом...

●

Уже накоплен дикий арсенал
Оружья термоядерного. Если
Упрутся в небо адовы грибы,
То каждый город, каждую деревню
Распашут бомбы — вдоль и поперек.

ЕЩЕ НА СВЕТ ТЫ НЕ РОЖДЕН,
А УЖ ВЗРЫВЧАТКИ — СОТНЯ ТОНН.

В сравнение с термоядерным оружьем
Химическое — то вполне ему под стать:
Всего лишь двадцать тысяч ядовитых
Химических зарядов уничтожат —
Мгновенно! — все живое на Земле.
А их уже в запасе — сотни тысяч...

ТЫ УБЕЖАЛ ОТ ЗОЛ И БЕД —
А СОТНЯ ТОНН ХОХОЧЕТ ВСЛЕД.

●

ДОКОЛЕ ЖЕ КОШМАР ТАКОЙ ПРОДЛИТСЯ?
КАМО ГРЯДЕШИ, МИР-САМОУБИЙЦА,
НЕСЯ БУКЕТОМ ВОДОРОДНЫЙ ГРИБ,—
К ПУСТЫНЕ, ГДЕ НИ ЖИВНОСТИ, НИ РЫБ?..

●

ЧТО Ж, ТРОНЬТЕ, ПОСМЕЙТЕ ЗАТРОНУТЬ
ВСЕЛЕНСКИЕ ЧАШИ ВЕСОВ!

МЫ — ЗДЕСЬ!
Погружены непримиримо
В теченье наших судеб, чье значенье
Угадано биеньем мощной мысли
За стенками сократовского лба.
МЫ — ЗДЕСЬ!
При всех ниспровержениях богов
И их земных приспешников-тиранов.
При смене дышл, оглобель и колес
Телег цивилизации скрипучих.
При факелах пылающих, деяньям
Бессмертных придающих вечный свет.
МЫ — ЗДЕСЬ!

ЧЕЛОВЕК ПРОРЫВАЕТСЯ В ВЕЧНОСТЬ —
ПРОБУЖДАЕТСЯ В НЕМ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.

Я
Метронома ленинского
Слышу
Биенье — над живою синевою
Твоих ударных строек, Комсомол!

О век пророчеств сбывшихся! О век
К устам пустыни обращенных рек!

Здесь,
От Байкала до Амура,
В царстве
Тайги и заколдованных снегов
Мы высекаем на отвесных склонах
Цветы и имена любимых. Здесь
Нам целовать их на морозе в губы,
Краснеть и трепетать от нежных взглядов,
Сияющих небесной синевой.
Любимая, прижмемся же друг к другу
Тесней, чем лепестки ночных соцветий,
Чем откровенные слова признаний.

...В жаркой
Степи мы распахали целину,
Чтобы она зазолотилась хлебом.
Так пей, землица, наш горячий пот!
Пусть суховей не иссушает сердце,
Пусть соловей грохочет ночью лунной,
Бездонной, точно исповедь твоя.

●

...И снова рвет
Ноябрьский ветер в Праге
Деревьев обнаженных купола
(Как прошлый раз, когда ты приходила,
Как прошлый год).
Приветствую тебя,
Любимая!
Приветствую эпоху
Твоих ударных строек, Комсомол!

Любимая, приветствую тебя
От имени
Моих созвучий нежных,
От имени
Былых прикосновений,
От имени вечнозеленых слов.

Пусть до краев переполняет нас —
Вовек неразделимых, двуединых —
Грядущих лет нечаянная радость,
Любовь, что исцелит грядущий мир.

Перевел с чешского
Юрий МЕДВЕДЕВ.

* Комната В. И. Ленина * Рабочий стол М. И. Ульяновой в ее комнате * Кухня в квартире В. И. Ленина * Комната Н. К. Крупской * Веранда, оборудованная для Владимира Ильича в начале 1923 года * Столовая в квартире В. И. Ленина.

ЗЕРКАЛО ТЕЛА И ДУШИ

«Как-то в одном из наших журналов прочитала, что за рубежом ведутся серьезные исследования нового метода диагностики — определения болезней человека по радужной оболочке глаза. Очень удивилась, до сих пор думала, что такая диагностика ничего общего с наукой не имеет.

Попыталась узнать об этом подробнее у знакомых врачей, они ничего определенного ответить не сумели.

Не могли бы вы, дорогая редакция, рассказать о работах в этой области? Есть ли у нас в стране специалисты по новому, столь необычному методу диагностики?

А. БУЙНОВА, Свердловск».

Да, такие специалисты в Советском Союзе есть. Начинали эти исследования у нас в стране два врача — декан медицинского факультета, заведующий кафедрой госпитальной хирургии Университета дружбы народов имени П. Лумумбы Федор Николаевич РОМАШОВ и заведующий отделом клинических исследований медицинского факультета того же университета Евгений Сергеевич ВЕЛЬХОВЕР. К ним и обратился с просьбой рассказать о иридодиагностике наш корреспондент Сергей ВЛАСОВ.

Ф. РОМАШОВ,
профессор,
доктор медицинских наук,
Е. ВЕЛЬХОВЕР,
доктор медицинских наук

Сказать, что иридодиагностика — новый метод, это значит забыть историю, забыть, что еще несколько тысячелетий назад народные врачеватели ставили диагнозы по глазам — «зеркалу души», а теперь мы можем утверждать — и зеркалу тела.

Первая в современной истории научная работа по иридодиагностике была написана в 1866 году венгерским врачом Игнацом Пекцели. Он создал карту проекций различных органов нашего тела на радужную оболочку глаза. Пигментные пятна в соответствующей зоне радужки должны были говорить о заболевании определенного органа. Немного позже, но независимо от Пекцели к таким же выводам пришел шведский исследователь Н. Лильеквист.

В начале этого века приверженцами метода были лишь отдельные ученые, сегодня — десятки тысяч врачей во многих странах мира: Франции, Англии, ФРГ, Японии, США, Канаде... За рубежом иридология преподается в ряде учебных медицинских заведений, изданы десятки научных трудов, с прошлого года начал издаваться журнал «Международный иридолог», создана Международная ассоциация иридологов.

С большим удовлетворением хочется сказать, что метод привился и в социалистических странах — Болгарии и Чехословакии. В ЧССР, например, создали иридотронную лабораторию, где данные о больных обрабатываются на ЭВМ. В Болгарии этой проблемой уже около 70 лет занимается П. Димков («Огонек» писал о нем, см. № 21 за 1979 г.— Ред.).

К сожалению, у нас в стране иридодиагностикой занимаются не более шести-семи человек. Хотя и это уже можно считать прогрессом — ведь в 1969 году эти работы мы начинали вдвоем.

За одиннадцать лет накоплен большой материал — более пяти тысяч наблюдений, установлены научные контакты с зарубежными исследователями, заключен договор о совместных работах с чехословацкими учеными.

Итак, иридодиагностика. Что это такое и каково ее научное объяснение?

Вы замечали, что глаза у детей чистые и ясные? А по мере старения человека радужная оболочка глаз становится тусклой, иногда грязноватой, многоцветной, с отчетливыми пигментными пятнами. У людей, которые никогда ничем не болели, их нет.

Исследования показали, что причиной появления этих пятен служат болезненные процессы в организме. Каким же образом они отпечатываются в глазах?

Прежде всего надо понять, что такое радужка. Долгое время бытовало мнение, что это довольно простое приспособление для расширения и сужения зрачка. И только. Но последние исследования показывают, что радужка так же сложна, как и кора головного мозга. Она состоит из пяти слоев и содержит тысячи рецепторов, своего рода световоспринимающих приборов, которые передают раздражения в мозг, а оттуда уже во внутренние органы. Эти рецепторы являются посредниками между внешней световой средой и внутренней системой тела и одновременно светозащитной преградой.

Безразлично ли организму, какого цвета у нас глаза? Оказывается, нет. Цвет глаз — это не просто каприз природы, он объясняется физиологическими особенностями радужной оболочки. В зависимости от ее окраски организм по-разному реагирует на свет. У голубоглазых поглощение света радужкой намного больше, чем у кареглазых.

Недавно американцам в результате очень тонкого эксперимента удалось установить, что один и тот же источник света вызывает у светлоглазых людей в коре головного мозга гораздо более сильный активизирующий эффект, чем у темноглазых. И что даже характер сновидений, их длительность, экспансивность в какой-то степени зависят от цвета глаз.

В нашей лаборатории мы провели исследования на восприимчивость к свету нескольких сот жителей Москвы. Непереносимость к свету во много раз чаще отмечалась у светлоглазых. Они имеют более тонкую радужку и меньшую силу сужения зрачков, а это не может не влиять на интенсивность биоэнергетических процессов в головном мозге и во всем организме. Думаем, именно этим можно объяснить, что при прочих равных условиях центральная нервная система у людей с голубыми глазами в большей степени подвержена световым раздражениям.

Вы никогда не задумывались, почему у жителей северных стран в подавляющем большинстве светлые глаза, а у южан — карие или черные? И почему светлоглазые прибалты лучше себя чувствуют в пасмурно-прохладной части Европы, а кареглазые жители Кавказа и Средней Азии — при ярком южном солнце? Здесь очень важную роль играет цвет глаз. Темные глаза — это прекрасная защита от яркого света. А светозащитные способности у голубоглазых людей сравнительно невелики. Вот почему у них в периоды активной деятельности солнца чаще наблюдается усиление нервной возбудимости.

Теперь мы понимаем, что радужная оболочка глаза — это часть центральной нервной системы и что она может быть идеальным показателем болезненных процессов в организме. Когда к одному из органов подкрадывается болезнь, от него начинают идти импульсы в «свою» зону радужки. Она возбуждается и теряет окраску — появляется (причем задолго до возникновения клинических признаков заболевания) точечное просветление или светлое пятно именно в том месте радужки, которое соответствует больному органу. А надо заметить, что каждый орган имеет свою строго определенную зону на радужной оболочке.

Когда болезнь становится хронической, пятно на радужке постепенно темнеет. Такая пигментация несет защитную функцию: темное пятно не пропускает свет к участку мозга, ответственному за больной орган, — свет теперь может служить лишь вредным раздражителем. Таким образом, организм мудро, экономно регулирует поступление света к тем или иным участкам тела.

Иридодиагностика хороша не только тем, что с ее помощью можно определить местоположение очага поражения и то, насколько запущена болезнь, «засечь» ее на самой ранней стадии. Заглянув в глаза человека, мы видим весь его телесный внутренний мир, какие органы у него крепкие, какие могут заболеть, какие болели раньше. Мы видим взаимоотношения отдельных органов между собой, например, желудка и мозга, кишечника и печени. Ни один другой, самый совершенный метод диагностики такой цельной картины дать не в состоянии.

Конечно, нерешенных проблем еще очень и очень много. Необходимы тщательные и более широкие исследования, проверки, уточнения. Сейчас мы установили тесные деловые связи с инженерами: развитие метода требует современного электронного оснащения.

У иридодиагностики может быть большое будущее. Представьте себе, что в нашем распоряжении есть телевизионный автоматизированный комплекс (а создать его не так уж и трудно) для наблюдения за радужкой глаза человека на значительном расстоянии от врача. Тогда мы получим возможность наблюдать за изменением здоровья, за мельчайшими сдвигами в организме космонавтов, подводников, летчиков, полярников.

А возьмите такую непростую проблему, как массовая диагностика заболеваний. С помощью автоматических иридотронных приборов мы сможем в очень короткие сроки обследовать огромные количества людей и выявить заболевания на ранней их стадии. Если проводить такие обследования систематически, положим, раз в год фотографировать радужки глаз, то это позволит избежать очень многих «неожиданностей» в организме.

А насколько иридодиагностика может упростить прохождение различных медицинских комиссий и диспансеризаций!

Говоря о будущем, мы не можем не думать о возможности **лечения** болезней путем воздействия световых или иных лучей на пораженные зоны радужной оболочки глаза. А почему бы и нет, хотя сегодня это кажется фантастикой. В самом деле, если пигментные пятна в радужке образуются под действием импульсов от больного органа, то, по всей вероятности, возможно и обратное воздействие — света на те участки мозга, которые отвечают за работу больного органа.

Если наша идея окажется верной, можно будет говорить о принципиально новом методе лечения болезней. Но до этого, конечно, далеко. Пока наши работы по иридодиагностике находятся в стадии изучения, уточнения, и говорить о ее выходе в практику преждевременно.

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент
«Огонька»

ЖЕРТВЫ «СПЕЦИФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ»

Виднейшие британские сионисты заинтересованы в Израиле прежде всего с ярко выраженных классовых позиций, исходя из своих материальных интересов. И, в частности, хотя бы потому, что вложения английских монополистов в израильскую экономику все растут — ведь в Израиле зарубежным капиталистам предоставляют значительные льготы.

Видно, этим в значительной степени и объясняется то, что английские сионисты, подобно многим их западноевропейским единомышленникам, безоговорочно приняли условие государственных руководителей Израиля и его «второго правительства» — «Сохнута»: как бы тяжело ни приходилось беглецам из государства Израиль, не протягивать им руку помощи. Используя свое влияние на административные органы, еврейская буржуазия практически лишила бывших израильских подданных малейшей возможности найти приют на Британских островах.

Впрочем, строго выборочно некоторые беженцы из сионистского «рая» удостаиваются такой чести. Их долго мытарят, проверяют, обрабатывают, а затем чаще всего предлагают им поселиться в Лидсе. Причем чаще всего заранее указывают даже определенный район этого города — Чеплтаун.

Почему же именно Лидс? Почему только Чеплтаун? Потому, очевидно, что там в давние времена гнездилось еврейское гетто, а сейчас живут многие пакистанцы. Какое удобство для расистов из «национального фронта»: в Чеплтауне они единым махом смогут одновременно укреплять обе краеугольные основы своей идейной платформы — преследовать и цветных и евреев!

Впрочем, израильский беженец может очутиться и не в Лидсе. Но только лишь в том случае, если он и его семья беспрекословно готовы соответствовать определенным кондициям. Бесчеловечность этих кондиций испытал на своем горбу Яков Цанцер, на чью долю выпало два бегства с семьей из Израиля.

В австрийском городе Земмеринге, где Яков Семенович с женой и двумя детьми оказался без крова и работы, его заприметил «добрый человек из Лондона». Цанцер рассказал мне о своем неожиданном благодетеле уже в Бельгии, где он тоже мыкался на полулегальном положении — бельгийские сионисты службу знают не хуже английских. Итак, слово Цанцеру:

— Этот человек сказал мне: «У вас безвыходное положение. Ради детей пристанище вам даст только высокогуманная страна. Поезжайте в Англию. Повторяю, ради ваших детей вас там примут очень хорошо. Вот вам карточка с адресом и телефоном...»

Карточка сейчас передо мной. Судя по ней, отзывчивый лондонец проявил внимание к попавшей в беду семье исключительно по долгу службы — он представляет лондонскую организацию под названием «Комитет спасения и возвращения евреев». После адреса и телефона на карточке значатся обнадеживающие слова: «С наилучшими пожеланиями от секретаря».

Наилучшие пожелания коснулись прежде всего детей Цанцера: пусть одиннадцатилетний Фима и девятилетний Саша поступят в «ешибот» — религиозное училище, готовящее служителей культа.

— Мы с женой пришли в ужас,— вспоминает Яков Семенович.— Но другого выхода у нас не было. Издерганная болезнью жена умоляла меня и рыдавших мальчиков согласиться: несколько месяцев перетерпим, а только станем на ноги — заберем сыновей и скроемся в другом городе. Я скрепя сердце согласился...

Но в самый последний момент лондонские благодетели с негодованием отвернулись от Цанцера. Подумать только, он посмел привезти в «ешибот» сыновей, не познавших в младенчестве ритуала обрезания. Мало того, он бесповоротно отказался подвергнуть мальчиков этой мучительной операции даже теперь, когда их обучение могло стать для родителей единственной гарантией пребывания в Англии.

Цанцер готов был пойти на любую, пусть не постоянную, пусть низкооплачиваемую работу. Жена соглашалась работать вместе с мужем без всякой платы. Но «комитет спасения» недвусмысленно дал понять супругам Цанцер: они представляют для комитета интерес только как родители учащихся религиозного училища.

Что делать? Семье, лишенной права проживать в Англии, угрожал голод.

Нашелся, однако, еще один «добрый» человек из Лондона. Он посоветовал Цанцеру бить челом владельцу магазина автопринадлежностей мистеру Кушко. Почтенный торговец оказался махровым украинским националистом из бандеровских сподвижников. Представ перед справедливым судом сей бандит, ныне обладающий всеми правами английского подданного, ему пришлось бы держать ответ за множество кровавых злодеяний, в том числе и за содействие гитлеровским оккупантам в расправе с еврейским населением на территории Украины.

Представьте себе, в Лондоне перестроившийся матерый погромщик готов был пригреть людей ненавистной его нацистским хозяевам национальности. Но и у него тоже были свои «наилучшие пожелания» Цанцеру. Кушко пожелал превратить Якова Семеновича в международного агента оуновцев среди евреев — бывших граждан социалистических стран. Причем клятвенно заверил Цанцера, что в глазах местных сионистов это совершенно его не уронит. «У нас есть контакты»,— успокоительно заметил он. И, поверьте, не преувеличивал.

Цанцер отверг предложение мистера Кушко. Взбешенный бандеровец тут же сбросил с себя маску «друга евреев» и поговорил с Цанцером так, как привык разговаривать с евреями на оккупированных гитлеровцами землях. Полноправный подданный Великобритании дал понять бесправному беженцу, что чем раньше он уберется из высокогуманной страны, тем меньше неприятностей изведает его семья.

Но куда ехать? Ведь тот, кто бежал из Израиля, может уехать из Англии только в... Израиль. И Цанцеру не оставалось ничего иного, как использовать эту горестную, но единственную возможность. На собственном опыте он понял, что «комитет спасения и возвращения» помнит только о второй своей функции — охотно возвращать беженцев в Израиль.

О своих злоключениях на английской земле Яков Семенович рассказал мне, повторяю, в Бельгии, то есть уже после вторичного побега из Израиля.

ЗА ВЫСОКОЙ ОГРАДОЙ ХАРМОНДСУОРТА

И все же обстоятельства его отъезда из Англии не сравнимы с теми, какие пришлось выдержать Габриэлю Пинесу. После первой размолвки с «комитетом спасения» семья Пинеса сразу же очутилась в Хармондсуорте, специальном центре для задержанных при лондонском аэропорте Хитроу. Мне доводилось не раз бывать в этом огромном, комфортабельном аэропорту, и я никак не мог предположить, что в каких-нибудь четырех километрах существует подобие концлагеря, выглядящее в описании журналиста Олега Васильева так:

«Хармондсуорт — несколько одноэтажных, мрачного вида строений за высоким забором из металлической сетки. По верху тянутся ряды колючей проволоки. У ворот охранники в униформе. Именно здесь и томятся люди с темной кожей, неугодные белой Англии. Ведь, как правило, процедура задержания применяется лишь к «цветным».

Иногда это правило нарушается. Вместе со смуглокожим «сефардом» Пинесом в Хармондсуорте томились молодые супруги — потомки переехавших в свое время в Израиль еврейских семей из Болгарии. Но и с ними, имевшими визу английского консула в Кипре, хармондсуортские охранники обращались ничуть не лучше, нежели с Пинесом.

Убедившись, что лондонские сионисты окончательно отвернулись от его семьи, сотрудники центра для задержанных стали открыто оскорблять человеческое достоинство Пинеса. Угрожали лишить родительских прав на дочурку, показавшуюся охранникам подозрительно белокожей. Уверяли жену Пинеса в своем праве отдать девочку таким воспитателям, в чьих руках она окончательно забудет свою национальность.

В кабину израильского самолета добровольные провожающие втолкнули семью Пинес, когда несчастные беженцы находились в полуобморочном состоянии. А напутственная речь была сдобрена не только хулиганскими насмешками над смуглым цветом кожи, но и эпитетами антисемитского порядка.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9—11.

Случай с Пинесом не исключение.

В Лондоне известна печальная история заточения в Хармондсуорт целой группы бежавших из Израиля недавних иммигрантов, на сей раз — не смуглокожих.

— Как вы решились прилететь в Лондон? — сурово спросили их.— Сидели бы в Вене.

— В Вене столько израильских беженцев, что австрийцы нас начинают ненавидеть. К счастью, мы прочитали в газетах, как решительно и во всеуслышание выступают в Лондоне за права евреев,— последовал бодрый ответ.— Дайте нам распаковать наши чемоданы, и мы покажем вам десятки вырезок из ваших же газет! Позвоните в любую сионистскую организацию Лондона, и вы услышите, что нас примут в Англии с распростертыми объятиями!

Позвонили. Тут же прибыл в аэропорт представитель филиала «Сохнута» в Англии и Ирландии, возглавляемого С. Левенбергом. Но объятий не распростер. Сохнутовец угрюмо разъяснил «нежелательным иностранцам», что в Лондоне и без них вполне достаточно безработных евреев. Исключение может быть допущено только для тех, кто способен сделать солидные капиталовложения в надежное дело. Таковых среди прибывших беженцев не оказалось.

Так и не распаковав чемоданы, они после четырехдневного пребывания за хармондсуортской оградой покинули страну, где столь рьяно пекутся о правах евреев.

А в прессе многих стран, включая Израиль, появились явно инспирированные английскими сионистами заметки о «специфических условиях», из-за которых-де в Англии каждого еврейского иммигранта ждет от ворот поворот.

Впрочем, редким «счастливчикам» из бывших израильтян удается остаться в Англии. На птичьих правах второсортных граждан. Даже не граждан, а просто жителей. Вот типичный случай.

Покинувшему Израиль биологу Т. уже несколько лет не выдают никакого документа, но зато заставляют ежегодно обращаться с просьбой продлить разрешение на временное проживание в Англии. И каждый раз может последовать отказ со ссылкой на растущую в стране безработицу. Девятнадцать месяцев биолог вынужден был работать без всякой заработной платы, чтобы добиться разрешения на временную работу по специальности. А израильский документ его жены — во избежание бесцельных разговоров — украсили штемпелем, запрещающим ей работать в Англии в течение пяти лет.

Знают ли это сионисты?

Знают и одобряют: с теми, кто бежал из «страны отцов», иначе нельзя!

НЕ ТАК, КАК ИМ ХОТЕЛОСЬ БЫ

А как с переездом британских евреев в Израиль?

Ведь каждая из огромного числа действующих в стране сионистских организаций ратует в какой-то степени за переселение евреев из Англии в «страну отцов». Именно в какой-то степени — столь обтекаемой формулировкой я пользуюсь сознательно, ибо английские сионисты иронически и скептически относятся к лозунгу о том, что место каждого еврея — в Израиле. Они трезво понимают, что бесцельно агитировать за переезд торговцев, предпринимателей, сравнительно удачливых дельцов.

Один отвечает им тирадой о священной обязанности коммерсанта развивать принадлежащее ему торговое дело и оставить его наследникам в цветущем состоянии. Другой начинает небезосновательно доказывать, что, проживая в Англии, он реально более полезен государству, которым управляют сионисты. Третий с достоинством напоминает, что резервуаром, из которого нужно черпать людские ресурсы для будущего еврейского государства, еще Герцль, Жаботинский и другие основатели сионизма считали не западные страны, а только лишь восточноевропейские.

Иногда те, кого особенно настойчиво уговаривают переселиться в Израиль, отбиваются от сионистских агитаторов более оригинальными доводами. К примеру, обанкротившийся в Бирмингеме владелец обувного магазина.

Решив использовать выгодный момент, местные сионисты насели на разорившегося торговца и стали ему доказывать, что переезд в Израиль — лучший для него выход. И услышали в ответ: «Если бы в свое время умные сионисты основали еврейское государство на территории Маньчжурии, я бы сейчас, может быть, и переехал туда. А выбрали Палестину — пусть сами там и живут!»

— Что за нелепица! — не удержался я от восклицания, услышав о таком высказывании обнищавшего бирмингемского торговца.— Я знаю, в свое время в клане Ротшильдов основательно подумывали, а не выбрать ли для еврейского государства территорию Уганды. Нетерпеливый Герцль поспешил даже заключить соглашение с английским министерством колоний насчет Уганды. Но Маньчжурия? С таким же успехом ваш бирмингемец мог назвать Бермудские острова!

— Нет, не с таким же,— разъяснили мне.

Перед второй мировой войной кучка реакционных политических деятелей и финансовых магнатов Японии предложила руководителям американских сионистов организовать «историческую родину отцов» в Маньчжурии. Ведь тогда Япония держала под оккупантской пятой Северо-Восточный Китай и считала, что может распоряжаться этой территорией по своему усмотрению. Американские сионисты вели переговоры с японскими представителями по поводу их предложения. Те доказывали, что проектируемое сионизмом государство сумеет «цивилизовать» Маньчжурию. А в душе надеялись превратить это государство в дальневосточный форпост против Советского Союза.

Таким образом, бирмингемец при всей своей оригинальности совсем не из пальца высосал упоминание Маньчжурии.

Однако большинство английских евреев, даже бедняки и безработные, решительно отказываясь от переезда в Израиль, приводят более веские и понятные доводы, подобные тем, какие можно услышать и от евреев во всем мире: «Мы родились в Англии, наши дети свои первые слова произнесли по-английски, наши отцы во время войны были в рядах английской армии. Мы британские граждане не только по документам, но и по убеждениям. Сегодня мы без работы, без средств, но в конце концов и для нас в родной стране должна же найтись работа».

Мне показали письмо жителя Лидса, приказчика текстильного магазина. На него особенно долго и методично наседала одна из местных сионистских организаций. Ему доказывали, что ради будущего своих детей он обязан переселиться на «историческую родину». В своем письме, адресованном этой организации, приказчик подробно объясняет, почему не хочет становиться гражданином Израиля.

Меня поразила такая фраза: «Пока я жив, мои дети не станут колонистами». Колонисты? Почему вдруг еврей из Лидса воспользовался этим термином? Но потом я узнал, что в лексиконе сионистов — и не только английских — все больше и больше возрождается это слово, которое, как известно, означает прежде всего заселение какой-либо страны или края путем покорения, подчас истребления местного населения. Все чаще и чаще появляется это слово и на страницах сионистской печати, особенно когда заходит речь о том, чтобы поскорее заселить израильтянами новые поселения на оккупированных арабских землях.

И все же в Израиле ждут переселенцев из Англии. А если никто из английских евреев не переедет на «родину отцов», руководители международного и израильского сионизма будут невысокого мнения о работе сионистских организаций Великобритании.

Я поинтересовался у Моше Девиса:

— Сколько человек за год переселяется из Англии в Израиль?

Грустно усмехнувшись, Девис ответил:

— Меньше, чем нам хотелось бы.— И, виновато взглянув на свою жену, добавил: — Гораздо меньше.

— А кто уезжает? Интеллигенция? Служащие?

— Прежде всего безработные. Как только они заявляют о своем решении переехать, их, конечно же, материально стимулируют. Уезжают и разорившиеся мелкие торговцы. Многие из них не выдерживают конкуренции с цветными.

— Так ведь цветной не уходит, жадюга, из своей лавочки до поздней ночи,— вмешивается в разговор жена Девиса.— Все ждет, а вдруг придут поздние покупатели. И таки приходят! Ясно, что из-за этого еврей-торговец теряет покупателей, он ведь как настоящий англичанин торгует только до пяти-шести вечера.

— Уезжают иногда и мелкие служащие,— продолжает Девис.— Надеются, что их повзрослевшие дети найдут в Израиле работу.

— Некоторые переезжают и по идейным соображениям,— бросив гневный взгляд на мужа, снова вмешивается в разговор миссис Девис.— Я могу назвать таких. Сколько угодно! — Не называет, однако, ни одного.

Но я вскоре познакомился в Лондоне с молодым человеком, который действительно уехал в Израиль по идейным соображениям. Встретил его в семье, куда пришел с уже знакомым нашим читателям Томасом.

БЫВШИЙ КИБУЦНИК И ЕГО ЖЕНА

Ему 24 года. Когда лет пять тому назад, распропагандированный сионистскими агитаторами, он заявил, что переселяется в Израиль, молодежные организации британских сионистов засыпали его подарками, а некоторые меценаты вручили даже денежные чеки. Почти четыре года работал парень в кибуце близ Галилеи. Неожиданно познакомился с молодой туристкой, дочерью состоятельного американца. Женился. И сейчас приехал в Лондон представить молодую жену отцу и матери. Чтобы показать им, как говорится, товар лицом, молодые поселились не у них — американка в состоянии оплатить и проживание в отеле.

Приехав в Лондон, кибуцник сразу же начал усиленно готовиться к поступлению в университет.

— Я и в Израиле мог получить высшее образование за счет кибуца,— уверял меня парень,— но...

Пока он подбирал слова, фразу закончила его жена:

— Но никогда в жизни уже не вырвался бы из кибуца. И вообще, жизнь в кибуце, как я заметила,— это беспрерывная цепь самоограничений.

— А в Лондон меня отпустили совсем по-хорошему,— заметил муж.

— Ты же дал слово вернуться,— уточнила жена.

— И вернетесь? — спросил я.

Парень загадочно улыбнулся и сказал, что если по состоянию здоровья не сможет вернуться в кибуц, то пошлет туда медицинское свидетельство солидного врачебного консилиума.

— А почему, собственно говоря, вы обязаны оправдываться перед кибуцниками? Разве вы их должник?

— Нет, нет, я погасил все долги,— оживился парень.— До последней лиры! Но если я в Израиле буду назван антипатриотом, сионисты в Лондоне устроят мне, как изменнику, «сладкую жизнь»... Что-то я чересчур с вами разоткровенничался!

В разговор снова вмешивается жена будущего студента:

— Так и быть, скажу кое-что из того, о чем недоговаривает мой муж. Молодые кибуцники считаются самыми дисциплинированными среди израильской молодежи. Но и они, я слышала, спрашивают тех, кому доверяют: «А почему Израиль должен быть обязательно стопроцентно сионистским? Почему мы должны обособляться от всего, чем живет весь мир? Ведь наше слепое подчинение фанатичному сионизму отталкивает от нас очень многих».

Молодой муж, явно занервничав, роняет:

— Обособленность, обособленность...— И обращается ко мне: — Если советские люди действительно не обособлены от всего, что творится в мире, сформулируйте мне, пожалуйста, такой взгляд на жизнь... Сможете?

— Могу вам ответить стихами. Всего только

двустишием замечательного советского поэта Эдуардаса Межелайтиса, литовца: «Где бы в человека ни стреляли, пули — все! — мне в сердце попадали».

Отец парня перевел молодым слова поэта и от себя добавил:

— Правильно, ничье горе не может быть чужим для честного человека.

Строки Межелайтиса, видно, достучались до сердец молодоженов. И молодая после паузы сказала мне:

— Знаете, что особенно мешает моему мужу жить в нынешнем Израиле? Безграничная власть иудаистов. Их в стране, мне кажется, не так уж много, но остальные обязаны смотреть им в рот. Я знаю страны, где много католиков, протестантов, но разве можно сравнить их влияние на строй и порядки этих стран с властью раввинов в израильском обществе?

— Меньшинство командует большинством,— меланхолично заметил кибуцник.

Впрочем, не ошибусь, назвав его уже бывшим кибуцником...

Возвращаюсь к беседе с супругами Девис. Я спросил:

— А состоятельные английские евреи переезжают в Израиль?

На этот раз миссис Девис опередила мужа:

— Случается, но редко.

Но опять не привела ни одного примера.

Я же могу рассказать читателю об одном из таких редких случаев.

Имя обладателя баронского титула и, главное, солидного капитала Кагана, основателя и заправилы британской текстильной фирмы «Ганнекс», фигурирует в английской справочной книге «Кто есть кто». Столь высокое положение не остановило, однако, Кагана от самой низкой мошеннической операции ценой в 6 миллионов фунтов стерлингов. Знатным мошенником заинтересовалась уголовная полиция. Тогда барон основательно призадумался над тем, кто есть кто, и вспомнил, что лично он по происхождению еврей. Следовательно, с распростертыми объятиями будет встречен на его «исторической родине».

У Кагана были реальные основания рассчитывать на теплый прием. Он знал, что вот уже несколько лет в Израиле благоденствует и делает карьеру известный французский аферист Флатто-Шарон, неоднократно представавший во Франции перед уголовным судом по обвинению в мошенничестве. Перед очередным приговором этот крупномасштабный спекулянт бежал в Израиль, где, скупив голоса избирателей, стал... депутатом кнессета.

Вероятно, по этому же «с п и с к у» намерен делать в Израиле карьеру и английский титулованный жулик Каган. Но для этого ему, как и Флатто-Шарону, придется раскошелиться и некую толику из своих немалых капиталов «уступить» сионистским правителям Израиля.

В Англии Кагана поминают в таких неблаговидных тонах, что в сионистской среде предпочитают не называть его имени, когда речь заходит о поистине редких случаях переезда в Израиль состоятельных британских евреев. Чаще всего, впрочем, они не переезжают туда, а укрываются там.

ВРАЖДА СИЛЬНЕЕ БРИДЖА

Чтобы как-то продемонстрировать свою активную помощь эмиграции еврейской бедноты из Англии в Израиль, сионистская федерация Великобритании приняла на себя патронат — «моральный и материальный» — над заселением новыми иммигрантами города Кармиэля.

Этот так называемый «развивающийся» город создается, нелишне подчеркнуть, в сердце Галилеи, на арабской территории, где особенную активность, зачастую идущую даже вразрез с правительственными решениями, проявляет «Ихуд габоним» — наиболее фанатичное крыло реакционного бегинского блока партии «Ликуд».

Английские сионисты организовали в Кармиэле специальное консультативное бюро по вопросам абсорбции, специальную биржу труда, контору по жилищному планированию применительно к английской практике и несколько других учреждений. Под особый контроль взята деятельность местного филиала квартиростроительной компании «Шикуд овдим», уличенной в надувательстве новоприбывших. Сам генерал Узи Наркис, шеф управления по переселению при «Сохнуте», приветствовал почин сионистской федерации Великобритании и заверил ее, что в Кармиэле налицо особо протекционистские условия для новых иммигрантов из Англии.

Налицо — всё, кроме... иммигрантов. Не едут английские евреи в Израиль. Мало того, за короткий срок Кармиэль покинули четыре семьи выходцев из Англии, которые уже именовались «ватиками» — старожилами.

Не пополняется новыми волонтерами и так называемый английский кибуц «Кфар Ганаси», основанный в 1948 году на развалинах арабской деревни Мансура. В Израиле старательно подчеркивают, что этот кибуц был основан на базе военно-оборонительного укрепления выходцами из Англии и пополняется исключительно таковыми же.

И то и другое, мягко говоря, преувеличено. «Кфар Ганаси» основали не английские евреи, а беженцы из оккупированных гитлеровцами стран, бежавшие в Англию, но не нашедшие на английской земле работы и крова. Хотя этому кибуцу основательно протежируют, утечка людей не прекращается. Бегут из «Кфар Ганаси» преимущественно юноши и девушки накануне призыва в армию.

Восполнить убыль руководители кибуца тщатся с помощью английских сионистов и поставленной на широкую ногу рекламы. Сионисты сулят еврейской бедноте в Англии солидные подъемные, а реклама всячески подчеркивает «строго английский образец жизни» в «Кфар Ганаси». Заканчивается перечень привилегий возможностью... играть в бридж.

Однако и перспектива бриджа за карточным столом не привлекает английских евреев в Израиль, не клюют они на велеречивые призывы Гершона Эпштейна и других руководителей кибуца люксовой категории. И налицо, как прозаически выражаются бухгалтерские работники, пассивный баланс: утечка кибуцников из «Кфар Ганаси» не перекрывается весьма скудным пополнением.

Какие же средства могут оказаться действительнее бриджа? Чем привлечь еврейскую бедноту Великобритании в Израиль? Над этой проблемой ломают голову английские сионисты.

Пытаются играть на религиозных чувствах некоторых малоимущих тружеников. Да, коекого привлекает в Израиле главенствующее положение фанатичных приверженцев иудаистских догм, привлекает диктат клерикализма. Но таких евреев не так уж много, и затем даже репутация верующих не всегда избавляет от материально-бытовой неустроенности. Им, наконец, приходится считаться с детьми, не всегда разделяющими религиозные убеждения родителей и отказывающимися переезжать в государство, где правят сионисты.

Словом, привлечь в Израиль нечем. Остается одно — завлечь. Тут уж в ход идет материальное стимулирование и одновременно увольнение с работы, используются посулы привилегированного положения в Израиле в сочетании с отказом предоставить жилище в Англии.

И все же, как ни изощряются сионисты, самым испытанным катализатором эмиграции из Англии в Израиль остается атмосфера недоброжелательства к «обыкновенным» евреям, иными словами — проявления антисемитизма. И поскольку, как мы знаем, вожакам британских сионистских организаций, думающим прежде всего о своих классовых интересах, невыгодно выступать против таких проявлений, антисемитизм стали ощущать и те, на чью судьбу он непосредственно не влияет.

Не потому ли на симпозиуме в королевском географическом обществе профессор из Кембриджа Эдмунд Лич недвусмысленно констатировал: «Антисемитизм существует в Англии повсюду!»

Казалось бы, такое заявление должно было бы прежде всего всполошить английских сионистов. Этого, однако, не произошло. Видимо, в их стане возобладала точка зрения, высказанная мистером Старром из «Бен-Циона», когда на собрании прозвучала тревога по поводу заявления профессора Лича.

— Ну разве можно всерьез принимать высказывания Эдмонда Лича на общественные темы? — успокоил собравшихся благодушно настроенный Старр.— Разве Лич политик? Нет, всего-навсего ученый, кажется, биолог. Говорят, довольно известный, но все-таки только лишь биолог. Какие же у него основания, какое право давать политические оценки!

Ничего не скажешь, убедительнейший довод. Если и стать на точку зрения господина из «Бен-Циона», то у Фредерика Жолио-Кюри не было никаких прав призывать человечество к борьбе за мир. Грубейшую ошибку совершили, получается, прогрессивные деятели всех стран мира, избрав выдающегося ученого Кюри председателем Всемирного Совета Мира. И, конечно, еще охотней подошел бы международный сионизм с меркой Сторра к личности гениального ученого Альберта Эйнштейна. Разве можно, дескать, относиться всерьез к его категорическому отказу от поста первого президента государства Израиль? Возможно, известный советский ученый Ландау небезосновательно назвал Эйнштейна величайшим физиком всех времен. Но даже это не давало, дескать, Эйнштейну права критиковать расистскую идеологию сионизма такими, например, высказываниями:

«Когда я слышу о людях, утверждающих превосходство одной расы над другой, мне кажется, что кора головного мозга не участвует в жизни этих людей».

Вероятно, какому-нибудь чванливому политическому пигмею из Тель-Авива, твердо уверенному в своем расовом превосходстве над обездоленным палестинцем, такие слова гениального ученого — нож острый. Не удивляйтесь поэтому, что в Израиле, пока еще подвластном сионизму, всемерно подчеркивается им же придуманная отрешенность Альберта Эйнштейна от общественных проблем, от политической жизни, от общечеловеческих интересов.

Выдумка, ложь, скверно сочиненный миф! Не мог отрешиться от общества, от политики, от социальных коллизий человек, убежденно сказавший:

«Интернационализм, как я его понимаю, включает в себя разумные отношения между странами, взаимопонимание и сотрудничество, без вмешательства во внутреннюю сторону жизни каждой страны...»

Эти слова великого ученого ненавистны не одним только сионистам, они ненавистны антикоммунистам и антисоветчикам всех мастей.

Британские сионисты, конечно, лицемерно возмущаются, когда их обоснованно обвиняют в непротивлении злу, в преступном равнодушии к приметам антисемитизма в деятельности так называемого «национального фронта». Руководители «Джуиш кроникл», например, в таких случаях с пеной на губах советуют порыться в их подшивке и убедиться в том, что газета периодически «касается» антиеврейских акций.

Что ж, если уж чересчур основательно порыться в подшивке ведущей сионистской газеты, то можно наткнуться на редкие и строго дозированные выступления на эту тему. Такая странная сдержанность свойственна не только «Джуиш кроникл», но и всем без исключения крупным и крохотным сионистским органам, всему британскому сионизму в целом.

Как тут не вспомнить разящие слова прогрессивного швейцарского драматурга Макса Фриша о внутренней сопричастности обывателей нейтральных стран злодеяниям фашизма в пору второй мировой войны: «Шесть дней они работали на победу Гитлера, а один день молились за его поражение». Британские сионисты пошли еще дальше: шесть дней недели своим «нейтралитетом» поощряют пронацистскую деятельность молодчиков из «национального фронта», а на седьмой день разглагольствуют... нет, не о профашистской пропаганде этих молодчиков, а о «традиционной» вражде к евреям «всех остальных» народов мира.

Глобальная клевета, столь ходкая в исследованиях современных сионистских историков!

Но и она не может предотвратить провал громогласных сионистских призывов к «возвращению на историческую родину» евреев из всех стран мира.

Продолжение следует.

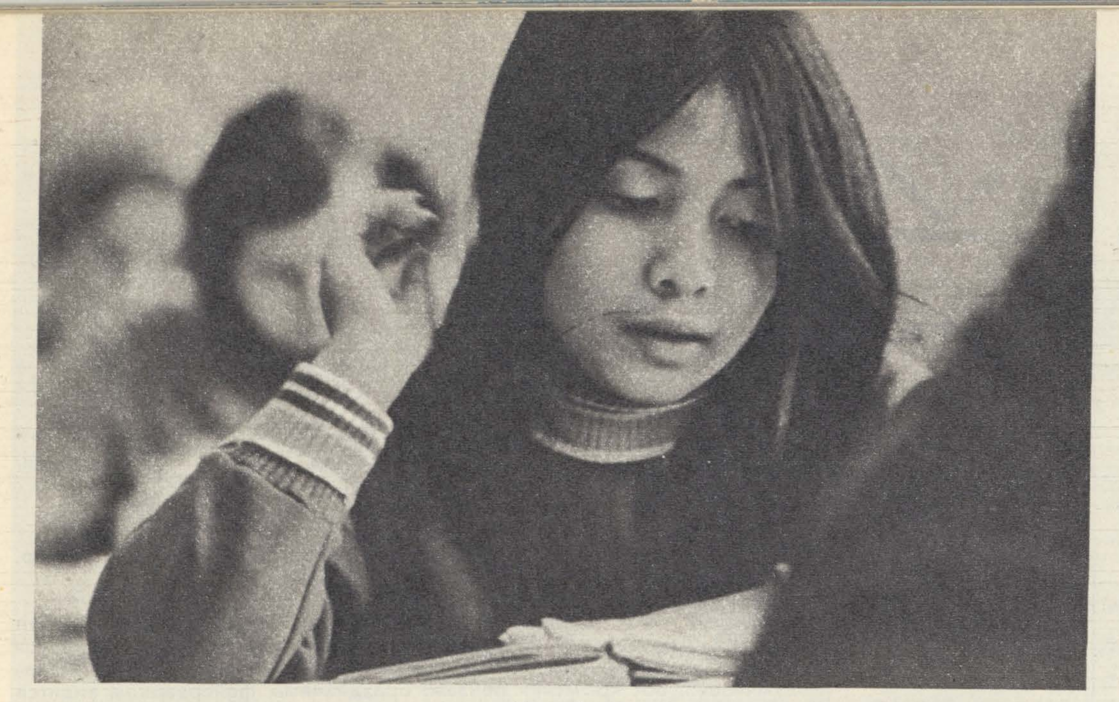
Новое здание библиотеки.

КНИГИ В НОВЫХ

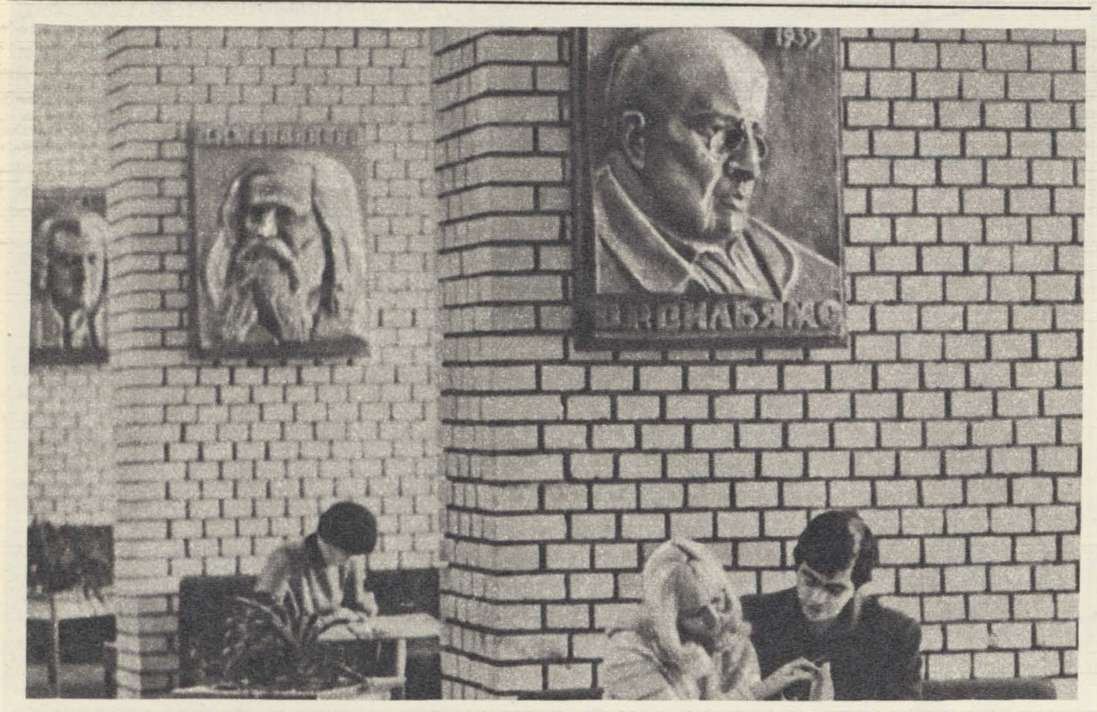
«Сердце» любой библиотеки — книгохранилище.

Б. СМИРНОВ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА

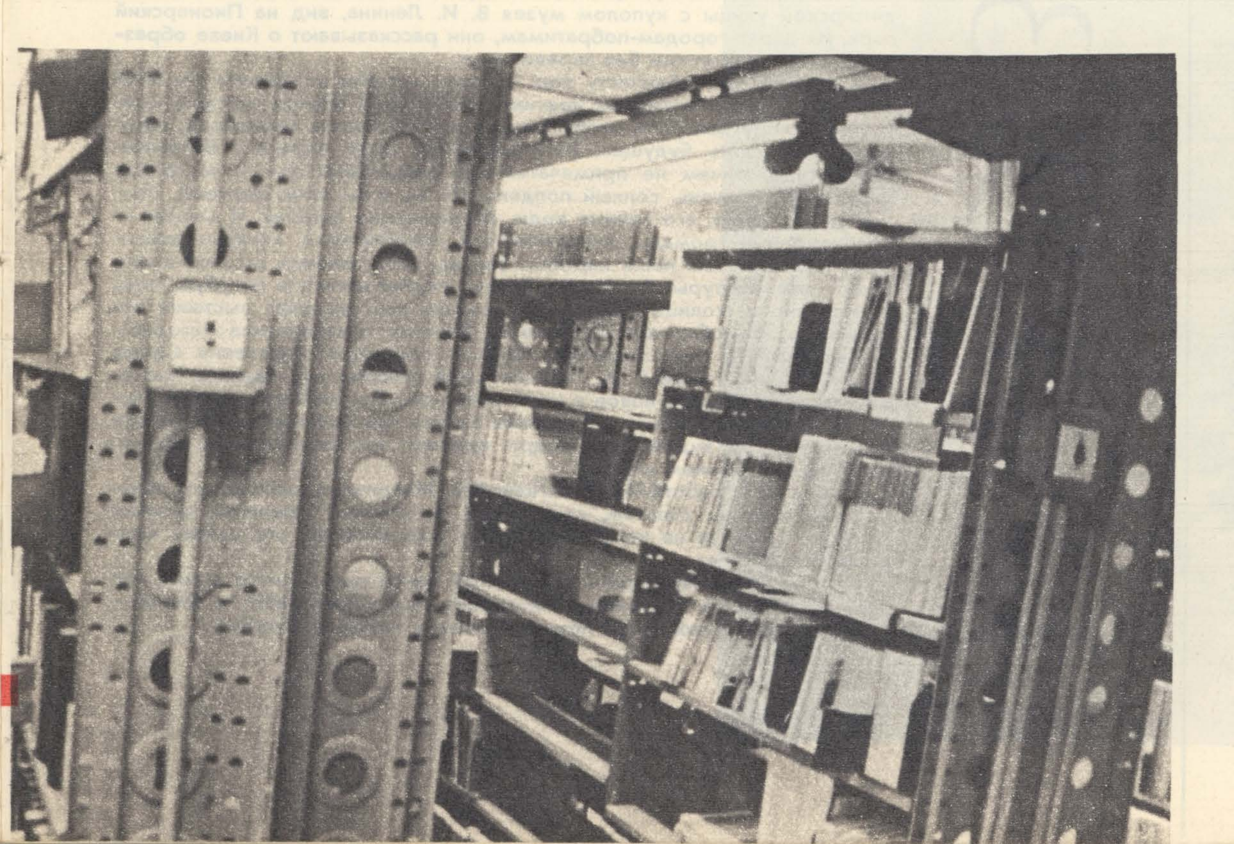

Данг Тхи Тхань Ха из Вьетнама хочет стать агрономом

Заниматься можно и в просторных, светлых холлах.

СТЕНАХ

Казалось бы, не такое уж важное событие — переезд библиотеки в новое помещение. И мы, отправляясь в известный всей Москве своей тишиной, парковыми аллеями и необычной для города сетью опытных полей район Тимирязевки, не ожидали, честно говоря, особых открытий: ну, увидим новые стены, расскажем об истории, сделаем один-другой фотоснимок—и достаточно.

Новые стены... Наверное, сами по себе они не заслуживали бы особого внимания, если бы можно было отделить их от истории, вошедшей в эти стены, как, скажем, картина входит в новую раму. Здесь главное, чтобы рама оказалась достойна картины... А история одного из старейших в стране книгохранилищ научной литературы — библиотеки сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева — началась всего на три года позже знаменитой Румянцевской (ныне Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина). Это было в 1865 году. Еще не состоялось открытие Тимирязевки (тогда она называлась Петровской земледельческой и лесной академией), а многие видные ученые тех лет, крупнейшие библиотеки вроде Петербургской академической и Петербургской императорской в виде пожертвования уже передавали часть своих книг новому научному центру в Москве. И сельскохозяйственная библиотека родилась весьма крупным «младенцем» — в фонде ее было 2200 томов. Потом библиотека стала именоваться фундаментальной, разрослись ее международные контакты, ее прославили имена многих занимавшихся здесь, в академической «альма-матер», научных светил. Все отразилось в библиотечных хрониках — и расцвет русской научной мысли, и послереволюционный подъем, и даже война, когда книги пережили эвакуацию... Впрочем, не стоит пересказывать историю библиотеки — ей уже посвящены объемистые труды, хранящиеся здесь же, в ее фондах.

И настало время, когда стены стали тесны. В самом прямом смысле слова — библиотека заняла весь первый этаж главного корпуса академии, заполнила подвалы. Сбивались с ног библиотекари среди переполненных стеллажей, с надеждой смотрели студенты и слушатели, выстаивая очередь за книгой, на растущий у Лиственничной аллеи розовый кирпичный корпус. И вот — новоселье...

Мы не ставим своей целью говорить только о работе коллектива 4-й мастерской института «Гипровуз», создавшего интересный, современный, красивый проект, и о строителях, сдавших объект лишь с незначительными недоделками. В Москве появилась новая достопримечательность — библиотека, поражающая не своими размерами, не величавостью каменных скульптур или какими-то уникальными, особенно ценными изданиями, а своей приближенностью к читателю. Все здесь рационально, продуманно. Все — от накопленных многими десятилетиями книг до сегодняшних электронных приспособлений — должно равно служить и студенту, и прибывшему сюда сельскому агроному, и профессору.

— Я побывала во многих библиотеках страны. Такой, как наша, не встречала! — сказала директор библиотеки Римма Константиновна Владимирова.— Со дня открытия прошло несколько недель, а к нам уже приезжают на экскурсии специалисты. Посмотришь в отзывы — только и видишь слова: «восхищен», «завидую»...

Центром здания служит пятиярусное книгохранилище; оно — как ствол дерева, вокруг которого по периметру расположились «отростки» — читальные залы, фойе, служебные помещения. При такой планировке читатель, в какое бы помещение он ни зашел, все время ходит «вокруг книги» — иначе говоря, не удаляется от книгохранилища более чем на несколько шагов. И библиотекарю легче — между этажами хранилища предусмотрен конвейер непрерывного действия с автоматической выгрузкой книг, работает горизонтальный конвейер, тележки которого подвозят стопки томов от стеллажей к кафедре выдачи книг.

— Эти изогнутые трубы, подходящие к столу библиотекаря,— пневмопочта,— рассказывает директор,— она в ближайшее время начнет работать и поможет быстро переправить заказ на книгу в нужный раздел хранилища. А эти электропровода — выводы к пульту электронной связи. В каждом из девяти читальных залов скоро появится информационное табло. Читатель пишет в свою заявку шифр книги, идет в зал — и через несколько минут световое табло сообщает, что книгу можно получить. Читателю не надо, как обычно бывает, по нескольку раз подходить к библиотекарю.

Еще одна новинка — видеомагнитофоны. Их, к сожалению, тоже пока не установили, а помощь от них занимающимся будет огромная— можно увидеть запись целой лекции, съемку опыта, просмотреть диапозитивы. В каждом зале будет телекамера, которая позволит дежурному видеть сразу все помещения и равномерно распределять поток читателей. Предусмотрена телетайпная связь с другими библиотеками, которая тоже пока что не налажена...

— Жаль, что все это не было готово к открытию...

— А ведь открытия — с торжественными речами, с перерезанием красной ленточки — у нас не было. Дело в том, что закрыть библиотеку академии даже на время переезда нельзя, как нельзя приостановить учебный процесс. И мы перевозили книги постепенно, по разделам, ни на день не прекращая работу сразу двух — старой и новой — библиотек. При такой системе неизбежно возникает определенная очередность в делах. Сейчас готовы все помещения, книжный фонд полностью переехал, а на очереди — вертикальный конвейер, монтаж очень сложного механизма которого вот-вот будет закончен. В процессе сборки — информационные табло, мы ждем специалистов, которые должны установить и подключить аппаратуру... Я еще раз повторю, что такой насыщенной современной техникой библиотеки, пожалуй, нигде больше в нашей стране не найдешь. Все эти новинки помогут использовать книжный фонд библиотеки с максимальной эффективностью, а в фонде у нас сейчас около миллиона восьмисот тысяч изданий. Вот пример: раньше в библиотеке было двести мест для читателей, но порой часть их пустовала. Сейчас 1100 мест — и часто все заняты. Книга стала доступнее...

В залах тишина, хотя заняты почти все места за столами — если рядом пройдет группа в несколько десятков людей, звук шагов будет поглощен синтетическими коврами на полу, шумопоглощающей облицовкой потолка. Залов много, но, кажется, нет и двух одинаковых: дело не только в различной их планировке, но и в цвете стен, ковров, мебели.

— Это справочный отдел... Это кабинет политического просвещения. Это зал для студентов... Аспирантский зал,— продолжает рассказ Римма Константиновна.— А здесь работают преподаватели, профессора. Правда, есть жалобы — многим ученым не нравятся современные, слишком изящные, по их мнению, столики. И мы предполагаем оборудовать один зал «под старину» — расставить массивную мебель, соответственно оформить. Здесь будет раздел редкой книги—ведь у нас есть ценнейшие издания шестнадцатого века, есть сочинения Авиценны, арифметика Магницкого, книги Ломоносова, два тома редчайшего словаря Уэбстера... Скоро будет оборудована наша переплетно-реставрационная лаборатория, лаборатория микрофильмирования — и старинные книги обретут, как это говорят, новую жизнь.

ПОЭЗИЯ КРАСОК

С. КАЛИНИЧЕВ

Художник Василий Дмитриевич Чегодар, когда беседа зашла об искусстве, сказал:

— По-моему, главное в живописи — цвет!

Древней и бесконечно доброй смотрит наша земля с полотен Василия Дмитриевича. И краски в его руках послушно передают состояние природы — то веселое и торжественное, то ироничное, то задумчивое... Вот крымский пейзаж: праздничным фейерверком видится солнце. Дорога, горы, крыши домов — все, что обласкано яркими лучами, расцвело.

В мастерской художника я увидал несколько работ на одну тему: крымские виноградники. Но они не были похожи друг на друга, не повторяли настроение. Живописец передал в них и упорный труд виноградарей, и мощную, жаждущую пролиться соком спелость, и грусть расставания с горячим летом... Глядя на эти полотна, я еще раз убеждался, что есть мысли и чувства, которые невозможно изложить словами, наиболее полно они выражаются языком музыки, жестов, языком красок.

Художник много ездит по стране — от Камчатки до Балтики. Страсть к путешествиям, пожалуй, единственное, что осталось у него от беспризорного детства, когда колесил по стране на крышах вагонов с ватагой таких же мальчишек, не задерживаясь больше двух-трех недель в детских домах Ленинграда, Перми, Красноярска, Архангельска. Только любовь к рисованию, краскам остановила это бесконечное бегство, заставила пойти в художественное училище, а потом и в институт.

Живописца часто можно встретить в Белгородке под Киевом. Много веков назад сюда, в известный Белгород на Ирпене, наезжали княгиня Ольга и князь Игорь. Здесь гряда крутых и высоких холмов резко обрывается, и открывается вид, будто с птичьего полета: вширь и вдаль, сколько охватит глаз.

Он много раз писал пейзажи древнерусской долины с разных точек, в разное время. И в дымке раннего утра, в жарком мареве летнего дня, в осенние туманы. В этих полотнах чувствуешь пытливый взгляд современника, который пытается проникнуть в глубь столетий. И понимаешь, что полуденное марево, размытые очертания дальних сел и речных берегов передают нечто большее, чем просто красивый пейзаж, что это — представление художника о вечности природы, бытия. И неожиданно в нашем воображении происходит как бы превращение холмов, круч, и начинает видеться средь них высокое крыльцо древних княжеских хором.

Главная тема В. Д. Чегодара, которой он посвятил многие годы творчества,— это Киев. Его пейзажи украинской столицы, готовящейся отметить свое 1500-летие,— всегда с мыслью о будущем, с доброй памятью о прошлом.

С лучшими картинами киевских музеев объездила полсвета и экспонировалась во многих городах его работа, показывающая уголок Печерска с приднепровским парком и зданием Верховного Совета республики.

Вот уже много лет на любой республиканской выставке экспонируются произведения В. Д. Чегодара из киевского цикла. Это может быть изображение Крещатика, площади Ленинского комсомола, Владимирской улицы с куполом музея В. И. Ленина, вид на Пионерский парк. Их дарят городам-побратимам, они рассказывают о Киеве образным языком, понятным без переводчика.

Характерная особенность этих полотен — поиск исторического лица города, отказ от случайных красивостей. Причем штрихи истории нужны живописцу для того, чтобы полнее и ярче понять настоящее, логически домыслить будущее. Вот, например, тихая улочка у Ботанического сада. Ничем не примечательный мещанский домик постройки начала века. Зелень, сонный полдень. Но за всем этим широкий, полноводный Днепр, его вечные воды, блуждающие острова. И дальше — белокаменные громады многоэтажного Левобережья, которые заполняют всю верхнюю часть картины. Взгляд, разогнавшись по этой шири, видит уже контуры будущего Киева, поднявшегося в голубую синь.

Недавно в столице Украины состоялась персональная выставка интересного, самобытного художника Василия Дмитриевича Чегодара.

Выступая на ее открытии, первый секретарь правления Союза украинских писателей П. А. Загребельный говорил, что картины мастера помогают увидеть новое в уже известном. Его пейзажи многое рассказывают нам не только об уголках Крыма или Киевщины, но прежде всего о самом художнике, щедро одаряют нас оптимизмом, ярким, красочным видением мира.

Есть у него работа — цветок каштана. Живописец написал его сильно увеличенным, строгим, подчеркнув не столько нежность, сколько величие. Взглянув на эту работу, сразу вспоминаешь, что цветки каштана — герб Киева.

Работы В. Д. Чегодара — постоянный поиск прекрасного в том, что окружает нас. А постоянно пополняющаяся серия работ о Киеве — своеобразная живописная поэма о матери городов русских.

В. Чегодар. Род. 1918. СТАРЫЙ КИЕВ.

РАННЯЯ ВЕСНА.

В. Чегодар. ВЕСНА В ЦВЕТУ.

НАТЮРМОРТ.

«Подождем «Елену»!» — спрашивал «Огонек» в заголовке публикации («Огонек» № 25, 1979 г.), начавшей разговор об очках, о линзах и оправах. Не будем пересказывать репортаж, напомним лишь, что «Елена» — название современной, очень неплохой оправы.

К. БАРЫКИН

«ЕЛЕНА» ОПАЗДЫВАЕТ... СВИДАНИЕ СОСТОИТСЯ?

— Подождем! — согласились тогда терпеливые читатели.— Что остается делать?..

Но так было сначала. А сейчас в редакцию идут письма, в них все чаще встречается вопрос: «Свидание состоится?» Ведь опаздывает не только «Елена», но и другие оправы для очков...

Непосредственным поводом для сегодняшней публикации послужило письмо Госстандарта СССР. Начальник управления приборостроения И. А. Алмазов согласен (цитируем) «с оценкой состояния вопроса обеспечения населения очками, данной в репортаже «Подождем «Елену»?», и разделяет мнение, что «проблема увеличения объемов выпуска очков не должна заслонять вопросов технического уровня и качества их изготовления». Это заключение, как явствует из письма тов. Алмазова, основано на значительной работе, проведенной Госстандартом. Было проверено соблюдение стандартов и технических условий на 123 предприятиях 20 министерств, участвующих в изготовлении, хранении, ремонте и проектировании очков, а также комплектующих изделий и материалов для них. К сожалению, подтвердилось, что «уровень ряда отечественных очков остается низким по эстетическим и комфортным требованиям, и прежде всего по форме, качеству изготовления (обработки) и ограниченной расцветке оправ»...

Расцветка оправ зависит от поставляемого другим ведомством материала, но первые-то две позиции — форма оправ и качество их изготовления — полностью на совести предприятий Минмедпрома. Это надо подчеркнуть...

Впрочем, дочитаем письмо Госстандарта СССР. Оно отмечает, что до сей поры нет производства оправ с линзами бифокально-астигматическими, с линзами диаметром более 60 миллиметров и других типов, «получившими за рубежом большое распространение». Тов. Алмазов говорит далее о том, что и ремонт очков оставляет желать лучшего.

Определив все это, Госстандарт поступил в меру отпущенных ему возможностей: в частности, к некоторым предприятиям, выпускавшим изделия низкого качества, применены экономические санкции. Но вряд ли можно представить случай, когда санкции, даже архисердитые, архистрогие, заменили бы очки!

...По результатам проверки принято соответствующее постановление, проведены мероприятия, направленные на повышение потребительских достоинств очков. В ряду намеченных мер — ограничение 1979 годом срока действия нормативно-технических документов (ГОСТ, ОСТ, ТУ), применение которых не обеспечивает выпуск очков высокого качества. В письме из Госстандарта сообщается о том, что Минздравом СССР и Минмедпромом завершаются работы по пересмотру стандартов на очки и основные комплектующие изделия — линзы и оправы; в новых ГОСТах устанавливаются требования на уровне моделей ведущих зарубежных фирм. Предусмотрено изготовление линз диаметром до 72 миллиметров. Территориальным органам Госстандарта дано указание об усилении надзора за качеством изделий очковой оптики.

Что ж, наступил 1980 год. Раз есть новый ГОСТ, есть право и на более высокий уровень требовательности к изготовителям линз и очков.

Мне пока неизвестно, где новый, как всегда, четкий и к тому же заботливый ГОСТ уже нашел полное применение. Неизвестно потому, что в ответах Минмедпрома об этом, по сути, мало что говорится, а предприятия не участвуют в нашем разговоре. Упорно отмалчиваются, словно уйдя в глухую защиту, руководители Изюмского оптико-механического завода, о продукции которого сказано немало нелестных слов, никем не опровергнутых, а только все более подтверждаемых (значит, справедливы эти упреки). Может, на предприятии и в харьковских областных организациях просто не заметили выступлений «Огонька»? Но если завод не отозвался на репортаж, то с Министерством медицинской промышленности (министр — А. К. Мельниченко) редакция состоит в активной переписке. И сейчас передо мной письмо заместителя министра В. А. Дворяковского.

Хочу заметить, что письма Минмедпрома — обстоятельные, аргументированные документы. Но в них обходятся некоторые частные, конкретные вопросы, что, в общем-то, объяснимо: не может министерство перечислять поименно, скажем, все и всякие оправы, не может рассказывать об их судьбе. Тов. Дворяковский в восьми пунктах ответа говорит о проделанной работе, о том, что на неастигматические, наиболее массовые линзы заявка в этом году будет удовлетворена полностью. «Выпуск очковых оправ в 1979 году составил 19,5 млн. шт., что на 19 процентов больше, чем в 1975 году». (Ах, это убаюкивающее слово «больше»!)

Заместитель министра сообщает, что сейчас на заводах Минмедпрома выпускаются оправы 72 моделей, из них 25 разработаны и внедрены за последние три года. Но уже из следующих строк видно, что объем производства именно этих, самых нужных, модных, удобных оправ составил немногим более пятой части всего объема.

Конечно, винить в выпуске откровенно плохих оправ только Минмедпром неверно. Свою недобрую лепту в это непочетное дело внесли станкостроители, поставщики металла и пластмасс, строители заводов, которым по плану уже пора бы давать отличные линзы и оправы, а они находятся пока в состоянии далеко не активного возведения стен или монтажа неритмично поставляемого оборудования... Критиковать можно и нужно многих, но в первую очередь (позвольте соблюдать очередность!) все же Министерство медицинской промышленности, которое, будучи главным в этом вопросе, и отвечать должно по той же, главной мерке. И, поименно называя виновников очкового дефицита, следует, видимо, начать с фамилий министра тов. Мельниченко, заместителя министра тов. Дворяковского, начальника объединения «Союзмединструмент» тов. Логачева.

Именно им надлежит разобраться: а все ли сделано самим министерством и его предприятиями? Но, скажем тут же, те, кто срывает поставки оборудования, кто медленно строит предприятия, кто дает непригодное для хорошей оправы сырье— увы, они не перевелись, хотя, как сообщает редакции начальник объединения «Союзпластпереработка» Ю. А. Поливанов, ныне Министерством химической промышленности для изготовления очковых оправ поставляется листовой этрол производства луцкого завода. «Этот материал аттестован на государственный Знак качества».

Далее тов. Поливанов пишет: «В соответствии с действующими техническими условиями в 1979 году заводом освоено производство 39 рецептур окраски гранулированного этрола, которые удовлетворяют требованиям Минмедпрома. Однако в процессе переработки этрольного листа в очковые оправы возникли дополнительные требования к его качеству».

...После того, как Минмедпром предъявил обоснованные претензии к торговле очками, на страницах журнала было сделано предложение о создании нескольких фирменных (самого Минмедпрома.— К. Б.) магазинов «Очки». Пусть, говорилось в журнале, они станут образцом, своим появлением подчеркнув несовременность и отсталость существующих магазинов «Оптика»! Однако этого не случится. Едва такая рекомендация прозвучала со страниц журнала, промышленность прекратила критиковать торговлю. И в полученном от тов. Дворяковского письме уже говорится не о неумелой торговле, а о том, что, напротив, «Минздрав СССР постоянно совершенствует систему обеспечения населения очками, расширяет сеть магазинов». Наша хата с краю? Уверен, так в Минмедпроме не думают. Но все же хлопоты взять на себя не решились. И «не поняли» предложение журнала, не поняли, что речь шла не о подмене существующей практики, а о дополнении ее, о поисках вариантов. Известно ведь, что фирменные магазины промышленности хорошо себя зарекомендовали. Почему бы и Минмедпрому не испытать эту форму? «Делать этого мы не будем!» — таков лейтмотив еще одного письма, полностью посвященного аргументации отказа от фирменных магазинов, полными хозяевами которых был бы сам Минмедпром, в которых он мог бы изучать спрос, советоваться с заказчиками-покупателями. В которых он, Минмедпром, выслушивал бы все пожелания и претензии,— они идут сейчас в это министерство чаще не прямо, а окольно, уже сглаженными. Основные претензии заказчики адресуют аптеке, не зная, что она, аптека, может предложить покупателям только то, что получит все от того же Минмедпрома.

...Хотелось бы дать слово читателям журнала. Потому что они внесли заметный вклад в разработку проблемы «очки — оправы — линзы», обогатив разговор меткими наблюдениями, конкретными фактами, искренним стремлением к тому, чтобы проблема была наконец решена. «Раз и навсегда!» — как пишет В. Петров из Симферополя. Письмо из Ленинграда от врача А. Ганшер: «Для выписывания очков мы получили специальные бланки-рецепты... Но ведь это насмешка! Достать очковую оправу совсем не просто... Отсутствие очков или ношение неправильных очков ухудшает не только зрение человека, но и его общее самочувствие, снижает трудоспособность».

Это письмо было в числе тех, что мы передали в Минмедпром. «Проблемы, поднятые в вашем письме,—отвечает автору Ю. Г. Логачев,— представляются весьма важными и актуальными». Не скрывая недостатков, руководитель «Союзмединструмента» рассказывает читателю «Огонька» об имеющихся трудностях, об уже сделанном. Но все же, как мне кажется, в читательском письме тревога и забота о сложившемся положении заметна более, чем в ответе из объединения. И подумалось: не в том ли беда, что излишне спокойно (неэмоционально, что ли?) реагируют на нынешнее состояние дел некоторые ответственные товарищи? На первый взгляд все правильно: вопросы ставятся и рассматриваются, вроде бы не обходится их острота, пишутся письма и посылаются телеграммы...

Иногда получается (как сообщает еще один наш ленинградский читатель, приславший вырезку из газеты), что с дефицитом мирно соседствуют излишки: «На складе производственно-торгового объединения «Оптика» хранится в качестве неликвидов 700 тысяч линз».

Читатель активно, бескомпромиссно, заинтересованно обсуждал проблему очков, их качества, разнообразия и элегантности оправ. Редакция благодарит читателей. Ставя точку под этим материалом, мы хотим отметить, что это еще не завершающая точка над «i». Тема, начатая репортажем «Подождем «Елену»?», остается в редакционном плане — таково пожелание читателей.

ОТ РЕДАКЦИИ: Через полгода корреспондент журнала снова пройдет по адресам, уже названным (а также неназванным) в наших публикациях, и расскажет на журнальных страницах о том, что сделано.

ПЕРВООТКРЫВАТ

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Если геолог открыл хотя бы одно настоящее месторождение, он уже прожил жизнь не зря. У депутата Верховного Совета РСФСР, Героя Социалистического Труда академика Николая Алексеевича Шило, председателя Дальневосточного научного центра, восемь таких открытий, каждое из которых дает человеку право носить это высокое звание — «первооткрыватель».

Бурхала, Дебин, Ветвистый, Штурмовой, Укразия, Джелгала, Спокойный, Ат-Юрах... Каждое название — яркая страница в истории золотой Колымы. И на каждой крупными буквами можно было бы написать имя академика Шило.

Грузовой пароход «Джурма» медленно входил в бухту Нагаево. Была середина лета, но на голых сопках пятнами лежал снег. И все казалось таинственно-странным, даже настораживающим. Так сорок три года назад молодой выпускник Ленинградского горного института Николай Шило прибыл в столицу Колымского края, маленький деревянный поселок Магадан. Он собирался направиться дальше в глубь края. Искать золото, искать нужные стране металлы, искать свой путь в науку.

Десять лет прожил он в таежных поселках. Те годы даже сейчас не встают в памяти быстротечным мгновением — они были и остались для него самыми долгими и трудными. И потому, наверное, особенно дорогими. Именно тогда сделал он свое первое открытие.

...Догорал день над долиной реки Хатынгнах. Глухо шумели лиственницы. Монотонно кричала, устраиваясь на ночлег, кедровка. Проба за пробой, день за днем. Мельтешил до боли в глазах галечник. Совсем окоченели пальцы: ручей недаром звался Ледяным.

Но что это? На дне лотка вдруг тускло замерцали крупицы золота... К нему уже бежали начальник поисковой партии, рабочие-промывальщики...

Есть у геологов принцип: можно всегда объяснить, почему в данном месте есть месторождение, и гораздо труднее — почему нет. Было это на ручье Петер. Много лет ходили там геологи, и он тоже ходил, но все безрезультатно. Однако объяснения этому не находил. И потому упорствовал: здесь в завуалированной террасе должна оказаться россыпь. И он нашел ее!

Первая научная публикация молодого специалиста наделала много шума. Никому не известный исследователь предложил новый способ определения запасов полезных ископаемых на открытых месторождениях. Из работы Шило следовало, что применявшийся и широко распространенный тогда метод измерения объема породы был неверным. А это приводило к ошибкам в определении содержания в породе полезных ископаемых. Шило предложил свой метод, и вскоре стало ясно, что он рентабелен. Пришлось пересчитывать запасы уже открытых месторождений. Вот куда привела первая публикация.

Вторая статья Шило в том же журнале «Колыма» снова гулко прозвучала в золотопромышленном крае. Речь уже шла о проходке шурфов на взрыв при поисках россыпей.

Казалось, такое блистательное начало научной карьеры неминуемо предполагает столь же бурное ее продолжение и развитие.

Однако кандидатскую диссертацию Шило защищает лишь через девять лет после своего стремительного вступления в науку: он считал, что страна нуждается в металле неизмеримо острее, чем он в ученой степени.

«Есть наслажденье в бездорожных чащах» — эту строку горячо любимого им Байрона Николай Алексеевич не выписывал, не относил к себе. Просто жизнь и работа его разворачивались по иной эмоциональной партитуре. Много раз тайга пыталась одолеть его пургой, стужей, болотной топью. Она ломала ему руки, сбрасывала с понесшей лошади лицом на камни, заставляла сутки брести по грудь в снегу — могло ли это приносить романтическое наслаждение? Он стал понимать это как свое личное счастье много позже. Тогда же была просто работа. Чрезвычайно нужная его стране.

Шли годы. Шило стал известным на Колыме, признанным знатоком россыпных месторождений.

В 1948 году в Магадане начал работать Всесоюзный НИИ золота и редких металлов. Из Москвы был вызван и назначен директором института Герой Социалистического Труда профессор С. П. Александров. По прибытии он вызвал Николая Шило в Магадан и предложил стать своим заместителем. Это было неожиданно для геолога — странно, ведь они даже не были лично знакомы. «Зато с вами знакома вся золотопромышленная Колыма»,— улыбнулся профессор.

Отведенное для института здание не имело тогда крыши. Пустыми глазницами окон смотрело оно на отступающую к сопкам тайгу. И что удивительно: именно здесь, на этом самом месте, десять лет назад Шило разбивал палатку, когда впервые прибыл в Магадан.

Наступал новый этап жизни ученого.

Сон долго не шел к нему в ту первую ночь на новом месте. Потом, когда чуть задремал, вдруг что-то резко сжалось, дрогнуло в нем, и он открыл глаза. Прислушался. Тут же встал и подошел к окну. Так и есть — шторм! Сразу вспомнил про аппаратуру и приборы, заночевавшие под открытым небом.

Он мчался по коридору, стуча во все двери. Поднял на ноги всех, кто жил в гостинице. Бегом — в институт, стали вносить приборы в укрытие. К счастью, нашелся брезент.

Так начиналась жизнь заместителя директора.

Институт быстро обрастал научными кадрами, и, конечно, это были специалисты, выросшие не в тиши кабинетов. Их лабораторией была тайга, прииски. В институте устанавливались закономерности пространственного размещения россыпей золота и олова, изучалось строение месторождений, условия их формирования. Особое внимание уделялось вечной мерзлоте, которая в здешних условиях играет подчас решающую роль при разведке, добыче и строительстве.

Впоследствии Шило станет крупным специалистом и в мерзлотоведении. Им будет предложена оригинальная теория роста ледяных жил — главных действующих лиц в ледяном подземном царстве. На этой теории его ученики сумеют объяснить происхождение термокарстовых озер, коими испещрена вся Чукотка. Они предложат спускать воду из этих озер, а на обнажившемся дне, невероятно богатом органическими веществами, на промерзлой земле Чукотки люди станут собирать богатейшие урожаи кормовых трав.

На этой теории роста ледяных жил уже в конце семидесятых ученики и последователи Николая Алексеевича, взяв на вооружение современный математический аппарат и вычислительную технику, создадут поразительный метод поиска россыпных месторождений: геологи смогут видеть клады земли сквозь двадцатиметровую толщу грунта.

Сейчас на специальных установках исследователи научились воссоздавать естественные геологические условия и процессы, причем сильно спрессованные во времени. Ученые получили прекрасную возможность чуть ли не воочию наблюдать условия образования минералов, полезных ископаемых.

Академик Шило понимал важность этого метода еще тридцать лет назад. Не было тогда еще самого слова «моделирование», как не было и специальных установок. Но было предвидение ученого. И худо ли бедно, а естественные геологические условия воссоздавались в обогатительных аппаратах.

Началось заседание Ученого совета Всесоюзного НИИ золота и редких металлов. Рассматривался вопрос о неудовлетворительных результатах полупромышленного эксперимента по осветлению технологических вод оловоизвлекательных фабрик. Научный сотрудник института Е. С. Мокрушина, проводившая эксперимент на Омсукчанской обогатительной фабрике, обоснованно и обстоятельно доложила о том, почему и как стравливаемые воды уходили в реку загрязненными.

Выслушали, поняли, согласились. А мысль в голове у каждого витала простая: «Колыма-то вон какая большая, и ей эти сбросы — что слону дробинка».

Да, согласились все. Кроме Шило, ставшего к тому времени уже директором института.

— Это мы сегодня плохо понимаем, что такое чистота природы. Лет через десять поймем все. А если не поймем, то через двадцать лет понимать будет уже поздно,— сказал он.

Тогда же, двадцать пять лет назад, на Северо-Востоке происходили события, хотя и не всякому заметные, зато тяжелые и грозившие стать масштабными. Волею некоторых организаций были подготовлены материалы на сворачивание там горнодобывающей промышленности. Идея росла, обретала пусть не убедительность, но силу. Началась борьба, недолгая, но трудная. И в первых рядах защитников своего края, его будущего встал Шило.

Он организовал в Магадане Всесоюзное совещание по развитию производительных сил Северо-Востока. Привлек видных ученых, экономистов, руководителей министерств, партийных органов. Доклад его на совещании был настолько обстоятелен, точен и убедителен, что вопрос о дальнейшей судьбе экономики Северо-Востока был фактически предрешен. Вскоре после этого приняли решение об организации Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института — СВКНИИ. Директором его был назначен Н. А. Шило.

И вновь оказался он перед началом «нулевого цикла». И вновь стал и прорабом, и экономистом, и архитектором, и кадровиком. И при этом оставался ученым. В первую очередь ученым.

Когда сейчас ходишь по помещениям института, забываешь, что это Магадан, где стройматериалы, дороги, машины, рабочие руки — все по иной оценочной шкале.

Вычислительный центр Северо-Восточного комплексного НИИ, по признанию президента Академии наук СССР Анатолия Петровича Александрова, на сегодня один из самых лучших на Дальнем Востоке.

— Много повоевать мне пришлось за ВЦ,— усмехается Николай Алексеевич.— И знаете, кто больше всех был против такого вычислительного центра? Геологи! Никак не могли они сначала понять, что геология непременно должна стать в ряд точных наук. Самым тесным образом сойтись с математикой.

ЕЛЬ

Как-то академика Шило спросили:

— От каких ошибок вы, опираясь на личный опыт, хотели бы предостеречь молодых людей?

— Смотря что подразумевать под ошибками,— последовал ответ.— На мой взгляд, ошибка в научной работе — это менее оптимальное из возможных решений. Предостеречь надо от упорствования в ошибке.

— А были у вас в жизни большие упущения, ошибки?

— Конечно,— отвечает Николай Алексеевич.— Есть и такие, о которых сожалею по сей день. Самая большая — что в свое время не довел уровень своих знаний математики и физики до того, который мне необходим. Ведь геология должна стать и уже становится точной наукой, а моих знаний математики не хватает. Я это чувствую, но время упущено. Ученики мои, геологи, такой ошибки уже не повторяют. Я в этом уверен.

Академик Шило всегда видел дальше многих других. Таким остался и сейчас. Ему рисовались новые рудники, комбинаты на Чукотке и Центральной Колыме, мощные электростанции. Причем там, где и нога человека не ступала. Он верит в край, которому посвятил жизнь.

В минувшем году завершено строительство нового корпуса — второй очереди вычислительного центра. За эти двадцать лет в Магадане появился Институт биологических проблем Севера, отделение Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии, филиал Хабаровского политехнического института. И у начал каждого из них стоял все он же — Николай Алексеевич Шило. Вот, казалось бы, ТИНРО — организация даже не академическая, а Министерства рыбного хозяйства, каким боком она относится к нему?

Дело было в начале шестидесятых, то есть в период, когда силы его собственного института ютились бог знает где и как. И вот к Николаю Алексеевичу пришла М. В. Грачева, которой поручили организовать в Магадане отделение ТИНРО. «Но беда у меня одна — нет помещения,— сказала она.— Никакого! Куда, в какие организации ни обращаюсь, всюду лишь сокрушаются и сочувствуют. Вы моя последняя надежда».

Разговор их был недолгим. Николай Алексеевич отдал Грачевой «взаймы» 150 квадратных метров и часть институтского жилого фонда. Что и говорить, не вызвало это массового энтузиазма в комплексном институте. Но понимали все до единого: это и есть государственный подход. В этом весь академик Шило.

Так с самых начал магаданского комплексного НИИ директор четко оконтурил профессионально-нравственную суть деятельности института: есть задачи и проблемы экономики Северо-Востока и всей страны, а не просто их института. Это стало заповедью.

И когда на далекой от Магадана Чукотке, на Иультинском горно-обогатительном комбинате срывался план из-за нечаянной «потери» рудного тела и требовалось разобраться, влезть в технологический процесс и быстро дать точные рекомендации, Николай Алексеевич немедленно командировывал на место группу своих лучших специалистов, хотя такая работа и не входила в хоздоговорную тему, а значит, неминуемо нарушала планы самого института.

А с созданием в Магадане филиала Хабаровского политехнического института ситуация произошла вообще неслыханная. Чтобы быстро и четко организовать дело, Николай Алексеевич обратился к президенту Академии наук М. В. Келдышу с просьбой разрешить ему ввести в своем институте штатную единицу заместителя директора по организации и строительству... филиала политеха. Келдыш поразился, рассмеялся, но все понял и поддержал. Однако вот что сначала показалось мне странным. Геологического, кровного, казалось бы, для академика Шило факультета в Магаданском филиале нет.

— Почему? — спрашиваю я Николая Алексеевича.

— Надо делать то, что прежде всего важнее,— отвечает он.— С геологическими кадрами у нас дело обстояло всегда лучше, чем с другими.

— И все же,— говорю,— есть мнение, что вы вообще «чужих» поддерживаете больше, чем «своих». Вот, например, директор Тихоокеанского института биоорганической химии Георгий Борисович Еляков не скрывает своего удивления тем, как быстро с вашим вступлением в должность президента Дальневосточного научного центра был решен вопрос со строительством института биоорганической химии.

— Ничего тут странного нет. Удивился я, когда разобрался, какие задачи и на каком уровне решает институт Елякова. Потому и поддержал их, потому и отстроили институт фактически за два года.

— Но ведь не только поэтому, Николай Алексеевич?

Он хитро улыбается:

— Ну, да ладно. Как бы вам это объяснить... Видите ли, я всегда боялся нанести нечаянный вред смежным и тем более «чужим» научным дисциплинам по причине своей, как бы это сказать, некомпетентности в «чужих» областях. А обладая определенной административной властью, можно легко испортить хорошее дело. Такие факты в нашем цехе, как говорится, имели место быть. Не правда ли?

Правда. Но не у академика Шило. У него удивительный дар видеть широко и масштабно, оценивать проблему во всем многообразии причин, породивших ее. И главное, видеть, что это может дать обществу. Именно это и определяет понятие «государственный подход».

А вот как отзывается о Николае Алексеевиче первый секретарь Приморского крайкома партии, член ЦК КПСС Виктор Павлович Ломакин. (А кто лучше него чувствует пульс напряженной жизни Дальнего Востока и вместе с тем кто более требователен к дальневосточной науке!)

— Николай Алексеевич все измеряет народным рублем,—сказал мне Виктор Павлович.— Вот вам пример. Некий институт обрисовал ему перспективу развития одного из направлений освоения биологических ресурсов океана. Все убедительно и даже красиво. Но Николай Алексеевич спрашивает: а каков ожидается экономический эффект? И услышав про шесть миллионов рублей в год, не колеблясь, отвечает: «Не пойдет! Если вы сумеете выйти на показатель в пять-шесть раз более высокий, то я соглашусь и скажу, что такая игра стоит свеч». Вот вам одно из проявлений правильного понимания политики партии.

Комплексную программу «Дальний Восток» создавали все шестнадцать институтов ДВНЦ. Изучение и использование ресурсов региона, развитие и размещение территориально - производственных комплексов, использование и воспроизведение биологических ресурсов океана, глобальные атмосферные процессы, экология и охрана окружающей среды — это направления работ институтов центра. Это забота и компетенция руководителя.

Нелегкая жизнь у дальневосточной науки. И по сей день не хватает еще рабочих площадей, оборудования, по существу, только начала создаваться современная опытно-конструкторская база, не решен вопрос с текучестью кадров.

А время не делает скидок. Академик Шило это понимает острее других. И не только по долгу службы. Сорок три года жизни отдал он Дальнему Востоку, никогда не отделяя научных интересов от гражданских. Не беря скидок у времени, он удивительно много успел сделать. Многое еще впереди. И пусть, как прежде, как всегда, после долгих трудов, поисков, сомнений будут ему во всем являться долгожданные золотые крупицы.

Академик Николай Алексеевич Шило.

Фото В. Кузнецова

В Вычислительном центре ДВНЦ.

Фото А. Гостева

Н. ХРАБРОВА

МАЛЕНЬКАЯ ЗВЕ

По каким бы делам ни ездила я в деревню, краем глаза все приглядывалась к сельским домам культуры и клубам. И все казалось мне, что они плохо работают. Почему? Чего недостает? Кто виноват?

И вот в конце осени прошлого года взяла я карту Псковской области, обнаружила Пустошку и поехала: село везде село, можно и на случай положиться. Зашла в сектор печати Псковского обкома партии к Игорю Ивановичу Железнову, сказала: еду в Пустошку, а намерения критические. Игорь Иванович посмотрел на меня с оттенком недоумения и вдруг улыбнулся:

— В Пустошку так в Пустошку! Точнее, в Пустошкинский район, да? Таким образом, сможете увидеть и работу районного Дома культуры и домов культуры и клубов на селе.

В дороге я начала терзаться: ну, зачем понадобилось мне ехать за критикой именно в Псковскую область, если я в ней души не чаю? И почему надо было выбрать Пустошкинский район — такой далекий уголок, что само название словно бы говорит о запустении... Будто нельзя было отправиться куда-нибудь в процветающие края, которые хвалиться-то хвалятся, а в сельских клубах, подчас даже и в нерасчетливо роскошных дворцах, — безнадежная скука?

Но уже проскочили мы Великие Луки... Добрая дорога вела в тишину лесов, добрый мир русской природы, мир маленьких деревенек с яркими домами, навевая размышления, что многого еще не хватает здешней деревне: удобрений, механизмов, грамотного землеустройства, а, может быть, больше всего — духовной культуры во всем ее многообразии.

И вот она, Пустошка, незатейливый, добродушный уют маленького городка недалеко от истоков реки Великой.

Вечером, когда высокие окна Дома культуры разметили улицу золотыми прямоугольниками, мы отправились туда вместе с заведующей отделом культуры райисполкома Марией Семеновной Зверевой и инструктором райкома партии Валентиной Марковной Пузыней. И вот на сцену вышел хор. Дирижер Людмила Андреевна Шевченко подняла руки, завладела тишиной. Потом подала знак, и хор запел. Запел... по-итальянски.

Тут я поняла, что Игорь Иванович справедливо подшутил над моей неосведомленностью. Но я не обиделась, напротив! У меня словно камень с плеч свалился. Удивление смешалось с радостью, и на душе стало тепло.

— Это старая итальянская песня «Слава женщинам прекрасным», — тем временем пояснила Валентина Марковна.

— А по-русски они будут петь? — спросила я.

Валентина Марковна засмеялась:

— Будут! И много.

— А... А по-итальянски кто их учил?

— Ну, конечно, Людмила Андреевна. Для нее и для преподавательницы музыкальной школы Татьяны Михайловны Корольковой музицирующие люди — величайшая радость. Они обе стараются вовлечь в мир музыки всех, от мала до велика. У нас много музыкальных людей!

— Валентина Марковна, но ведь музыкальная культура многих людей — долгая работа?..

— Знаете что? — сказала она. — Иногда журналисты задают удивительные вопросы, один ваш коллега спросил у меня, какой кпд культурной работы на селе. И вам, видно, хочется это узнать. Мы все вам и покажем.

ИСТОКИ

Теперь, оставшись наедине с листом бумаги, я связываю два здешних события. В далеком 1922 году молодой музыкант из Великих Лук Сергей Кайдан-Дешкин написал ныне уже всемирно известную песню «Взвейтесь кострами, синие ночи...», а неподалеку, в деревенской школе, мальчик Миша Никифоров вступил в пионеры. И дальше в жизни своей ни от чего он не остался в стороне, Михаил Никифорович Никифоров, — ни от комсомольских дел, ни от участия в коллективизации, ни от святой работы сельского учителя, ни от войны. Сначала был пулеметчиком, потом комиссаром партизанского отряда здесь же, в родных местах. И есть у него в характере одна особенность: не мыслит своей жизни без общественной работы.

Танцует школьница Ира Курчанова—член агитбригады районного ДК. Фото В. Сальмре

В Пустошку он приехал четверть века назад директором школы. В учительском коллективе обнаружил подлинную страсть к поиску духовных ценностей. Вера Гавриловна Логинова, преподавательница литературы, составляла литературную карту Псковской области; описание этой карты само по себе — целый журнальный очерк, поэтому напомню главное: на протяжении столетий здесь писались Псковские летописи, а с прошлого года сельцо Михайловское — обитель Пушкина — стало столицей русской поэзии. На карте Веры Гавриловны это, конечно, самые высокие вершины... Учитель Виктор Михайлович Русаков, тоже из здешних мест, работал над рукописью книги «Потомки А. С. Пушкина», теперь она вышла в свет, и без нее не мыслится наше пушкиноведение. Это только два примера. Но по таким именно примерам и равняются окружающие.

Словом, Михаил Никифорович почувствовал себя здесь так, будто в свой полк прибыл.

Жить учителям было интересно, работать трудно. В те годы их питомцы, окончив школу, безоглядно бросали родную деревню, на лето дачниками приезжали в родные места, на зиму заколачивали ставни или без особых сожалений продавали отцовские и дедовские избы на дрова.

А учителя создали в тогда еще стареньком пустошкинском Доме культуры литературный клуб. Позднее они назовут его «Свеча», в честь той свечи, что стоит в Михайловском на письменном столе в пушкинском кабинете. Михаил Никифорович стал писать сценарии литературных вечеров: для школьников, для взрослых, для выездов в сельские клубы.

Теперь остановимся на минутку... Разумеется, никто не собирается утверждать, что пустошкинские учителя только своими усилиями остановили миграцию молодежи из деревни в город. Для этого потребовалось многое. Были решения XXV съезда КПСС, постановление о Нечерноземной зоне, ряд Пленумов ЦК КПСС по сельскому хозяйству, — они изменили сельскую жизнь. Но учителя — они ведь первые посредники между государством и ребенком. Они делали то, что могли: заполняли деревенские вечера интересными делами. То есть занимались тем, что мы называем теперь «комплексным воспитанием».

Постоянно, в школе и вне школы, они учили ребят быть честными, любить родной край и родной дом, чувствовать родную литературу и помнить главное: твоя земля — это твоя земля. Хлеб, выращенный твоими руками, — неизмеримая ценность. Земля и хлеб не могут быть для человека чисто экономическими категориями. Если человек не только стремится получать от земли, а научается государственному чувству ответственности, земля и хлеб становятся понятиями моральными.

...И вот молодежь стала возвращаться в деревню. Окончив институты, приехали домой Мария Зверева, Валентина Пузыня, Валентина Гультяева... Истинно псковские характеры. Романтичность отлично уживается с юмором, мечтательность с ответственностью, ум с чувством прекрасного... Государство воспитало их коммунистами с высокой сознательностью, и больше двадцати лет они работают в Пустошке. Были сельскими учительницами, инспекторами РОНО, потом на разных участках идеологической и культурной работы в районном центре. Эту работу не подсчитаешь на арифмометре, да и радость отдачи приходит к ним не скоро. Но они знают: для того, чтобы человеку не было скучно самому с собой, нужно время, нужно стать культурным и интеллигентным. Между собой они дружны, но в дружбе взыскательны. Одна говорит о другой:

— Она необыкновенный человек, настоящий борец. Истину отстаивает с любыми для себя потерями, но широта ее духовных интересов захватывает всех, кто оказывается в поле зрения.

Пустошкинский клуб «Свеча» возглавляет Мария Семеновна Зверева. Собираются раз в месяц в библиотеке или в новом Доме культуры, светлом и теплом, с цветами на низких подоконниках. К встрече готовятся тщательно. При свечах читают новые стихи, делают доклады о новых книгах, по-новому

вспоминают старое, открывают неизвестное в известном. Но это лишь одна сторона деятельности «Свечи». А от другой широкими кругами идут по району литературные вечера, посвященные Пушкину, Мицкевичу, поэтам-декабристам, Некрасову, Салтыкову-Щедрину, Блоку, Шолохову, Василю Быкову, Белову, Шукшину, Абрамову, Распутину, Астафьеву... Творчество писателей, избранное «Свечой» для сельской аудитории, выстраивается в единую лучшую линию русской литературы — линию добра, совести, чистоты.

С литературными программами «Свеча» выезжает в колхозы и школы района, а в самой Пустошке собирает много слушателей, и дни эти для Пустошки как красные числа в календаре.

Ни один вечер не бывает повторением другого. Когда появился сборник стихов псковского журналиста и поэта «Костры и ветры», «Свеча» пригласила автора в гости. Встречу устроили в лесу, в излучине Великой. Поэт Виноградов стал читать свои стихи, а тут и ветер поднялся. В жизни было как в стихах, а в стихах — как в жизни.

Это встречи, когда под будничной привычностью проступает вдруг затаенная красота родного края и навсегда остается в душе.

ДРАГОЦЕННАЯ ЦЕПОЧКА

Успех и пример «Свечи» растревоживает людей: хочется уйти от штампов в работе, придумать своё. Валентина Марковна однажды решила устроить праздник для пионеров: их восемьсот в Пустошке, в двух школах. К празднику готовились отряды горнистов и барабанщиков. В Дом культуры промаршировали нарядные дружины, на сцене включился большой пионерский костер — без дыма, без искр, но с той романтикой, что дает людям обобщающее искусство театра. Этот символический костер заиграл на лицах ребят отсветами пламени всех костров революционных и партизанских лет. Дружины сели вокруг тесными рядами. И тогда к ним пришли партизаны, те, кто в 1943 году, в День Красной Армии, под боком у регулярных немецких частей устроил партизанский парад. В тот день в Доме культуры родился один из самых больших клубов, имя было дано ему «Костер», а гимном клуба стала песня-землячка «Взвейтесь кострами». В пионерском празднике клуба всегда участвуют родители, старшие и младшие братья и сестры — да вся Пустошка...

— Вот вчера бы вам приехать, — сказала Мария Семеновна, — вот и услышали бы, как Наташа Голикова рассказывала о Бетховене и как играла...

— Кто такая Наташа Голикова?

— Вообще-то ей всего тринадцать лет. Она учится в седьмом классе и еще в музыкальной школе. Здесь, в Доме культуры, ведет детский музыкальный клуб «Лира». Любит литературу, право. было бы совсем не то без Наташи...

— Я, конечно, клуб «Лира» веду, — рассудительно сказала Наташа, — но без Татьяны Михайловны Корольковой это было бы примитивно и шаблонно. Она талантливая и добрая, преподает в музыкальной школе. Музыку ведь мало любить, ее знать надо. В «Лире» у нас занимаются главным образом старики...

— Наташа! В детском-то клубе?..

— Ох, простите, это мы так учеников старших классов музыкальной школы называем. Так что я тоже «старуха». Больше всего любим музыкальные викторины. Для «Лиры» готовим вопросы посложнее, а когда приглашаем всех желающих, то спрашиваем что попроще. «Лира» возит свои концерты в сельские школы. Встречают нас по-разному, а провожают одинаково: «Приезжайте опять!..» Прямо не верится, что это те самые ребята, которые перед началом концерта ворчат на нас: «Опять классику пиликать будут». Мы уже знаем — не надо смущаться. А «пиликаем» так, чтобы за сердце брало!

Пустошкинцы считают: чем раньше дети полюбят искусство, тем прочнее оно войдет в них на всю жизнь. Поэтому ведут детей в Дом культуры чуть ли не с того возраста, когда они еще поперек лавки лежат. Методист Дома пионеров Валентина Михайловна Седунова руководит клубом октябрят. Они тут с утра до вечера ходят табунами, солидные и независимые. Проводят парады «октябрятских войск»; празднуют «дни красного галстука», интернациональные дни под названием: «Всех республик октябрята очень дружные ребята». Танцуют, играют в спортивные игры...

Председатель районного спорткомитета Михаил Юринов тоже считает важным делом занятия с детьми. В спортивном клубе у него систематически занимаются больше 200 человек.

— Пробиваем в Пустошке спортивную школу, — говорит Михаил. — И обязательно пробьем. Городок наш спортивный, следовательно, в достижении цели упорный.

Есть еще здесь клубы «Ветеран» и «Мужество». «Ветераном» руководит Михаил Никифорович Никифоров. И состоит он в большой дружбе с молодым капитаном из райвоенкомата Александром Александровичем Обтягиным. У них в «Мужестве» занимаются допризывники и те молодые парни, которые уже демобилизовались из армии. Клуб «Мужество» работает под лозунгом «Славу отцов — делам сыновей». Оба председателя рассказывают, что парни из армии почти все возвращаются теперь по домам и не скрывают, почему вернулись: в Пустошке интересно! Они и в своих подразделениях тоже организовывали разные клубы. А теперь с новым рвением занимаются вечерами здесь — в библиотеке, спортзале, кружках самодеятельности и в «Свече».

УГОЛОК РОССИИ

Деревня Щукино чем-то похожа на ту, в которой я родилась и росла. Только моя погибла в пламени войны и не возродилась. А здесь — пологие холмы, на холмах цветные дома с белыми наличниками, вдоль улицы березы да клены.

В щукинский Дом культуры входишь, будто в русский терем. С потолка вдоль стен заостренными планками спускается деревянная обшивка; по дереву выжжены картинки сельской жизни.

— Кто же так это хорошо придумал? — спрашиваю Виктора Васильева, директора дома.

— Сами!.. Художника у нас нет.

Виктор родился в Щукине, школу окончил здесь же и уехал в Псков, в культпросветучилище, чтобы по окончании вернуться домой, к своим озерам и лесам. В Доме культуры его ждали голые стены и сломанный магнитофон. А теперь маленькое фойе украшено цветами, и все то, что называется «наглядной агитацией», сделано с подлинным художественным мастерством. В уголке — небольшой подиум. В момент нашего приезда здесь утеснился вокально-инструментальный ансамбль «Лель»: Юра Дмитриев — токарь и электросварщик колхозной мастерской, Сергей Поплеухин — главный инженер колхоза «Весенний луч», Николай Осипов — столяр колхозной мастерской, Владимир Никандров — механик-оператор колхозного тока, трое Васильевых: сам Виктор, его брат Саша — линейный монтер и жена Виктора Тамара — художественный руководитель ДК. Взяли инструменты, запели:

Простор небесный сизокрыл,
Тишина кругом...
Мне уголок России мил,
Мой добрый отчий дом.

Слова и ноты этой песни они нашли в газете и начинают ею свои концерты. Песня эта — о главном для них, о том, что любят, во что верят, ради чего здесь живут и работают.

Ребята наперебой рассказывали о себе. Три раза в неделю, после кино, молодежь здесь танцует, самое веселое время — студенческие каникулы. Те, кто учится, конечно же, приезжают домой, и тут уж актив старается вовсю: пусть знают, что после института дома скучать не придется!

— Молодежи у нас много. Комсомольская организация активная. Студенты после институтов в Щукино тянутся, и демобилизованные возвращаются.

— Вот он, кпд культурной работы на селе, — сказала Мария Семеновна. — Они все возвращаются в деревню. А я об одном мечтаю: чтобы было среди молодежи побольше таких, как Виктор. Много доброго сделал он для людей. Он и поэт и композитор — сам пишет музыку для своих песен. Голос у него — слышали — хороший. Художник: рисует, пишет шрифты, режет и выжигает по дереву. Член правления колхоза. В те дни, когда в ДК нет вечеров, помогает колхозу сеять и убирать сено, хлеб, лен...

Автоклуб ехал лесною дорожкой в Ночлегово и пел. Автоклуб здесь — это отнюдь не клуб автолюбителей. Это клуб на колесах. Специально оборудованный автобус. На этот раз ехала агитбригада из Пустошки в деревеньку, где своего клуба нет, а в библиотеке — маленькое помещение со сценой. Зальцем этим на общественных началах с большим рвением занимается библиотекарь Мария Николаевна Бандурова.

Зал был уже битком набит, и Мария Николаевна мобилизовала трактористов на доставку стульев из соседнего дома. Выступил парторг совхоза «Алольский» Петр Владимирович Левченко. Сказал о школьниках и пенсионерах, помогавших совхозу. А потом агитбригада в коротких сценках, стихах, частушках развернула яростную агитационную битву против всего, что мешает жить, и горячо воспевала тех, кто украшает жизнь своими делами. Были проявлены не только пылкие эмоции, но и подлинный артистизм.

— Откуда такая одаренная молодежь? — спросила я Марию Семеновну.

— Отсюда же, из наших пустошкинских деревень, — сказала она. — Все окончили Псковское культпросветучилище. Видите, какая славная у нас смена.

Так, от районного Дома культуры до самой маленькой деревеньки тянется драгоценная цепочка культурной работы. Сотни людей вкладывают в нее свой труд и талант. Быть может, чего-то им еще не хватает. Но есть главное — и желание и умение жить полноценно.

— ...Ну, как Пустошка? — спросил меня Игорь Иванович Железнов в Пскове.

— Спасибо, хорошо, — вежливо ответила я, будто и не совершала никаких открытий. — Я хочу расспросить вас о Псковском культпросветучилище.

— В нем два отделения: библиотечное и клубное, последнее с театральной, хоровой, оркестровой и хореографической специализацией. Каждый год выпускают сто пятнадцать человек. Пятеро — для соседних областей, сто десять — для Псковской. Оседают они в селах прочно. За десять лет немногие переехали в другие места, и все по семейным обстоятельствам, короче говоря, женились и замуж повыходили. А остаются вот почему: на мой взгляд, их правильно распределяют, туда, где уже образовался культурный центр, где есть сельская интеллигенция. В деревушке, где несколько домов, культурная работа бесперспективна, а уж в хороший соседний клуб молодежь из этой деревушки непременно доберется. Правильно распределить на работу — значит, помочь укорениться. В училище известен такой случай: одна девушка заявила, что не может ехать в деревню, потому что там печки, а она их никогда не топила. Ей дали комнату в одном из колхозов, где есть паровое отопление, она и живет там, работает хорошо. Молодежи надо помогать.

...Наверное, мне скажут: примеров, подобных Пустошке, не так уж и мало. Скажут, что я пристрастна. И будут правы. Я полюбила Пустошку. Я чувствую себя астрономом, открывшим маленькую новую звезду.

ЗДА - ПУСТОШКА

РАССКАЗ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Выдающиеся прозаики начала нашего века (М. Горький, И. Бунин, Л. Андреев, А. Куприн) утверждались в литературе и в читательском сознании как рассказчики. То, что роман утратил к концу XIX века свое ведущее положение, было замечено тогда же. Малые эпические жанры, динамичные и емкие, безусловно, могли оперативно и детально отразить быстро менявшуюся и усложнявшуюся жизнь переходной, революционной эпохи. Однако не было ли это оплачено ценой утраты цельности взгляда на мир и на человека, потерей этической определенности? Эти и иные сомнения до сих пор занимают историков литературы и по-разному ими разрешаются.

В исследовании В. Я. Гречнева заключена убедительная аргументация против традиционной недооценки жанра рассказа и шире — против сильно потесненной, но живучей концепции «кризиса реализма» в начале XX века. Быть может, самым ярким примером того, как автор решает поставленную задачу на широком материале русской реалистической классики от Пушкина до Куприна, является сопоставление «Анны Карениной» с поздними повестями и рассказами Л. Толстого. Характерные для них новые художественные принципы, как удается показать исследователю, вызревали уже в названном романе.

Воздействие Чехова на писателей-новеллистов В. Я. Гречнев связывает прежде всего с новизной и общечеловеческой значимостью проблем, выдвинутых писателем.

Особенно подробно рассмотрено в книге творчество И. Бунина, Л. Андреева, М. Горького. По мастерству анализа и обоснованности мыслей глава о Бунине представляется центральной в монографии. В. Я. Гречнев освещает процесс творчества Бунина — врастание поэзии в прозу, выясняет особенности его психологизма, важную структурную функцию и смысловую содержательность «образа времени» в его прозе.

Метод монографического анализа отдельных рассказов с успехом применен и в главе о Л. Андрееве. Рассказы «Бездна», «Стена», «Губернатор», «Призраки» и другие рассматриваются в свете остро волновавших Л. Андреева социальных и «вечных» проблем, с учетом отзывов современников, что позволяет провести тщательное сопоставление прозы писателя с нравственно-философскими исканиями эпохи («Смерть Ивана Ильича» и «Крейцерова соната» Л. Толстого) и в то же время рельефнее выявить индивидуальные особенности его творчества. В частности, по-новому освещается автором проблема отчуждения в рассказах Л. Андреева и связанная с ней тема рока, плодотворны и наблюдения над идейно-психологической функцией детали, передающей у Л. Андреева и внутреннее состояние персонажа и «голос» автора.

Книга В. Я. Гречнева вполне обоснованно завершается анализом рассказов М. Горького, относящихся к двум основным периодам его новеллистического творчества — к 1890-м и 1920-м годам. Исследователь значительно уточняет установившиеся представления о характере сосуществования реалистических и романтических тенденций в раннем творчестве писателя, показывая их органическую взаимообусловленность и совместимость даже в рамках одного произведения. Жанровые искания молодого М. Горького автор справедливо соотносит с процессом формирования его творческого метода. Анализ рассказов 1922—1924 годов убеждает в том, что, как и в дореволюционном цикле «По Руси», «малые формы» привлекали М. Горького своими «исследовательскими» возможностями. В вопрос о творческом влиянии М. Горького на советскую литературу В. Гречнев вносит серьезные дополнения и поправки.

Автор книги стремится к распутыванию трудных и спорных литературоведческих проблем, связанных с историей рассказа и с творчеством И. Бунина, Л. Андреева и М. Горького. По методу и по самой сути исследования — его основной предмет всегда рассматривается в «водовороте жанровых контекстов эпохи» — оно противостоит схематизации, упрощенчеству и компиляторству. В книге выявлена и определена ведущая роль рассказа в системе литературных жанров рубежа веков, раскрыты социально-исторические и литературно-эстетические корни этого явления.

Ю. ГЕРАСИМОВ,
доктор искусствоведения

Ленинград.

В. Я. Гречнев. Русский рассказ конца XIX—XX века. (Проблематика и поэтика жанра). Л., «Наука», 1979.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

Киловатты — в копилку

В «Огоньке» (№ 3, 1980 г.) под рубрикой «Рядом с инспектором» была напечатана статья начальника службы энергонадзора Белглавэнерго В. Жорова и собкора «Огонька» А. Щербакова «Ищущий находит!». В ней был подвергнут резкой критике за нерациональное расходование электроэнергии Минский электротехнический завод имени В. И. Козлова.

Как сообщил редакции главный энергетик завода В. В. Юркевич, на предприятии разработаны меры по усилению борьбы за экономию электрической энергии и топлива. Они уже дают ощутимые результаты: только за январь коллектив сэкономил 32 тысячи киловатт-часов.

РАСКРЫТИЕ ТАЙНЫ

КОГДА ГОРЫ ГОВОРЯТ

Горы, конечно, не говорят. Но их имена, как и названия рек и озер, городов и пустошей, способны рассказать о многом... И об исчезнувших народах с их языками и обычаями, о походах и перемириях, о небольших делах и великих переселениях, и прежде всего о людях... Разгадать тайну географических названий способна топонимика, наука, стоящая на стыке истории, географии и лингвистики. Именно она проверяет версии названия «Москва» (а таких версий около двадцати!), она вскрывает родство далеких друг от друга поселений — так с Полтавщины «переезжали» в Приамурье имена деревень, она разгадывает смысл имен древних городов. Науке этой всего сто лет, а сколько она уже успела!

Город Клин почему так именуют? Вовсе не по аналогии с тем клином, которым вышибают: слово это давнее и означает лесистую поросль, лес по болоту. И для поселка Чертежи, что в Ивановской области, имя взято вовсе не из лексикона конструктора, а произошло от черточки — зарубки на дереве, предназначенном на сруб. Старой деревни уже нет, ее скрыл разлив Горьковской ГЭС, а имя сохранено и теперь дано новому поселку.

Топонимика — наука памятливая и строгая. У нее свои требования к названиям физико-географических объектов.

КРЫМ

КАК РОЖДАЮТСЯ МУЗЕИ

Кубинский стенд в музее дружбы.

КИРГИЗИЯ

Каждый, кто приедет в город Ош, областной центр Киргизии, сразу же обратит внимание на гигантскую причудливую гору Тахт-и-Сулейман. С незапамятных времен, овеянная легендами, стоит она над городом, точно безмолвный хранитель неведомых тайн. Любопытны предварительные результаты, которые получены после нескольких лет раскопок на горе Тахт-и-Сулейман. Они доказывают, что городу около трех тысяч лет. Выходит, Ош — один из древнейших городов нашей страны.

Здесь ведут крупные раскопки археологи Ферганской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР вместе с сотрудниками местного историко-краеведческого музея. Из разведочных шурфов ученые извлекли черепки керамической посуды с характерной роспи-

На снимке: одна из траншей при раскопках горы Тахт-и-Сулейман. На переднем плане археолог Ю. Заднепровский.

ПО СТРА

Какие? Ответ мы получили в отделе географических названий Центрального научно-исследовательского института геодезии, аэросъемки и картографии. Прежде всего, сказали в институте, название должно быть однословным, звучным и кратким, неповторяющимся и не противоречащим системе названий, сложившейся в том или ином географическом регионе. Надо учитывать языковые традиции, обычаи. Вот пример. Белых пятен на карте практически уже нет, но в горах Памира и Тянь-Шаня попадаются еще «немые» пики. Недавно один из них заговорил, он носит теперь имя известного ученого, страстного поклонника и мастера альпинизма — Р. В. Хохлова. Но прежде выяснили, не было ли у гор имен местных, сохранившихся, может быть, лишь в памяти старожилов.

Семьдесят лет назад у серой скалы на берегу реки Зеркальной в Приморском крае произошла встреча ученого В. К. Арсеньева и охотника Дерсу Узала. Об этой встрече есть запись в дневнике ученого и писателя, помнят о ней и старики. И скала получила имя Дерсу Узала.

С земной поверхности топонимика шагнула и в морские глубины, и на Луну, и на Марс. Подводная гора в Атлантике названа «Академик Книпович» — в честь судна, на котором находилась экспедиция; и еще есть гора Месяцева — в память советского ученого, организатора первых океанографических исследований. Как знать, может быть, вскоре моря и горы других планет обретут имена и станут памятью — о людях-творцах, об открытиях...

К. ФЕДОРОВА

Войдем и мы в эту уютную, светлую комнату. И сразу же наше внимание привлекут стенды, где тесно разместились экспонаты, порой самые неожиданные: забавные куклы в национальных костюмах, разные самоделки, рисунки и фотографии, книги, значки, флажки...

Все это оставляют на память в «России» — одном из крымских санаториев — гости из разных стран. Можно подолгу с интересом рассматривать накопленные здесь трогательные «богатства», выразительно символизирующие лучшие из человеческих чувств: дружелюбие, благодарность, признательность... Вот книги и рисунки, подаренные Х. Бидструпом, всемирно известным художником-карикатуристом. В «России» гостила дочь одного из инициаторов создания Компартии Японии Сэн Катаямы. Она вручила в дар музею книги и фотографии, рассказывающие о жизни и деятельности великого революционера, ее отца... Находим на экспонатах надписи, свидетельствующие о пребывании в «России» Жака Дюкло, Жаннеты Вермерш... Так, переходя от стенда к стенду, видишь перед собою целый мир.

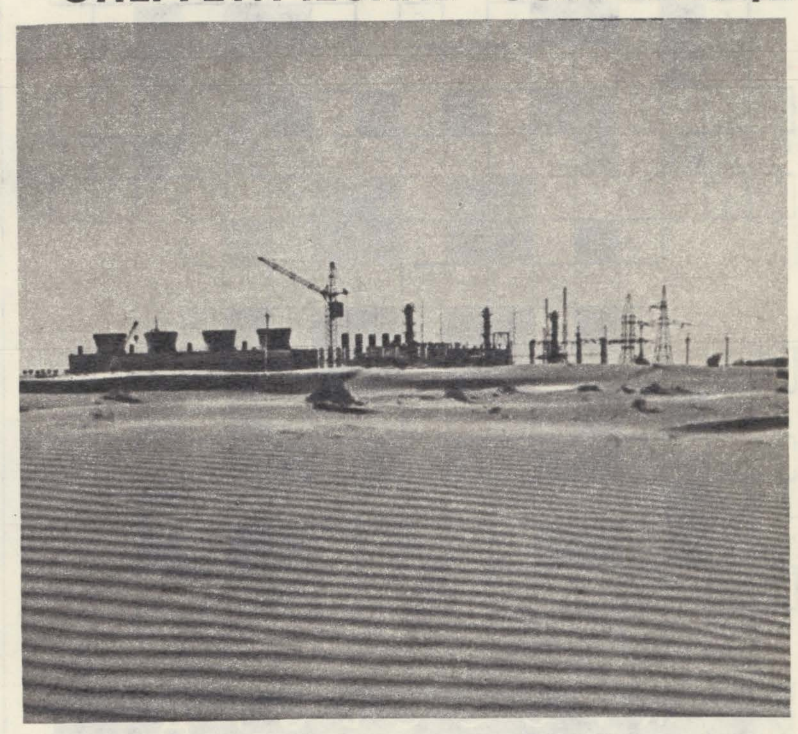
Музей тоже не оставляет своих гостей без ответных сувениров. Гости увозят к себе на родину открытки, значки, красочные издания, рассказывающие о жизни Советской страны, книги... Желанным подарком являются произведения Леонида Ильича Брежнева.

Уже много лет действует этот прекрасный музей интернациональной дружбы в Крыму, скромно именуясь комнатой международных встреч. Но, как рассказывает директор «России» Ф. Н. Портнов, работу музея дружбы да и сам музей намечено расширить в ближайшие годы. Это будет отвечать просьбам и стремлениям всех, кто побывал здесь хоть однажды.

Н. ПАВЛОВА

ТУРКМЕНИЯ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ СОКРОВИЩА

Общий вид головного сооружения газодобывающего промысла в Заунгузских Каракумах.

Фото Р. Джуманиязова

Чем только не маскирует природа свои клады — то вечной мерзлотой, то непроходимыми болотами, то раскаленными песками. Но современные способы разведки недр позволяют геологам делать все новые и новые открытия.

Издавна пески Каракумов были олицетворением бросовой, пустынной земли. Но оказалось, что под барханами таятся гигантские бассейны топливного газа. Ныне этот газ удовлетворяет энергетические нужды республик Средней Азии и центральных районов страны — бесконечная голубая река течет по магистральному трубопроводу.

Найдены новые месторождения. Четырехлетнее задание по приросту запасов газа геологи республики выполнили за три года. Это открывает широкий фронт работ для добытчиков.

Вяч. КОСТЫРЯ, собкор «Огонька»

сью, каменные орудия труда, кости животных.

Экспедиция ученых под руководством доктора исторических наук известного ленинградского археолога Ю. А. Заднепровского ищет остатки поселения, располагавшегося на склонах горы. Была обнаружена одна из каменных галерей, которая заканчивается небольшой комнатой с четырьмя хозяйственными ямами для хранения продуктов, котлом из огнеупорной глины, служившим для приготовления пищи. Это единственная пока находка следов жизни людей бронзового века на территории нынешней Киргизии.

В верховьях реки Акбуры, неподалеку от села Озгор, обнаружены могильники кочевых племен, живших здесь в VIII—V веках до нашей эры. Захоронения оказались богаты самыми разнообразными вещами: бронзовыми пряжками, браслетами, перстнями, бусами из сердолика...

Благодаря находкам в районе Оша появилась возможность установить еще одно звено в цепи эволюции человеческого общества в Средней Азии, начиная от эпохи ранней бронзы и кончая средневековьем.

Э. ПАИН
Фото автора

ПОДМОСКОВЬЕ

РАДОСТЬ В РИСУНКЕ

Огненные розы, сиреневые пионы, пестрый ковер фиолетовых колокольчиков и белых ромашек... Так ярко и живо разбросаны цветы на этих плотных листах бумаги, что руки сами собой тянутся собрать стебельки в пышный, красочный букет. Но... это ведь только рисунок, только отражение пестрой цветочной радуги наших садов, лугов, лесных полян.

— Нравится?

Художница перебирает рисунки, одни откладывает, другие протягивает мне. А я все не могу поверить, что все это — не эскизы к картинам, а лишь рисунки — модели, по которым изготавливаются обычные платки. Правда, Московское производственное платочное объединение выпускает не совсем и обычные: немало платков отмечено медалями и почетными дипломами международных ярмарок и выставок в Нью-Йорке, Брюсселе, Лейпциге, их знают в Монголии, в Афганистане, Вьетнаме. И на многих из этих платков — рисунки члена Союза художников СССР, дипломанта многих выставок Екатерины Петровны Регуновой.

Художница Е. П. Регунова.

— А это — одна из самых любимых моих работ, за нее мне дали Большую золотую медаль на Брюссельской выставке,— показывает Екатерина Петровна рисунок для шали.

Рисунок называется «Рябина», и я поражаюсь, с каким вкусом расположены красные бусинки рябины на черном фоне, среди букетов роз, ромашек, зеленых ветвей. Этих бусинок совсем немного, но рисунок никак нельзя иначе назвать, например, «Букеты» или там «Радуга земли» — только «Рябина»! А Екатерина Петровна уже протягивает мне «Золотую осень», «Кармен», «Вечерний звон», «Русь» — сколько же здесь прекрасных работ накопилось за тридцать пять лет, прожитых художницей Регуновой на Павлово-Посадской платочной фабрике!

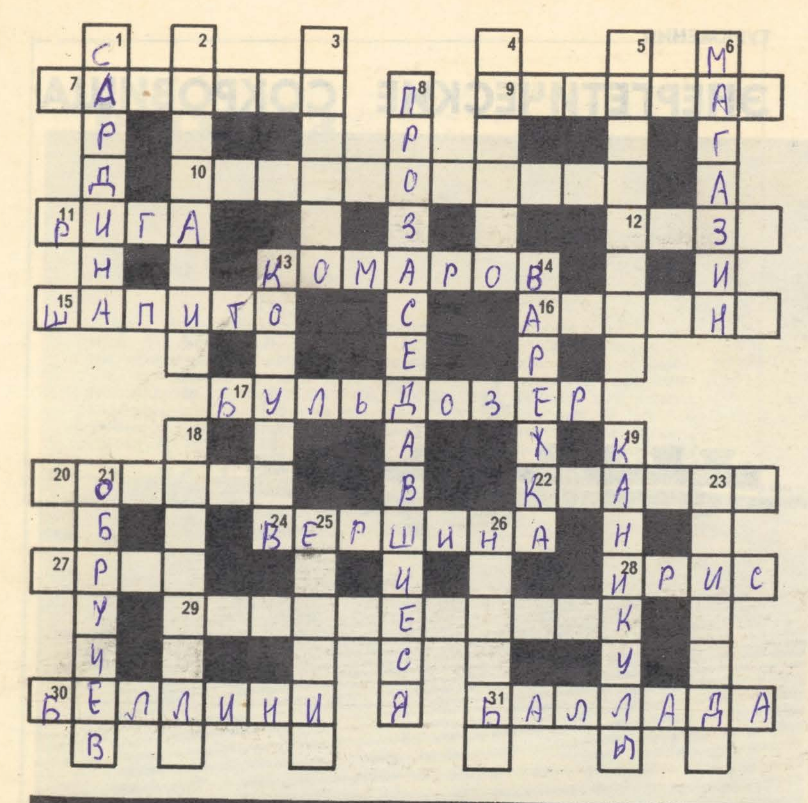
Она пришла сюда сразу после техникума, который окончила в памятном сорок пятом году — как раз в День Победы. Вместе с другими художниками Екатерина Петровна создавала на фабрике мастерскую, искала «свой», павлово-посадский стиль.

— Некоторые удивляются: что, мол, за работа цветочки рисовать! — с каким-то недоумением говорит мне художница.— А мы, когда думаем над рисунком, просто одержимы каждой темой: и по улице идешь и дома — все перед глазами варианты, элементы композиции. Так хочется дать людям и в рисунке на платке радость! А сейчас дел особенно много: скоро выпуск платков возрастет. Как раз к Московской Олимпиаде...

И. МАТВЕЕВ-ВОХНОВСКИЙ

НЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Польский живописец XIX века. 9. Герой рассказа из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 10. Фильм, поставленный кинорежиссером И. А. Пырьевым. 11. Столица союзной советской республики. 12. Хлопчатобумажная ткань. 13. Советский летчик-космонавт. 15. Передвижной цирк. 16. Колонна в виде фигуры, поддерживающая балкон, перекрытие. 17. Строительная дорожная машина. 20. Маскарадный костюм. 22. Музыкальный интервал. 24. Наиболее высокая часть горы, хребта. 27. Приток Аракса. 28. Сорт конфет. 29. Спортивное общество, объединяющее студентов и преподавателей вузов. 30. Композитор, автор оперы «Норма». 31. Поэтический жанр.

По вертикали: 1. Промысловая морская рыба. 2. Химический радиоактивный элемент. 3. Кантата П. И. Чайковского. 4. Советский композитор, органист, педагог. 5. Детская кроватка, люлька. 6. Предприятие розничной торговли. 8. Стихотворение В. В. Маяковского. 13. Действующее лицо романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 14. Вязаная рукавица. 18. Сорт мелкой сливы. 19. Перерыв в занятиях учебных заведений. 21. Советский геолог и географ, академик. 23. Композиция из картин, объединенных одним замыслом. 25. Поэма Т. Г. Шевченко. 26. Азотистокислая соль.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В НОМЕРЕ 11

По горизонтали: 5. Литва. 8. Байдарка. 9. Леонидов. 10. Канал. 11. Заставка. 12. Институт. 13. Тукай. 15. Шипка. 19. Камея. 21. Мангышлак. 22. Стадий. 23. Карпов. 26. Семантика. 27. Тариф. 29. Дрель. 30. Бекар. 32. Шевченко. 33. Живопись. 34. Рейка. 35. «Писатель». 36. Наливкин. 37. Белок.

По вертикали: 1. Плакат. 2. Таллий. 3. Паганини. 4. Шарада. 6. Сnеток. 7. Поручень. 14. Крыжовник. 16. Картули. 17. Кабинет. 18. Казарка. 20. Автокар. 24. «Опасение». 25. Колосник. 28. Флейта. 29. Диорит. 30. Борьба. 31. Ржанка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Механик колхоза имени Ольминского, Белгородской области, Василий Васильевич Оболонко. **НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:** А утром наступила весна — дети колхозников на прогулке. * Биоцех колхоза имени Ольминского.
(См. в номере очерк «Алексеевская слобода»).

Фото Б. Кузьмина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 285-79-64. Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 25.02.80. Подписано к печати 11.03.80. А 00334.
Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 526. Заказ № 1966.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Е. А. Косова с портретом Шандора Петефи.

Творческий путь Елены Александровны Косовой не совсем обычен. Преподаватель иностранного языка, она довольно поздно начала заниматься скульптурой. Произошло это за рубежом, во время ее пребывания в Венгрии.

РЕЗЕЦ

Первой работой стал портрет венгерского поэта, революционера Шандора Петефи. Е. А. Косова нашла новое, свое решение образа и, по мнению венгерских художественных критиков, впервые наиболее ярко выявила мягкую лиричность, вдохновенность его натуры. «Поэзия, воплощенная в скульптуре»,— писал об этом произведении один из журналов Венгрии.

Весной 1945 года в книге музея Шандора Петефи, в Кишкёрёше, русский капитан Румянцев оставил запись: «Я преклоняюсь перед памятью поэта и с подъемом духа иду в бой за культуру и счастье венгерского народа».

Тридцать лет спустя советский скульптор воплотила в портрете Шандора Петефи величайшее уважение советских людей к личности и творческому наследию поэта. Возле этой скульптуры в музее Петефи в Кишкёрёше всегда лежат букетики полевых цветов.

Еще одна работа Косовой — портрет Маяковского. Художник передает в нем не только черты, присущие поэту — «горлану-главарю», но более всего старается подчеркнуть душевную тонкость, черты человека, глубоко и сильно чувствующего. Не так давно это произведение принято в экспозицию Государственного музея В. В. Маяковского в Москве.

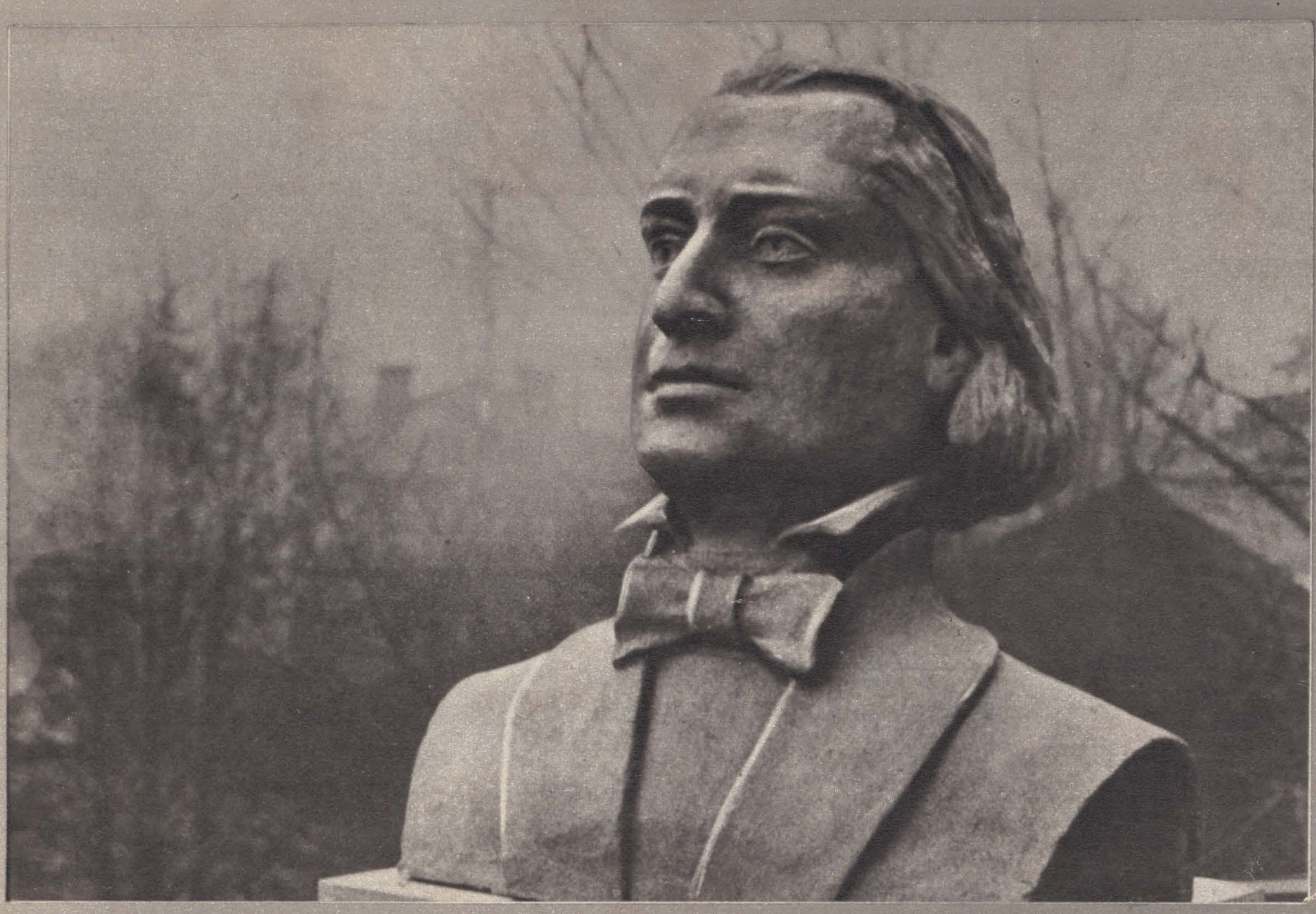
Скульптору удалось показать непростой, неоднозначный внутренний мир своих героев. В этом ей помогает эрудиция, высокая культура.

Изображение Ференца Листа выходит за пределы камерных музейных решений. Он кажется монументом, обращенным к широким массам зрителей.

В числе удач художника — воплощенные в пластике образы М. Горького, А. Чехова. И вот — один из последних — скульптурный портрет Бетховена. В большинстве произведений, посвященных ранее великому музыканту, акцентировалась трагическая линия в его судьбе. В произведении Елены Александровны нет мрачности, отрешенности.

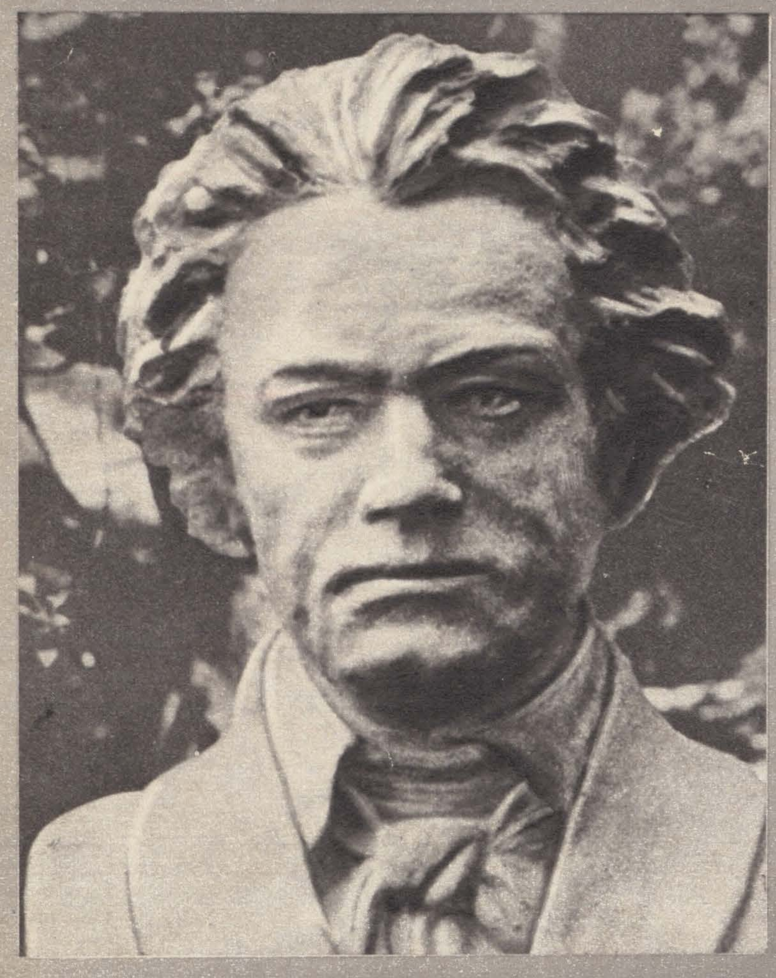
Гуманистическое начало, силу духа, величие подвига стремится воплотить скульптор в своих произведениях. Главный эстетический критерий ее искусства — раскрыть самоценность человеческой личности, внутренний мир человека. Это и делает творчество художника глубоко современным.

В. РАФАЕНКО,
кандидат искусствоведения

Ференц Лист.

И ВДОХНОВЕНИЕ

Людвиг ван Бетховен.

Владимир Маяковский.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663